

ISSN 2782-3067 (Print)

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

№ 4(14) | No. 4(14)
ДЕКАБРЬ | DECEMBER 2024

Наука, исследования,
аналитика

Консалтинг,
рекомендации

Цифровые технологии
и решения

Издательская
и медиадеятельность

Просвещение
и обучение

Гуманитарные
коммуникации

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

*Искусство диалога
и доверия*

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2024-4-4(14)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Информация об издании

Россия и мир: научный диалог

– печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.
Издается с 2021 года, выходит 4 раза в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС77-81013 от 17 мая 2021 года.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

ISSN 2782-3067 (Print)

Архивация:

Российская государственная библиотека

Национальный электронно-информационный консорциум

Журнал «Россия и мир: научный диалог» предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту исходя из следующего принципа: свободный, открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки "КиберЛенинка".

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Учредитель, Издатель

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

119034, г. Москва, пер. Коробейников, д. 22, стр. 1

E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Партнеры

Институт востоковедения РАН

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Тел.: +7 (495) 621-18-84. www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Адрес редакции

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

Редакция журнала «Россия и мир: научный диалог»

119034, Российская Федерация,

Москва, Коробейников пер., 22, стр. 1

Веб-сайт: <https://www.russia-world.ru/jour>

Электронная почта: rw.journal@nicrus.ru

Цели и задачи

Целью журнала является создание научной дискуссионной платформы для коллегиального обсуждения проблем и выработки оптимальных решений в области международного сотрудничества, проведения совместных исследований и публикации их результатов. К публикации в журнале и рецензированию поступающих на рассмотрение материалов приглашаются отечественные и зарубежные ученые и эксперты. Научная концепция издания предполагает публикацию научных материалов (собственно научных и дискуссионных статей, обзоров, рецензий) в области политологии, социологии, мировой экономики, культурологии. Содержательно-тематический профиль журнала включает темы, отражающие международные и региональные процессы, политические, экономические, социальные, культурные аспекты международных отношений, межстрановых и межкультурных коммуникаций, международной безопасности и устойчивого развития.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки:

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

5.4.5. Политическая социология

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

© «Россия и мир: научный диалог», 2024

© АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций», 2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиадеятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО МИД России (Россия)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРСЕНТЬЕВ Николай Михайлович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (Россия)

БЕГАЛИНОВА Калимаш Капсамаровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета имени Аль-Фараби (Казахстан)

ВИНОГРАДОВ Андрей Владимирович – доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, главный редактор научного и общественно-политического журнала «Проблемы Дальнего Востока» (Россия)

ВОЛКОВ Владислав Викторович – доктор социологических наук, ведущий исследователь Института философии и социологии Латвийского университета, профессор Балтийской международной академии (Латвия)

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент Российской ассоциации политической науки, член Общественной палаты РФ (Россия)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН (Россия)

ЕГОРОВ Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, почетный доктор Института социологии РАН (Россия)

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Россия)

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Россия)

ЗУБИР Арус – профессор социологии, директор лаборатории «Религия и общество», факультет социальных наук, Университет Алжира 2 (Алжир)

ЛЕОН-ДАРДЕР Фидель – доктор экономики (PhD), профессор Университета Валенсии (Испания)

ЛЕТЯЕВ Валерий Алексеевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия); профессор Дипломатической академии МИД РФ (Россия)

НАЗАРОВА Елена Александровна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России (Россия)

РАХИМОВ Мирзохид Акрамович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением общественно-гуманитарных наук, директор Центра новейшей истории Узбекистана АН Республики Узбекистана, руководитель отдела «Современной истории и международных отношений» Института истории АН Республики Узбекистан (Узбекистан)

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института демографических исследований РАН (Россия)

ШАБРОВ Олег Федорович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, президент Академии политических наук (Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

ГАСУМЯНОВ Владислав Иванович – доктор экономических наук, директор Национального исследовательского института развития коммуникаций, заведующий базовой кафедрой корпоративной безопасности МГИМО МИД России (Россия)

БЕЛОУСОВ Михаил Владимирович – кандидат социологических наук (Россия)

КАМАЛОВ Армаис Альбертович – доктор медицинских наук, академик РАН, профессор (Россия)

ХОДЬКО Слава Трофимович – кандидат технических наук (Россия)

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2024-4-4(14)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Information about the journal

The journal «Russia & World: Scientific Dialogue»

– print media (mass media), magazine.

Published since 2021, 4 times a year.

Registration number and date of the decision on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor): PI No. FS77-81013 dated May 17, 2021.

The journal is registered in the National ISSN Center of the Russian Federation ISSN 2782-3067 (Print)

Archive:

Russian State Library

National Electronic-Information Consortium

Open Access Policy

«Russia & World: Scientific Dialogue» is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication. The open access is granted in accordance with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) definition: all articles are available free of any charge on the public internet, permitting any users to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of these articles, crawl them for indexing, pass them as data to software, or use them for any other lawful purpose, without financial, legal, or technical barriers other than those inseparable from gaining access to the internet itself. For more information please read BOAI statement.

All articles and materials published in the journal are indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI) database on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and they are also available through the website of the scientific electronic library "CyberLeninka".

The journal is included by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of a dissertation for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

Founder, Publisher

ANO «National Communications Development Research Institution»

22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow, 119034

E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Partners

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12

Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 621-18-84

www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Address of the Editorial Office

ANO «National Communications Development Research Institution»

Editorial Office «Russia & World: Scientific Dialogue» 22, building 1,

Korobeynikov Lane, Moscow, 119034

Russian Federation

Website: <https://www.russia-world.ru/jour>

E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Aim and Scope

The purpose of the journal is to create a scientific discussion platform for peer discussion of problems and for the development of optimal solutions in the field of international cooperation, joint research, and publication of its results. Foreign scientists and experts are invited to publish and review the materials submitted for consideration.

The scientific concept involves the publication of scientific papers, including research insights and scholarly results, discussion articles and reviews, in the field of political science, sociology, world economy, cultural studies. The substantive and thematic profile of the journal includes topics reflecting international and regional processes, political, economic, social, cultural aspects of international relations, interstate and intercultural communications, international security and sustainable development

Scientific specialties and branches of science corresponding to them

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

HISTORICAL SCIENCES

5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy

SOCIOLOGICAL SCIENCES

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.5. Political Sociology (sociological)

POLITICAL SCIENCES

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

© «Russia & World: Scientific Dialogue», 2024

© ANO «National Communications Development Research Institution», 2024

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Scientific Work of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Communications Development Research Institution, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

EXECUTIVE EDITOR

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, expert of the National Communications Development Research Institution (Russia)

EDITORIAL BOARD

Nikolay M. ARSENTIEV – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Historical and Sociological Institute of the N.P. Ogarev National Research Mordovian State University (Russia)

Kalimash K. BEGALINOVA – DSc (Philos.), professor, Professor of the Department of Religious and Cultural Studies, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Andrey V. VINOGRADOV – DSc (Polit.), Head of the Center for Political Research and Forecasts, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the scientific and socio-political journal «Problems of the Far East» (Russia)

Vladislav V. VOLKOV – DSc (Soc.), Leading researcher at the Institute of Philosophy and Sociology, University of Latvia; Professor at the Baltic International Academy (Latvia)

Oksana V. GAMAN-GOLUTVINA – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Head of the Department of Comparative Political Science of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, President of the Russian Association of Political Science, member of the Public Chamber of the Russian Federation (Russia)

Alexey A. GROMYKO – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Denis A. DEGTEREV – DSc (Polit.), Professor, Leading Researcher, Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Vladimir K. EGOROV – DSc (Philos.), professor, Head of the UNESCO Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexey E. ZAGREBIN – DSc (Hist.), professor, professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Irina D. ZVYAGELSKAYA – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia), Professor, Head of the laboratory «Center for Middle Eastern Studies» of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Arous ZOUBIR – Professor of Sociology, Director of the Laboratory of Religion and Society, University of Algiers 2, Faculty of Social Sciences (Algeria)

Fidel LEON-DARDER – PhD, professor at the University of Valencia (Spain)

Valerii A. LETIAEV – DSc (Law), CandSc (Hist.), professor, professor of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia); professor of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Russia)

Elena A. NAZAROVA – DSc (Soc.), professor, professor of the Department of Sociology of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Mirzokhid A. RAKHIMOV – DSc (Hist.), professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; Director of the Center for Modern History, Head of the Department of Modern History and International Relations, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan)

Sergey V. RYAZANTSEV – DSc (Econ.), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Oleg F. SHABROV – DSc (Polit.), professor, professor of the Department of State Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, President of the Academy of Political Sciences (Russia)

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

CHAIRMAN

Alexander V. FEDOROV – CandSc (Law), professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Russia)

DEPUTY CHAIRMAN

Vladislav I. GASUMYANOV – DSc (Econ.), Director of the National Communications Development Research Institution, Head of the Basic Department of Corporate Security MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Mikhail V. BELOUSOV – CandSc (Soc.) (Russia)

Armais A. KAMALOV – DSc (Med.), professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, (Russia)

Slava T. KHODKO – CandSc (Tech.) (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Наумкин В.В. 14
От главного редактора

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Дегтерев Д.А. 20
Основные виды силы на международной арене: структурная, сила взаимозависимости, «жесткая» и «мягкая»

Кочегуров Д.А. 34
Президентская команда Д.Трампа накануне выборов 2024 г.: кто они?

Травкина Н.М. 49
США: фрагментация политических элит и перспективы российско-американского диалога

Базлуцкая М.М., Сытник А.Н. 63
Трансмедийное вовлечение: фрейм-анализ цифровой дипломатии США в России при помощи искусственного интеллекта

Мясников А.И. 86
Интернет-дискурс левых популистов во Франции как способ их саморепрезентации в преддверии выборов в Европейский парламент 2024 г.

Зарипов Р.И. 97
Информационно-психологическое оружие в политическом дискурсе как индикатор многовекторности

Катагощина М.В., Комлева В.В., Кузьменко Е.А., Шеин С.А. 105
Многовекторность во внешней политике стран постсоветского пространства: актуальные проблемы и тенденции

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы
Политическая социология

Комлева В.В. 126
Интеллектуальный потенциал Кыргызстана

Барахвостов П.А. 151
Гибридизация религиозных институтов как индикатор духовно-нравственного кризиса

Базавлук С.В., Ковалев А.А. 164
Борьба с манипулированием и поощрением деструктивного поведения как элемент политико-правовой культуры

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений и внешней политики

Гришин Я.Я., Летяев В.А. 184
Мобилизационные метаморфозы в Польше 1939 г. и развертывание польских вооруженных сил в конце августа – начале сентября

Дакенова Н.А. 201
Урбанизация Иссык-Кульского региона в XX в. (на примере города Каракола)

Мухамедов Р.А., Кильдюшкина И.Г., Яковлева А.Ю. 212
«Алатырская» антитеза «латинству»: о чуждой религиозной экспансии раскольников

CONTENTS

Naumkin V.V. 14
Editor-in-chief Forword

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES
International relations, global and regional studies

Degterev D.A. 20
The Major Types of Power in the International Arena: Structural Power, Power of Interdependence, “Hard” and “Soft” Power

Kochegurov D.A. 34
D.Trump's Presidential Team on the Eve of the 2024 Elections: Who are They?

Travkina N.M. 49
USA: Political Elites Fragmentation and Russian-American Dialogue Prospects

Bazlutckaia M.M., Sytnik A.N. 63
Transmedia Engagement: AI-Driven Frame Analysis of the U.S. Digital Diplomacy in Russia

Myasnikov A.I. 86
Left-wing Populists Internet-discourse in France as a Self-representation before the European Parliament Elections in 2024

Zaripov R.I.97
Information and Psychological Weapons in Political Discourse as an Indicator of Multi-vectorism

Katagoshchina M.V., Komleva V.V., Kuzmenko E.A. Shein S.A.105
Multi-vector Approach in the Foreign Policy of the Post-Soviet Countries: Current Issues and Trends

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Komleva V.V. 126
Intellectual Potential of Kyrgyzstan

Barakhvostov P.A. 151
Hybridization of Religious Institutions as Indicator of Spiritual and Moral Crisis.

Bazavluk S.V., Kovalev A.A. 164
Combating Manipulation and Encouraging Destructive Behavior as an Element of Political and Legal Culture

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations and Foreign Policy

Grishin Ia.Ia., Letiaev V.A...... 184
Mobilization Metamorphoses in Poland and Polish Armed Forces Deployment in late August-early September 1939

Dakenova N.A. 201
Population Dynamics as an Urbanization Factor in the Issyk-Kul Region (on the Example of the Karakol City)

Mukhamedov R.A., Kildyushkina I.G., Yakovleva A.Yu.212
"Alatyr" Antithesis to "Latinism": on the Alien Religious Expansion of Schismatics

Виталий Вячеславович НАУМКИН,
академик Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Россия и мир: научный диалог»

Vitaly V. NAUMKIN,
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-chief of the journal
«Russia & World: Scientific Dialogue»

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Представляем Вашему вниманию четвертый выпуск журнала 2024 г. В этом выпуске освещаются проблематика международных отношений, а также процессы, происходящие в странах постсоветского пространства и Запада. В той или иной мере практически все авторы журнала касаются вопросов силового потенциала стран: кто-то говорит об информационных ресурсах, кто-то о необходимости ресурсов политики многовекторности, кто-то о гуманитарной политике как «мягкой силе», кто-то о военном присутствии. Общие методологические проблемы понимания силы на международной арене рассматриваются в статье Д.А.Дегтерева. Отмечая различие в подходах к пониманию силы и амбивалентный, сложный характер ее реализации, автор предлагает свою концепцию иерархии разных типов сил: структурной силы, комплексной взаимозависимости, «жесткой» и «мягкой» сил. По мнению Д.А.Дегтерева, соотношение между применением той или иной силы определяется национальной стратегической культурой, особенности которой рассматриваются на примере глобальной конкуренции США и КНР.

Политические процессы внутри США анализируются Д.А.Кочегуровым. В частности, автор предложил свой взгляд на предвыборную ситуацию накануне президентских выборов 2024 г. в США и на команду кандидатов на ведущие посты в правительстве США Д.Трампа. Позиции кандидатов анализируются не только с точки зрения их внутриполитических и внутригосударственных интересов, но и через призму отношения к России.

Тематика американской элиты с позиции перспектив российско-американского диалога анализируется и в статье Н.М.Травкиной. Автор говорит о фрагментации политических элит, в частности, о специфической трансформации властных групп в олигархические и о появлении «цветной» элиты аме-

EDITOR-IN-CHIEF FORWORD

Dear readers!

We present to your attention the fourth issue of the journal in 2024. This issue is devoted to the problems of international relations, processes in the countries of the post-Soviet space and the West. Almost all the authors discuss the issues of the power potential of countries: someone talks about information resources, someone about the need for a multi-vector policy, someone about humanitarian policy as "soft power", someone about military presence. General methodological issues of analyzing power in the international arena are considered in the article by D.A.Degterev. Noting the differences in approaches to understanding power and the ambivalent, complex nature of its implementation, the author offers his own hierarchy of different types of power: structural power, complex interdependence, "hard" and "soft" power. According to D.A.Degterev, the relationship between the use of this or that force is determined by the national strategic culture, which is shown in the example of the global competition between the United States and China.

Political processes within the United States are analyzed by D.A.Kochegurov. The author offered his view on the pre-election situation of the 2024 presidential elections in the United States and on the team of candidates for leading positions in the US government of D.Trump. The candidates' positions are analyzed not only from the point of view of their domestic political and domestic state interests, but also through the prism of their attitude to Russia.

The American elite from the standpoint of the prospects for Russian-American dialogue is also analyzed in the article by N.M.Travkina. The author talks about the fragmentation of political elites, in particular, about the specific transformation of power groups into oligarchic ones and the emergence of a "colored" elite of American society, consisting of different racial

риканского общества, состоящей из широкого спектра расово-этнических групп и слоев. Это спровоцировало фрагментацию политической элиты США, борьбу старой («белой») и новой («цветной») элит. По мнению автора, в условиях этой конкуренции сужаются возможности для российско-американского диалога.

В статье М.М.Базлуцкой и А.Н.Сытник представлены результаты фрейм-анализа цифровой дипломатии США в России, проведенного при помощи искусственного интеллекта (ChatGPT, Gephi, Voyant Tools). Авторы считают, что внутренние вызовы пандемии COVID-19 привели к появлению гибридной, или смешанной, дипломатии, а в настоящее время этот феномен эволюционирует в сторону трансмедийной дипломатии, что позволяет преодолеть внешнюю фрагментацию Интернета. В этих условиях происходит изменение роли министерств иностранных дел, которые из первоисточника информации превращаются в трансмедийные холдинги. Опираясь на теорию трансмедийного вовлечения и анализ четырех крупнейших кризисов в отношениях между Россией и США (2011, 2012, 2014, 2022 гг.), авторы статьи показывают, как цифровая дипломатия США расширяет охват аудитории путем вовлеченности сетей медиаисточников.

О том, что современная политика все чаще использует интернет-технологии и формирует новые каналы коммуникации, говорится в статье А.И.Мясникова. Автор проводит анализ интернет-дискурса левых популистов во Франции, рассматривая его как способ саморепрезентации в преддверии выборов в Европейский парламент 2024 г. Методология исследования базируется на анализе дискурсов Э.Лакло и Ш.Муффа и теории П.Ибарры и Дж.Китсьюза.

Политический дискурс в контексте информационно-психологических войн является предметом исследования Р.И.Зарипова. В статье дается определение информационно-психологической войны, рассматриваются пять видов информационно-психологического оружия, анализируется характер его функционирования как дискурсивного индикатора. По мнению автора, это позволяет выявить конфигурацию векторов международного взаимодействия, моделируемую в общественном мнении, и готовность политических элит к взаимодействию. В частности, «на основании анализа распределения в политическом дискурсе информационно-психологического оружия по уровням и мишеням возможно измерить и оценить действительное отношение к России со стороны политических элит зарубежных стран, которые эксплицитно и имплицитно транслируют свою позицию через аффилированных коммуникаторов».

Тематика информационной войны продолжается в статье С.В.Базавлука и А.А.Ковалева. Авторы рассматривают духовно-нравственное воздействие как один из способов информационного противостояния и угрозу безопасности. Реализация угрозы происходит через воздействие на политико-правовую культуру

and ethnic groups and strata. This provoked a struggle between the old "white" elite and the new "colored" elite. According to the author, in the conditions of this competition, the opportunities for Russian-American dialogue are narrowing.

The article by M.M.Bazlutskaya and A.N.Sytnik presents the results of a frame analysis of US digital diplomacy in Russia, conducted using artificial intelligence (ChatGPT, Gephi, Voyant Tools). The authors believe that the COVID-19 pandemic has led to the emergence of hybrid or mixed diplomacy, and this phenomenon is currently evolving towards transmedia diplomacy, which helps overcome the external fragmentation of the Internet. In these conditions, the role of foreign ministries is changing, turning from the primary source of information into transmedia holdings. Based on the theory of transmedia engagement, on the analysis of the four largest crises in relations between Russia and the United States (2011, 2012, 2014, 2022), the authors of the article show how US digital diplomacy is expanding its audience by involving networks of media sources.

The fact that modern politics is increasingly using Internet technologies and forming new communication channels is stated in the article by A.I.Myasnikov. The author analyzes the online discourse of left-wing populists in France, considering it as a way of self-representation ahead of the 2024 European Parliament elections. The research methodology is based on the analysis of discourses by E.Laclau and Ch.Mouffe and the theory of P.Ibarra and J.Kitsuse.

Political discourse in the context of information and psychological warfare is the subject of research by R.I.Zaripov. The article defines information and psychological warfare, examines five types of information and psychological weapons, and analyzes the discourse of each of them. According to the author, this allows us to identify the configuration of vectors of international interaction, modeled in public opinion, and the readiness of political elites to interact. In particular, "based on the analysis of the distribution of information and psychological weapons in political discourse by levels and targets, it is possible to measure and evaluate the actual attitude towards Russia on the part of political elites of foreign countries, who explicitly and implicitly broadcast their position through affiliated communicators."

The topic of information warfare is also developed in the article by S.V.Bazavluk and A.A.Kovalev. The authors consider negative spiritual and moral influence as one of the methods of information confrontation and a threat to security. The threat is realized through the impact on the political and legal culture by manipulation and encouragement of destructive behavior. Manipulation is considered as part of the military strategy of the opponents of modern Russia, and this encouragement is analyzed

путем манипулирования и поощрения деструктивного поведения. Манипулирование рассматривается как часть военной стратегии противников современной России, а это поощрение анализируется как элемент политики вестернизации культуры России. В статье предлагается система мер по противодействию угрозе духовно-нравственного воздействия, выраженной в манипулировании деструктивным поведением.

Другой автор нашего журнала П.А.Барахвостов сделал объектом своего анализа такой исторически инвариантный индикатор духовно-нравственного кризиса, как гибридизация религиозных институтов. Опираясь на институциональный подход, теорию институциональных матриц и анализ кризисов в эпоху Средневековья в Византии и Западной Европе, автор утверждает, что «кризис социальной системы представляет собой неустойчивый дисбаланс в институциональной матрице, обуславливающий невозможность продолжать свое развитие по прежней траектории».

Религиозная проблематика в контексте духовно-нравственного воспитания исследуется Р.А.Мухамедовым, И.Г.Кильдюшкиной, А.Ю.Яковлевой. В статье «Алатырская» антитеза «латинству»: о чуждой религиозной экспансии раскольников» анализируется распространение в XVII–XVIII вв. религиозной культуры скопчества, лишенной сдерживающих рамок христианских заповедей и морали. Авторы обосновывают необходимость переосмысления религиозных догм прошлого для решения современных проблем подрастающего поколения.

Многовекторность как ресурс реальной политики и многовекторность как дискурс в информационном поле стран постсоветского пространства рассматривается в статье М.В.Катагощиной, В.В.Комлевой, Е.А.Кузьменко, С.А.Шеина. С разной аргументацией авторы статьи приходят к выводу, что многовекторность является действенным тактическим ресурсом крупных международных игроков, лидеров интеграционных объединений и военных блоков, будучи использована для достижения стратегических задач в мемориальной политике, макрорегиональной безопасности, гуманитарной и экономической сферах. При таком соотношении сил постсоветские страны рискуют оказаться ведомыми и управляемыми объектами внешнеполитических амбиций третьих стран.

В статье В.В.Комлевой дается обстоятельный анализ интеллектуального потенциала Кыргызстана. На основе разработанной методики автор оценивает интеллектуальный потенциал страны по пяти группам критериев и выявляет наиболее уязвимые места развития интеллектуального потенциала страны. Делается вывод, что Кыргызстан еще не сформировал институциональные основы единой научной политики, которые способствовали бы решению задач развития интеллектуального потенциала страны, ее инновационного развития и обеспечения ее научно-технологического суверенитета.

as an element of the policy of Westernization of Russia. The article proposes a system of measures to counter the threat of manipulation of destructive behavior.

Another regular author of our journal, P.A.Barakhvostov, made the object of his analysis such a historically invariant indicator of spiritual and moral crisis as hybridization of religious institutions. Based on the institutional approach, the theory of institutional matrices, analysis of crises in the Middle Ages in Byzantium and Western Europe, the author argues that "the crisis of a social system is an irreparable imbalance in the institutional matrix, which makes it impossible to continue its development along the previous trajectory."

Religious issues in the context of spiritual and moral education are studied by R.A.Mukhamedov, I.G.Kildyushkina, A.Yu.Yakovleva. The article «"Alatyr" Antithesis to "Latinism": on the Alien Religious Expansion of Schismatics» analyzes the spread of the religious culture of the Skoptsy in the 17th-18th centuries, devoid of the restraining framework of Christian commandments and morality. The authors talk about the need to rethink the religious dogmas of the past to solve modern problems in the education of the younger generation.

Multi-vectorism as a sign of real politics and multi-vectorism as a discourse in the information field of the post-Soviet countries are considered in the article by M.V.Katagoshchina, V.V.Komleva, E.A.Kuzmenko, S.A.Shein. The authors of the article use different arguments, but in general come to the conclusion that multi-vectorism is an effective tactical technique of major international players, leaders of integration associations and military blocs and is used to achieve strategic objectives in the humanitarian and economic spheres, in memorial policy, macro-regional security. With such a balance of forces, post-Soviet countries risk becoming led and controlled victims of the foreign policy ambitions of third countries.

In the article by V.V.Komleva, a detailed analysis of the intellectual potential of Kyrgyzstan is given. Based on the developed methodology, the author assesses the intellectual potential of the country according to five groups of criteria and identifies the most vulnerable areas of the development of the country's intellectual potential. It was concluded that Kyrgyzstan has not yet formed the institutional foundations of a unified scientific policy that would contribute to solving the problems of developing the country's intellectual potential, its innovative development and ensuring scientific and technological sovereignty.

Historical aspects of the urbanization of the Issyk-Kul region in the 20th century are studied by N.A.Dakenova. Using the history of the city of Karakol as an example, it is shown how the dynamics and structure of the population, migration processes influenced the development of urban infrastructure and the socio-economic situation in the region.

Исторические аспекты урбанизации Иссык-Кульского региона в XX в. исследуются Н.А.Дакеновой. На примере города Каракол показано, как изменение динамики населения, его структура и миграционные процессы влияли на развитие городской инфраструктуры и социально-экономическую ситуацию в регионе на протяжении различных исторических периодов.

В историческом разделе также представлена статья Я.Я.Гришина и В.А.Летяева. Авторы анализируют мобилизационные мероприятия, проведенные в Польше в 1939 г. и их влияние на последовавшую «сентябрьскую катастрофу». Причины поражения Польши в 1939 г. авторы связывают с особенностями мобилизации польских вооруженных сил накануне войны и с уверенностью польских политиков в том, что страна будет поддержана Францией и Британией.

Дорогие читатели, как всегда, мы надеемся, что материалы исследований и креативные размышления наших авторов вызовут у вас живой интерес, способствуя развитию научной дискуссии.

До новых встреч на страницах нашего журнала.

С искренним уважением к нашим читателям
и авторам,
Академик РАН
Виталий Наумкин

Ya.Ya.Grishin and V.A.Letyaev analyze the mobilization measures carried out in Poland in 1939 and their impact on the subsequent "September catastrophe". The authors associate the reasons for Poland's defeat in 1939 with the peculiarities of the mobilization of the Polish armed forces on the eve of the war, with the confidence of Polish politicians that the country would be supported by France and Britain.

Dear readers, as always, we hope that the thoughts of our authors will arouse your keen interest and will contribute to scientific discussion.

Until next time on the pages of our magazine.

With sincere respect to our readers
and authors,
Academician of the Russian Academy
of Sciences
Vitaly Naumkin

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ
И МИР

Соотношение между различными видами силы определяется стратегической культурой, свойственной для той или иной страны.

Дегтерев Д.А.

Основные виды силы на международной арене: структурная, сила взаимозависимости, «жесткая» и «мягкая»

Для победы на общенациональных выборах Д.Трампу нужны кандидаты, апеллирующие не к краям политического спектра, а к центру, популярные среди национальных меньшинств и которые помогут заручиться поддержкой среди избирателей в ключевых колеблющихся штатах.

Кочегуров Д.А.

Президентская команда Д.Трампа накануне выборов 2024 г.: кто они?

Фрагментированные элиты имеют либо смутные, либо превратные представления о настроениях и чаяниях остальной части общества. В наиболее яркой форме это непонимание и привело к выдвиганию на политическую авансцену Д.Трампа.

Травкина Н.М.

США: фрагментация политических элит и перспективы российско-американского диалога

США за период становления и развития своей цифровой дипломатии в России смогли сформировать трансмедийный холдинг, состоящий из официальных аккаунтов государственных ведомств и аккаунтов цифровых СМИ, которые признаются США «независимыми» и распространяют американские фреймы.

Базлуцкая М.М., Сытник А.Н.

Трансмедийное вовлечение: фрейм-анализ цифровой дипломатии США в России при помощи искусственного интеллекта

В своей риторике представители «Непокоренной Франции» регулярно используют популистские «символы», заявляя о «Гражданской революции» через победу на выборах. Такой риторический прием меланшонисты перенимают у левых популистов из Латинской Америки.

Мясников А.И.

Интернет-дискурс левых популистов во Франции как способ их саморепрезентации в преддверии выборов в Европейский парламент 2024 г.

Практическая реализация западного проекта по построению «анти-России» на Украине основывалась на дискурсивных практиках массированного применения информационно-психологического оружия...

Зарипов Р.И.

Информационно-психологическое оружие в политическом дискурсе как индикатор многовекторности

...Политика неподкрепленной многовекторности в актуальных международных условиях для постсоветских стран практически не реальна. Такая политика способствует тому, что страна становится зоной конкуренции внешних сил и создает благоприятные условия для внутривнутриполитических дестабилизаций с внешним участием.

Катагощина М.В., Комлева В.В., Кузьменко Е.А., Шеин С.А.

Многовекторность во внешней политике стран постсоветского пространства: актуальные проблемы и тенденции

Основные виды силы на международной арене: структурная, сила взаимозависимости, «жесткая» и «мягкая»

Денис Андреевич Дегтерев✉

Институт Африки Российской академии наук, Москва, Россия
ddegtere@inafr.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7426-1383>

Аннотация. Одним из наиболее амбивалентных и сложных понятий в мировой политике является сила, которая по своей природе неосвязаема. Существуют различные подходы и трактовки силы. В данном материале представлена авторская иерархия видов силы. Она включает в себя четыре основных типа: структурную силу, комплексную взаимозависимость, «жесткую» и «мягкую силу». По каждому из показателей представлены основные методологические вызовы и перспективы операционализации (в том числе количественной оценки) указанных индикаторов. Показано, что граница между различными видами силы носит условный характер. Соотношение между применением той или иной силы определяется национальной стратегической культурой. На примере глобальной конкуренции между США и КНР показаны особенности стратегий двух стран по проецированию своей силы.

Ключевые слова: международные отношения, баланс сил, виды силы, структурная сила, комплексная взаимозависимость, «жесткая сила», «мягкая сила», стратегическая культура

Для цитирования: Дегтерев Д.А. Основные виды силы на международной арене: структурная, сила взаимозависимости, «жесткая» и «мягкая» // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 20-33, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-20-33](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-20-33)

The Major Types of Power in the International Arena: Structural Power, Power of Interdependence, “Hard” and “Soft” Power

Denis A. Degterev✉

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ddegtere@inafr.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7426-1383>

Abstract. One of the most ambivalent and complex concepts in world politics is power, which is intangible. There are numerous approaches and interpretations of power. This paper presents the author's hierarchy of types of power, which includes structural power, complex interdependence, “hard” and “soft power”. For each, the main methodological challenges and prospects for operationalization (including quantitative assessment) of these indicators are presented. It is demonstrated that the distinction between different types of power is conditional. The relationship between the use of one or another power is determined by the national strategic culture. The example of global competition between the United States and China is used to illustrate the distinctive features of the strategies employed by each country to project their respective power.

Keywords: international relations, balance of power, types of power, structural power, complex interdependence, hard power, soft power, strategic culture

For citation: Degterev D.A. The Major Types of Power in the International Arena: Structural Power, Power of Interdependence, “Hard” and “Soft” Power. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 4(14): 20-33, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-20-33](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-20-33)

Введение

В контексте современных международных процессов проблематика силы носит не только теоретический, но и стратегически значимый практический характер. Особое внимание акцентируется на видах, взаимосвязях и оценке разных видов силы. Мы исходим из того, что сила – это неосвязаемое и очень непростое для прикладной, а тем более количественной оценки понятие, хотя его разработка давно ведется в науке о международных отношениях, в том числе в западной. Используемый в англоязычных исследованиях термин «power» переводится на русский язык по-разному – это и «сила», и «мощь», и «потенциал». Ранее автором статьи рассматривалась проблематика баланса сил [6] и соотношение сил крупных мировых держав [8].

В данной статье акцентируется внимание на типологии сил, их содержательном наполнении и оценке.

Материалы и методы исследования

В последние годы, в преддверии глобальных трансформаций вышел ряд отечественных работ по концептуальному переосмыслению соотношения сил на международной арене [14, 22], а также по уточнению понятия военной [17] и – шире – «жесткой» силы [16]. Прикладной анализ глобального соотношения сил представлен в авторской монографии [7], на основе методологии которой был проведен анализ региональных балансов сил [3]. Впоследствии вышли программная статья о «властном транзите» от США к КНР (шире – от Запада к НеЗападу) в контексте «новой bipolarности» [9] и коллективная монография, посвященная глобальной конкуренции между США и КНР, рассматривающая соотношение сил между двумя державами в различных регионах мира, а также в различных сферах (экономической, технологической, военной и политической) [13]. Постепенно реактуализируется проект анализа количественных показателей стран мира «Политический атлас современности», изначально специализировавшийся на внутривнутриполитических измерениях, однако в последние годы затрагивающий и проблематику международного влияния [2]. Разрабатывают собственные методики оценки силы и другие страны БРИКС, в том числе КНР [32]. В данной статье представлен авторский подход к оценке силы.

Результаты исследований

Существуют различные подходы к классификации силы: «жесткая» и «мягкая», «умная» и проч. Ниже представлена авторская классификация, которая может носить дискуссионный характер (таблица 1).

Таблица 1. Основные виды силы
Table 1. The major types of power

Вид силы	Принцип действия	Операционализация
Структурная сила	А создает правила для Б	Анализ политического влияния в международных институтах и режимах
Сила взаимозависимости	Б зависит от А	Анализ асимметричных зависимостей
«Жесткая сила»	А устрашает Б	Анализ военного потенциала
«Мягкая сила»	А соблазняет Б	Анализ потенциала ментального воздействия

Источник: [13, с. 41]
Source: [13, p. 41]

Рассмотрим детальнее четыре основных вида силы (упоминаются в порядке, соответствующем авторскому пониманию их влиятельности): структурную, силу взаимозависимости, «жесткую» и «мягкую».

Структурная сила

Структурная сила предполагает возможность создавать свои правила, по которым действуют другие участники [31]. Т.е. сильный создает свои правила, слабый вынужден подчиняться и играть по данным правилам. На определенном этапе накопления количественного потенциала сильная держава заинтересована в том, чтобы зафиксировать статус-кво, усложнить другим претендентам путь, который она только что проделала. Она создает правила в своих интересах. Соответственно, на смену силового инструментария приходит нормативный [5].

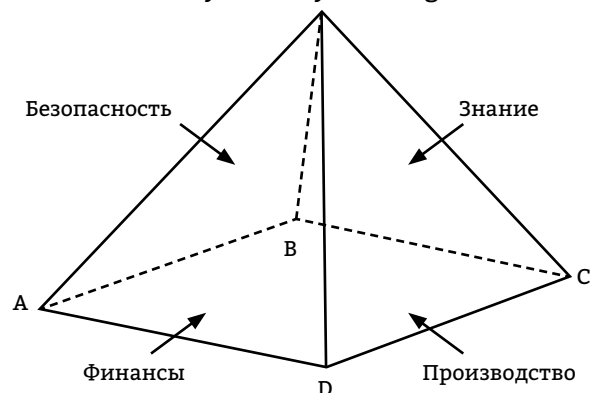
Последний раз такое полномасштабное «обновление правил» было после Второй мировой войны, когда на пике относительного могущества США (свыше 35% мирового потенциала по CINC¹) была сформирована система институтов ООН. Как правило, «перезагрузка» системы международных отношений происходит именно после глобальных потрясений, когда предыдущие договоренности «обнуляются». Так, Ялтинско-Потсдамская система создана после Второй мировой войны, Версальско-Вашингтонская – после Первой мировой, Венская – после наполеоновских войн. В настоящий момент мир снова находится на пороге такой «перезагрузки»...

И хотя роль СССР в ООН изначально была значимой (постоянное место в Совете безопасности, значительное влияние в ключевых органах, Украина и Беларусь в качестве отдельных членов и т.д.), в 1990-е гг. произошла эрозия данного института, и он стал куда более западноцентричным. В секретариате на руководящих должностях до 75% должностей стали занимать представители стран «коллективного Запада» [1].

Помимо системы ООН США в конце 1940-х – начале 1950-х гг. заложили «матрицу» своей структурной силы, которую неплохо концептуализирует основоположница школы международной политической экономии британка С.Стрэндж (рисунок 1).

Она выделяет четыре вида структурной силы (власти) первого уровня – в сфере безопасности (НАТО – прим. автора), финансов (МВФ и Всемирный банк – прим. автора), производства (ОЭСР – прим. автора) и контроля за созданием и распространением знаний (СМИ, библиометрические системы и проч.). К структурной власти второго уровня она относит контроль за формированием правил в сфере транспорта (морского и авиационного), торговли, энергетики и международной помощи [31]. С одной стороны, это «сеанс саморазоблачения» западной гегемонии.

1 Совокупный (или сводный) индекс национального потенциала (CINC) – композитный индикатор, предложенный в 1963 г. американцем Д.Сингером для оценки мощи отдельных государств и состоящий из шести составляющих, разделенных на три группы: население (городское и общее), экономика (выплавка стали и первичное потребление энергии), военная составляющая (военные расходы и персонал). По каждому из шести индикаторов вычисляется доля страны от общемировой. Среднее арифметическое между шестью данными индикаторами и есть доля страны по CINC. Подробнее см.: National Material Capabilities (v6.0) // Correlates of War. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities/>.

Рисунок 1. Пирамида структурной власти по С.Стрэндж
Figure 1. The Structural Power Pyramid by S.Strange

Источник: [31, с. 27]

Source: [31, p. 27]

С другой стороны, нельзя исключать и элемент дезинформации. Так, У.Энгдаль к «трем столпам Британской империи» относит контроль над мировой торговлей, над международным банковским делом и над мировым производством углеводородов [24, с. 11–13], пресловутые «семь сестер»². При этом С.Стрэндж относит торговлю и энергетику лишь к структурной силе второго уровня, возможно, тем самым отвлекая наше внимание на второстепенные факторы.

В настоящее время, прямо на наших глазах, формируется матрица незападной структурной власти [13, с. 160–195], которая также будет определять порядок вещей несколько десятилетий.

Сила взаимозависимости

Данная сила имеет отношение в первую очередь к торгово-экономической и инвестиционной сфере и в последние годы получила широкое развитие в КНР. В последние годы студенты российских гуманитарных вузов впитали как догму примерно такую трактовку концепции взаимозависимости: «страны не воюют, когда они торгуют». Мягко говоря, она не совсем верная, однако мало кто готов читать в оригинале классическую монографию Р.Кокейна и Дж.Най на данную тему, которая, будучи опубликованной в 1977 г., была переиздана в 1989, 2000, 2011 гг. [30], и делать последующий критический анализ.

Во-первых, как говорят сами авторы, их подход находится между «крайностями либерализма и реализма», т.е. вполне себе Realpolitik, но с поправкой на использова-

ние экономического, а не жестко-силового инструментария. Страны не могут принимать важные суверенные решения в сфере внешней политики из-за страха санкций. Вот более реалистическое «прочтение» концепции.

Во-вторых, встает вопрос адекватного восприятия американских концепций международных отношений, не в духе «периферийной науки» [21], либо в рамках «периферийного реализма»³. Р.Кокейн и Дж.Най создавали свою концепцию для вполне прикладных задач внешней политики США (Дж.Най неоднократно входил в экспертные советы при Госдепе, а также при Пентагоне). Их главная цель – усиление влияния США в мире, что нормально для американских ученых – патриотов своей страны. А вот для российских студентов, которых некритически заставляют читать о том, что еще нужно сделать... для величия США, это совсем нерелевантно! Неслучайно, что в СССР говорили о «буржуазных ТМО» [20], относясь к ним с серьезным предубеждением. Примечательно, что данный опыт в настоящее время реанимируется [18].

На самом деле, у Р.Кокейна и Дж.Най в работе много инструментальных вещей, которые могут быть использованы на практике, даже и в противоположных интересах, только при умелом и критическом использовании (грубо говоря, 1/3 материала – сама концепция, 2/3 – ее критический анализ и адаптация под нужды российской внешней политики). Так, они выделяют два типа зависимостей: долгосрочную уязвимость – vulnerability (например, строительство газопровода «Северный поток» на некоторое время (до его разрушения) позволило изменить транзит энергоносителей в Европу) и краткосрочную чувствительность – sensitivity (например, даже в рамках существующих санкционных режимов достаточно быстро удалось наладить параллельный импорт кока-колы для российской розницы) [30].

Р.Кокейн и Дж.Най призывают не бояться взаимозависимости – по сути, весь мир сегодня находится в высокой степени взаимозависимости, что откладывает свой отпечаток на междержавную конкуренцию [11]. Основное – это управлять асимметричными зависимостями. Т.е. потенциальный противник должен зависеть от вас больше, чем вы от него, особенно по поставкам стратегически важных ресурсов [4].

Важным инструментом в рамках силы взаимозависимости является лидерство США в современных технологиях, которое они используют как рычаг давления на своих партнеров (доступ к новым американским технологиям в обмен на то, что необходимо США). Управление данной взаимозависимостью осуществляется в рамках экспортного контроля, которым занимается Бюро промышленности и безопасности США [12].

Американское технологическое лидерство обеспечивается как «кнутом», так и «пряником». К первому относятся попытки США не допустить лидерство других стран (пусть даже и ближайших союзников) в критически важных для США сферах. Именно так произошло с Японией, стремительный инновационный подъем которой был прерван [9, с. 217–219]. Однако в последнее время происходит серьезная эрозия

² Семь англосаксонских нефтяных компаний, оказывающих ключевое влияние на мировые рынки энергоресурсов. На момент создания термина в 1950 г. Энрико Маттеи, главой итальянской компании Eni, это British Petroleum, Exxon, Gulf Oil, Mobil, Royal Dutch Shell, Chevron и Texaco.

³ Бовдунов А.Л. Влияние американской идеологии на российское сообщество международных // Геополитика.Ру. 24.02.2016. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/vliyanie-amerikanskoy-ideologii-na-rossiyskoe-soobshchestvo-mezhdunarodnikov>.

американского технологического лидерства – по 37 из 44 критически важных технологий, по мнению Австралийского института стратегической политики, уже лидирует КНР [29].

«Жесткая сила»

Абсолютным воплощением «жесткой силы» является военная сила. Существует несколько методик ее оценки, но, пожалуй, наибольшую известность получил Global Firepower Index (таблица 2).

Таблица 2. Топ-3 страны мира по военной мощи (PwrIndx) в 2014–2023 гг.
Table 2. Top 3 countries in the world according their military power (PwrIndx) in 2014–2023

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
США	0,2208	0,1663	0,0897	0,0857	0,0818	0,0615	0,0606	0,0718	0,0453	0,0712
РФ	0,2355	0,1865	0,0964	0,0929	0,0841	0,0639	0,0681	0,0791	0,0501	0,0714
КНР	0,2594	0,2318	0,0988	0,0945	0,0852	0,0673	0,0691	0,0854	0,0511	0,0722

Источник: составлено по архивным данным Global Firepower Index
Source: compiled on archived data from the Global Firepower Index

Данный показатель характеризует степень уязвимости стран мира от военных угроз. Соответственно, чем он меньше, тем более неуязвимой считается страна. Наименьшее значение по данному показателю у США, на втором месте традиционно находится РФ, на третьем – Китай. Методика составления не совсем прозрачная, да и составитель индекса предпочитает себя не афишировать [7, с. 144-147]. Кроме того, не сохраняются данные за предыдущие годы, что свидетельствует о стремлении его создателей скорее управлять (манипулировать) ожиданиями широкой аудитории, нежели давать объективную, взвешенную оценку.

ИМЭМО РАН уже четвертый год подряд в рамках индекса морской мощи рассчитывает индекс военно-морского флота, под которым понимает «видимую способность военно-морского флота страны вести войну на море, исходя из имеющейся у него материальной базы» [19, с. 96]. Составители индекса не случайно говорят о «видимой способности», ведь, по сути, объем оборонных бюджетов, наличие тех или иных видов вооружений – все это в трактовке А.М.Мальцева, «прокси-переменные», которые лишь косвенно отражают реальный военный потенциал [16].

Ведь важно не только наличие вооружений, но и готовность, и умение их применять. Оценить количественно данные показатели достаточно сложно. Например, Р.Кляйн, заместитель директора ЦРУ в 1960-е гг., в предложенной им методике оценки воспринимаемой мощи интуитивно, на «глазок» проставлял по всем рассматриваемым им странам значения показателей стратегического целеполагания (strategic purpose, S) и «национальной воли» (W) (от 0 до 1 по каждому из показателей). Соответственно, рассчитанный на основе статистических показателей страновой потен-

циал он умножал на сумму S+W (фактически – на коэффициент умения и желания его использовать), тем самым сокращая по ряду стран итоговый показатель мощи в несколько раз [27, 28]. Конечно, сложно реплицировать его субъективные оценки, но в целом постановка вопроса о понижающем коэффициенте мощи представляется обоснованной. В этом плане показателен пример противостояния саудитов (с миллиардными расходами на самые современные вооружения) с хуситами, военные расходы которых на несколько порядков ниже, но желание противостоять куда больше, а асимметричная тактика боевых действий – намного эффективнее.

Отдельная дискуссия в последние годы развернулась и вокруг объективной методики расчета военных расходов. С одной стороны, американцы заинтересованы формировать образ непобедимой военной державы, военные расходы которой в разы, а то и на порядки превышают расходы других стран. Соответственно, «эталон» оценки военных расходов стал их подсчет по официальному курсу. С другой стороны, все сложнее объяснять отставание от других стран, например, в области гиперзвуковых вооружений. Да и для собственных сенаторов Пентагону все более проблематично обосновать необходимость увеличения и без того колоссальных объемов военных расходов. Соответственно, даже сами американцы в международных сопоставлениях (особенно с КНР) стали все чаще переходить к расчету военных расходов на основе паритета покупательской способности или других методик⁴.

«Мягкая сила»

Российский эксперт А.В.Фененко неплохо деконструирует «мягкую силу», отмечая, что русские офицеры в 1812 г. любили французскую культуру, говорили между собой на французском языке, но это не мешало им воевать с французами, которые в итоге были разгромлены⁵. Одни из самых непримиримых противников КНР в США блестяще знают китайскую культуру и язык, многие обучались в Институтах Конфуция. Аналогично некоторые «архитекторы» санкционной политики США любят русскую литературу, отдают своих детей на курсы русского языка, но это не мешает им разрабатывать наиболее изощренные и эффективные санкции против РФ.

Система гуманитарного влияния «коллективного Запада» жестко структурирована под реализацию его задач и поддержание «порядка, основанного на правилах». Для корректировки мягкосиловых стратегий стран «Глобального Запада» по продвижению либеральных ценностей выстроена целая индустрия «индексов «мягкой силы»», отражающих структурную силу Запада в данной сфере (таблица 3). Естественно, что позиция РФ и других незападных стран, подрывающих «порядок, основанный

⁴ Freedberg S. US Defense Budget Not That Much Bigger Than China, Russia: Gen. Milley // Breaking Defense, 22 May 2018. URL: <https://breakingdefense.com/2018/05/us-defense-budget-not-that-much-bigger-than-china-russia-gen-milley>; Robertson P.E. The Military Rise of China: The Real Defence Budget Over Two Decades // Defence and Peace Economics. Online First. 17.04.2024. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4630507.

⁵ Фененко А.В. Реальность и мифы «мягкой силы» // РСМД. 27.01.2016. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/realnost-i-mify-myagkoy-sily/>.

на правилах», в этих индексах оставляет желать лучшего [7, с. 154–158]. О реальных замерах популярности стран мира среди населения в таких индексах речи не идет.

Таблица 3. Индексы «мягкой силы»
Table 3. Soft power indices

Название индекса	Институт	Страна	Год первой публикации	Год последней публикации	Кол-во публикаций индекса
Anholt Ipsos National Brand Index (AINBI)	IPSOS Simon Anholt	Франция Великобритания	2008	2021	13
Brand Finance Global Soft Power Index (BFGSPI)	Brand Finance	Великобритания	2020	2022	3
Elcano Soft Presence Index (ESPI)	Elcano Royal Institute	Испания	1990	2021	16
IfG-Monocle Soft Power Survey (IMSPS)	Institute for Government Monocle Magazine	Великобритания Великобритания	2010	2021	12
Soft Power 30 (SP30)	Portland USC Center for Public Diplomacy	Великобритания США	2015	2019	5

Источник: [26, с. 192].
Source: [26, p. 192].

С другой стороны, в последнее время в мире происходит реидеологизация мировой политики⁶. Так, РФ «поднимает на знамена» в странах Глобального Юга, особенно в Африке, антинеоколониальный дискурс [23]. Снова актуальными становятся прикладные методики оценки идеологического баланса на международной арене [25, р. 30–32, 72–86, 91, 202–204]. Тот же ближневосточный конфликт, несмотря на территориальные приобретения израильтян, существенно ухудшает их (и всего «коллективного Запада») восприятие в мире.

Стратегическая культура: соотношения между видами силы

Соотношение между различными видами силы определяется стратегической культурой, свойственной для той или иной страны. Так, США предпочитают активно

6 Алексеева Т.А. Роль идеологии в современном мире // РСМД. 10.10.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-ideologii-v-sovremennom-mire/>.

задействовать силовой фактор, имея по всему миру сотни военных баз. Соответственно, американский военный экспедиционный потенциал развит в наибольшей степени (таблица 4).

Таблица 4. Стратегии международной конкуренции США и КНР: сравнительный анализ
Table 4. USA and China International competition strategies: comparative analysis

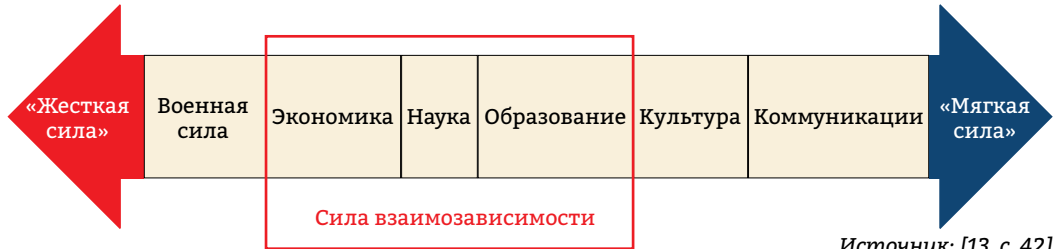
«Глобальное развертывание»	США	КНР
Экономика		
Политика		
Военное дело		

Источник: [13, с. 64]
Source: [13, p. 64]

Напротив, КНР имеют лишь одну зарубежную базу (в Джибути), но куда более проработанные и многочисленные (более 200 со 150 странами) соглашения о торгово-экономическом и инвестиционном сотрудничестве, в том числе в контексте реализации инициативы «Один пояс – один путь» [13, с. 59-65]. Т.е. китайцы рассматривают экономический инструментарий в качестве приоритетного по сравнению с военным для наращивания своей мощи, хотя и активно развивают военный потенциал. В определенной степени наблюдаются некоторые аналогии со стратегией Византийской империи [15], хотя любые исторические аналогии грешат неточностями.

Как таковая четкая граница между различными видами силы отсутствует, формируя континуум (рисунок 2). Например, наука может использоваться как элемент «мягкой силы», но в то же время ограничения доступа к современным технологиям – это мощный рычаг в контексте взаимозависимости.

Рисунок 2. Континуум «жесткой – мягкой силы»
Figure 2. The “hard – soft power” continuum

Источник: [13, с. 42]
Source: [13, p. 42]

Кроме того, существует значительная амбивалентность понятий. Например, многие эксперты (особенно китайцы) относят силу взаимозависимости к «мягкой силе» (Китай «соблазняет» другие страны своими кредитами) [10].

Выводы

Существуют различные подходы к классификации такого амбивалентного понятия в международной политике, как сила. В данной статье представлена авторская классификация и иерархия, включающая структурную силу, комплексную взаимозависимость, «жесткую» и «мягкую силу». Соотношение между различными видами силы определяется национальной стратегической культурой.

Список литературы

- Амара Д., Дегтерев Д.А., Эгамов Б.Х. «Общие интересы» в миротворческих операциях ООН в Африке: прикладной анализ кадрового состава [«Common Interests» in the UN Peacekeeping Operations in Africa: an Applied Analysis of the Personnel] // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 2(71). С. 76–101. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2022_2_76.
- Ахременко А.С., Миронюк М.Г. Динамика потенциалов международного влияния государств (по материалам проекта «Политический атлас современности») [Dynamics of the Potentials of International Influence of States (Based on the Materials of the Political Atlas of Modernity Project)] // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 39–59. <https://doi.org/10.31857/S086904990003941-7>.
- Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ [The Balance of Power in Key Regions of the World: Conceptualization and Applied Analysis] / под ред. Д.А.Дегтерева. М.: РУДН, 2021. 319 с.
- Горбунова М.Л., Комаров И.Д. Ведущие центры силы в обеспечении безопасности неустойчивых государств мира [Leading Traditional and Rising Powers as Security Providers in the World Most Fragile States] // Сравнительная политика. 2020. № 11(03). С. 57–74. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10036>.
- Давыдов Ю.П. Нормы против силы: проблема мирорегулирования [Norm versus Power: The Problem of World Regulation]. М.: Наука, 2002. 287 с.
- Дегтерев Д.А. «Коллективная опора на собственные силы»: новое прочтение концепции в Сахеле в контексте становления многополярного мира [Collective Self-Reliance: Restarting the Concept in the Sahel in the Context of a Multipolarizing World Order] // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2. С. 60–81. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-60-81>.
- Дегтерев Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира [Assessment of the current balance of power in the international arena and the formation of a multipolar world]. М.: Русайнс, 2020. 230 с.
- Дегтерев Д.А., Пискунов Д.А., Еремин А.А. 5G-конкуренция США и КНР в странах Латинской Америки: у истоков технологического декаплинга [U.S. – China rivalry in Latin America: at the origins of technological decoupling] // Полис. Политические исследования. 2023. № 3. С. 20–38. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.03>. EDN: OPJLVI.
- Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США – КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» [U.S. - China: “Power Transition” and the Outlines of “Conflict Bipolarity”] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 212–233. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>.
- Журавлева Е.В. Прикладной анализ политики «мягкой силы» КНР, РФ и США в Монголии [Applied Analysis of the Soft Power of the PRC, Russia and the U.S. in Mongolia] // Вестник международных организаций. 2018. № 13(01). С. 171–192. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-01-10>.
- Истомин И.А. Особенности междержавной конкуренции в условиях взаимозависимости [Rivalry between the Leading Powers in the Context of Global Interdependence] // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2018. № 10(01). С. 72–101.
- Кириченко Э.В. Экспортный контроль как инструмент поддержания лидерства США в меняющемся мире [Export Controls as a Tool to Maintain US Leadership in a Changing World] // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 74–88. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.06>.

- Конкуренция между США и КНР: возможности для России [Competition between the USA and China: Opportunities for Russia] / под ред. Д.А.Дегтерева. М.: Аспект Пресс, 2024. 300 с.
- Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав [Logic of the new world order architectonics and strategy of the powers] / под ред. проф. А.Д.Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. 576 с.
- Люттвак Э. Стратегия Византийской империи [Strategy of the Byzantine Empire]. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 664 с.
- Мальцев А.М. Аморфная «жесткая сила»? Подходы к реконцептуализации и эмпирическому измерению военной мощи в мировой политике [Amorphous «hard power»? Approaches to the reconceptualization and empirical measurement of military power in international relations] // Политическая наука. 2024. № 2. С. 300–325. <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.14>.
- Миронюк М., Толокнев К., Мальцев А. Военная мощь в мировой политике [Not so Obsolete Military Power in World Politics] // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 2(53). С. 26–48. <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.2.53.2>.
- Основы теории международных отношений: Опыт ИМЭМО в 1970-е годы [Fundamentals of the Theory of International Relations: IMEMO Experience in the 1970s] / Н.Н.Иноземцев, О.Н.Быков, В.И.Гантман [и др.]. М.: Аспект Пресс, 2022. 621 с.
- Поливач А.П., Гудев П.А. Морские державы 2024: индексы ИМЭМО РАН [Maritime Powers 2024: IMEMO RAS Indexes]. М.: ИМЭМО РАН, 2024. 212 с.
- Современные буржуазные теории международных отношений: критический анализ [Modern Bourgeois Theories of International Relations: A Critical Analysis] / отв. ред. В.И.Гантман. М.: Наука, 1976. 486 с.
- Соколов М.М., Титаев К.Д. Провинциальная и туземная наука [Provincial and Indigenous Science] // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.
- Тренин Д.В. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия [New Balance of Power: Russia in Search of Foreign Policy Equilibrium]. М.: Альпина Паблишер, 2021. 471 с.
- Шишкина А.Р., Файн Е.Д., Исаев Л.М. Дискурс о неоколониализме как элемент внешнеполитической идентичности России в Африке [Discourse on Neocolonialism as an Element of Russia's Foreign Policy Identity in Africa] // Международная аналитика. 2024. № 15(01). С. 103–117. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-103-117>.
- Энгдаль У. Столетие войны. Англо-американская нефтяная политика и Новый Мировой Порядок [A Century of War. Anglo-American Oil Policy and the New World Order]. М.: Селадо, 2016. 492 с.
- Braumoeller B. The Great Powers and the International System. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Chitty N., Ji L., Rawnsley G. (Eds). The Routledge Handbook of Soft Power. Second Edition. London: Routledge, 2024.
- Cline R. The Power on Nations in the 1990s: A Strategic Assessment. Lanham: University Press of America, 1994.
- Cline R. World Power Assessment. A Calculus of Strategic Drift. Boulder: Westview Press, 1975.
- Gaida J., Leung J.W., Robin S., Cave D. ASPI's Critical Technology Tracker – Sensors & Biotech, 2023.
- Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence. 4th ed. N.Y.: Longman, 2011.
- Strange S. State and Markets. 2nd ed. London: Continuum, 1994.
- Wang X.Y., Chen B. World Power Trends and International Relations: Measuring Power with an Entropy-QAP Approach // Journal of Chinese Political Science. 2024. Vol. 29. P. 207–231.

Информация об авторе

ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич. Доктор политических наук. Кандидат экономических наук. Профессор. Ведущий научный сотрудник Института Африки Российской академии наук. <https://orcid.org/0000-0001-7426-1383>. Адрес: Российская Федерация, 123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1. ddegterev@inafr.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 июля 2024 г. Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2024 г. Принята к публикации: 30 ноября 2024 г. Опубликована: 4 декабря 2024 г.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Amara D., Degtarev D.A., Egamov B.Kh. "Common Interests" in the UN Peacekeeping Operations in Africa: an Applied Analysis of the Personnel. Problemy nacional'noj strategii [National Strategy Issues]. 2022; 2(71): 76–101 [In Russian]. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2022_2_76.
2. Akhremenko A.S., Mironyuk M.G. Dynamics of the Potentials of International Influence of States (Based on the Materials of the Political Atlas of Modernity Project) Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 2019; 1:39–59 [In Russian]. <https://doi.org/10.31857/S086904990003941-7>.
3. The Balance of Power in Key Regions of the World: Conceptualization and Applied Analysis / edited by D.A.Degtarev. Moscow: RUDN, 2021: 319 [In Russian].
4. Gorbunova M.L., Komarov I.D. Leading Traditional and Rising Powers as Security Providers in the World Most Fragile States. Sravnitel'naya politika [Comparative Politics Russia]. 2020; 11(03):57–74 [In Russian]. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10036>.
5. Davydov Yu.P. Norm versus Power: The Problem of World Regulation. Moscow: Nauka, 2002:287 [In Russian].
6. Degtarev D.A. Collective Self-Reliance: Restarting the Concept in the Sahel in the Context of a Multipolarizing World Order. Journal of the Institute for African Studies. 2024; 2:60–81. [In English and Russian]. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-60-81>.
7. Degtarev D.A. Assessment of the current balance of power in the international arena and the formation of a multipolar world. Moscow: RuScience, 2020:230 [In Russian].
8. Degtarev D.A., Piskunov D.A., Eremin A.A. U.S. – China rivalry in Latin America: at the origins of technological decoupling. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2023; 3:20–38 [In Russian]. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.03>. EDN: OPJLVI.
9. Degtyarev D.A., Ramich M.S., Tsyvk A.V. U.S. - China: "Power Transition" and the Outlines of "Conflict Bipolarity". Vestnik RUDN. International Relations. 2021; 21(2):212–233. [In English and Russian]. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>.
10. Zhuravleva E.V. Applied Analysis of the Soft Power of the PRC, Russia and the U.S. in Mongolia. International Organisations Research Journal. 2018; 13(01):171–192. [In English and Russian]. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-01-10>.
11. Istomin I.A. Rivalry between the Leading Powers in the Context of Global Interdependence. Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 25: International Relations and World Politics. [Lomonosov World Politics Journal]. 2018; 10(01):72–101 [In Russian].
12. Kirichenko E.V. Export Controls as a Tool to Maintain US Leadership in a Changing World. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2020; 1:74–88 [In Russian]. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.06>.
13. Competition between the USA and China: Opportunities for Russia / edited by D.A.Degtarev. Moscow: Aspect Press, 2024:300 [In Russian].
14. Logic of the new world order architectonics and strategy of the powers / edited by prof. A.D.Voskresensky. Moscow: Strategic Research, 2021:576 [In Russian].
15. Luttwak E. Strategy of the Byzantine Empire. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2016:664 [In Russian].
16. Maltsev A.M. Amorphous "hard power"? Approaches to the reconceptualization and empirical measurement of military power in international relations. Politicheskaya nauka [Political Science (RU)]. 2024; 2:300–325 [In Russian]. <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.14>.
17. Mironyuk M., Toloknev K., Maltsev A. Not so Obsolete Military Power in World Politics. Mezhdunarodnye process [International Trends]. 2018; Vol. 16. 2(53):26–48 [In Russian]. <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.2.53.2>.

18. Fundamentals of the Theory of International Relations: IMEMO Experience in the 1970s / N.N.Inozemtsev, O.N.Bykov, V.I.Gantman [et al.]. Moscow: Aspect Press, 2022:621 [In Russian].
19. Polivach A.P., Gudev P.A. Maritime Powers 2024: IMEMO RAS Indexes. Moscow: IMEMO RAS, 2024:212 [In Russian].
20. Modern Bourgeois Theories of International Relations: A Critical Analysis / ed. V.I. Gantman. Moscow: Nauka, 1976:486 [In Russian].
21. Sokolov M.M., Titaev K.D. Provincial and Indigenous Science. Antropologicheskij forum [Anthropological Forum]. 2013; 19:239–275 [In Russian].
22. Trenin D.V. New Balance of Power: Russia in Search of Foreign Policy Equilibrium. Moscow: Alpina Publisher, 2021:471 [In Russian].
23. Shishkina A.R., Fain E.D., Isaev L.M. Discourse on Neocolonialism as an Element of Russia's Foreign Policy Identity in Africa. Mezhdunarodnaya analitika [Journal of International Analytics]. 2024; 15(01):103–117 [In Russian]. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-103-117>.
24. Engdahl U. A Century of War. Anglo-American Oil Policy and the New World Order. Moscow: Selado, 2016:492 [In Russian].
25. Braumoeller B. The Great Powers and the International System. Cambridge: Cambridge University Press, 2012 [In English].
26. Chitty N., Ji L., Rawnsley G. (Eds). The Routledge Handbook of Soft Power. Second Edition. London: Routledge, 2024 [In English].
27. Cline R. The Power on Nations in the 1990s: A Strategic Assessment. Lanham: University Press of America, 1994 [In English].
28. Cline R. World Power Assessment. A Calculus of Strategic Drift. Boulder: Westview Press, 1975 [In English].
29. Gaida J., Leung J.W., Robin S., Cave D. ASPi's Critical Technology Tracker – Sensors & Biotech, 2023 [In English].
30. Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence. 4th ed. N.Y.: Longman, 2011 [In English].
31. Strange S. State and Markets. 2nd ed. London: Continuum, 1994 [In English].
32. Wang X.Y., Chen B. World Power Trends and International Relations: Measuring Power with an Entropy-QAP Approach. Journal of Chinese Political Science. 2024; 29:207–231 [In English].

About the author

Denis A. DEGTAREV. DSc. (Polit.), CandSc. (Econom.). Professor. Leading Research Fellow of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0001-7426-1383>. Address: 30/1, Spiridonovka str., Moscow, 123001, Russian Federation. ddegtarev@inafr.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: July 15, 2024. Approved after review: September 20, 2024. Accepted for publication: November 30, 2024. Published: December 4, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Президентская команда Д.Трампа накануне выборов 2024 г.: кто они?

Дмитрий Александрович Кочегуров✉

Институт Соединенных Штатов Америки и Канады имени академика Г.А.Арбатова Российской академии наук, Москва, Россия
d.kochegurov@iskran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4955-033X>

Аннотация. Статья содержит размышления автора о кандидатах на ведущие посты в правительстве США в случае победы Д.Трампа на президентских выборах 2024 г. и их оценки американских экспертов. В своем исследовании автор опирается на материалы СМИ и массмедиа, а также официальные выступления и заявления Д.Трампа. Представлена классификация кандидатов в соответствии с занимаемыми должностями на текущий момент. Особое внимание уделяется кандидатам в вице-президенты, и в первую очередь Дж.Вэнсу, а также главным идеологам трампизма и представителям радикального крыла Республиканской партии для отражения внутривластной динамики в США. Отдельно рассмотрены кандидаты-женщины на должность вице-президента. Позиция кандидатов представлена не только в оценках их внутривластных и внутрисоциальных интересов, но и в разрезе отношения к России. Делается вывод о том, что основу команды Д.Трампа составляют политические реалисты, которые демонстрируют лояльность ему и верность движению MAGA и склонные к национал-популистской риторике.

Ключевые слова: выборы, Д.Трамп, кандидаты, Республиканская партия, США, Россия

Для цитирования: Кочегуров Д.А. Президентская команда Д.Трампа накануне выборов 2024 г.: кто они? // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 34-48, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-34-48](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-34-48)

D.Trump's Presidential Team of on the Eve of the Elections 2024: Who are They?

Dmitry A. Kochegurov✉

Institute of the United States of America and Canada named after Academician G.A.Arbatov, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
d.kochegurov@iskran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4955-033X>

Abstract. The author of the article reflects on the candidates for leading positions in the US government in the event of D.Trump's victory in the 2024 presidential election and presents assessments of these candidates by American experts. The author relies on media materials and official statements by D.Trump. The candidates are classified according to the positions they currently hold. Particular attention is paid to the vice-presidential candidates, primarily J.Vance, as well as the main ideologists of Trumpism and representatives of the radical wing of the Republican Party to analyze the domestic political dynamics in the United States. Female candidates for the post of vice president are considered separately. The candidates' position is presented not only through their domestic political and domestic interests, but also through their attitude towards Russia. It is concluded that the core of D.Trump's team is made up of political realists who demonstrate loyalty to him and the MAGA movement, prone to national populist rhetoric.

Keywords: elections, D.Trump, candidates, Republican Party, USA, Russia

For citation: Kochegurov D.A. D.Trump's Presidential Team of on the Eve of the Elections 2024: Who are They? Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 4(14): 34-48, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-34-48](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-34-48)

Введение

К составлению списка кандидатов на ведущие должности в правительстве Д.Трамп приступил в конце 2023 г. По данным Axios со ссылкой на источники, близкие к Д.Трампу, детальное планирование команды «не в его ДНК», и многое зависит от двух императивов: лояльности, а также от стремления расширить юридические и управленческие границы¹. В длинном списке фигурировали: С.Миллер, Дж.Вэнс, К.Патель, С.Бэннон, С.Сандерс, К.Лейк, К.Ноэм, Б.Дональдс, М.Грин, Т.Карлсон, М.Дэвис, Дж.Макэнти, Дж.Кларк, Р.Гренелл, С.Уайлз, Дж.Рэтклифф, Дж.Даймон, Т.Коттон, Л.Зелдин, Дж.Кушнер и др.

1 Behind the Curtain – Exclusive: How Trump would build his loyalty-first Cabinet // Axios. December 7, 2023. URL: <https://www.axios.com/2023/12/07/trump-loyalty-cabinet-2025-carlson-miller-bannon>.

Первые прослушивания кандидатов на пост вице-президента Д.Трампа провел в ходе праймериз в Айове и Нью-Гемпшире в январе 2024 г. Свой предварительный список из шести человек Д.Трампа представил в интервью Fox News 21 февраля. В него вошли Р.Десантис, Т.Скотт, В.Рамасвами, К.Нозм, Б.Дональдс и Т.Габбард². 29 февраля Д.Трампа сообщил телеканалу Fox26, что рассматривает Г.Эббота и Т.Скотта³. В мае во флоридском отеле Four Seasons в Палм-Бич и поместье Д.Трампа «Мар-а-Лаго» состоялось мероприятие крупнейших доноров Республиканской партии. СМИ выделили шестерых человек: М.Рубио, Дж.Вэнс, Т.Скотт, Д.Бергам, К.Нозм, Э.Стефаник, о каждом из которых Д.Трампа поделился своим мнением⁴. В июне Д.Трампа инициировал «проверку документов» (vetting documents) восьми кандидатов (по данным NBC News): М.Рубио, Д.Бергам, Т.Скотт, Дж.Вэнс, Э.Стефаник, Б.Дональдс, Б.Карсон, Т.Коттон.

Судя по всему, Д.Трампа не определился до съезда Республиканской партии в Милуоки 15–18 июля, где делегаты должны официально выдвинуть своих кандидатов в президенты и вице-президенты. Напарником Д.Трампа и кандидатом в вице-президенты в итоге был объявлен молодой правый политик Джей Ди Вэнс, прозванный «клоном Трампа» и показавшийся более выигрышной фигурой, чем М.Рубио и Д.Бергам.

Материалы и методы исследования

Президентская кампания США всегда актуализирует научный интерес российских исследователей. При этом направления изысканий достаточно широки – от лингвистических вопросов политического дискурса и применения информационных технологий в подсчете голосов до международных отношений и концепции мироустройства. В этом плане политическая фигура особенно интересна в связи с тем, что у него уже есть опыт президентской предвыборной кампании 2016 г., следствием чего стал значительный пласт разнообразных исследований [1: 3–7: 10–12: 15–17].

На данный момент, накануне президентских выборов, публикуются работы, в которых авторы делают попытку с разных сторон оценить как перспективы победы кандидатов, так и комплексно оценить состояние политической системы США и ее влияние на развитие международных отношений [2: 8–9: 13–14].

В своем исследовании автор использовал основные общенаучные методы (анализ, синтез, аналогия, классификация, сравнение), подчиняя их ведущему принципу исторического исследования – принципу историзма, который предполагает изуче-

² Trump reveals VP shortlist includes DeSantis, Scott, Ramaswamy, Noem, Donalds, Gabbard // Fox News. February 21, 2024. URL: <https://www.foxnews.com/politics/trump-reveals-vp-shortlist-includes-desantis-scott-ramaswamy-noem-donalds-gabbard>.

³ Donald Trump says Greg Abbott is 'absolutely' on vice president short list // FOX 26 Houston. February 29, 2024. URL: <https://www.fox26houston.com/news/donald-trump-says-greg-abbott-is-absolutely-on-vice-president-short-list>.

⁴ Trump's potential VP picks and major Republican donors are coming to Mar-a-Lago // CNBC. May 1, 2024. URL: <https://www.cnbc.com/2024/05/01/trumps-potential-vp-picks-and-major-republican-donors-are-coming-to-mar-a-lago-.html>.

ние исторического явления в процессе его последовательного развития, требует выявления причин и учета всех факторов, которые оказывают воздействие на это развитие.

Исследовательскую базу статьи составили материалы СМИ и массмедиа, а также официальные выступления и заявления Д.Трампа. В основу легли методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, аналогии и сравнения.

Результаты исследований

Рассмотрим кандидатов на пост вице-президента, начиная с выбранного. Джей Ди Вэнс – сенатор от штата Огайо с 2023 г. Дж.Вэнс – автор бестселлера «Деревенская элегия» 2016 г., где отразил упадок американской глубинки и сумел передать общее чувство разочарования и беспомощности белой сельской Америки. Газета «Нью-Йорк Таймс» оценила книгу как одну из шести лучших, которые помогут понять причины победы Д.Трампа. В 2016 г. газета «Вашингтон пост», в свою очередь, назвала Дж.Вэнса «голосом Ржавого пояса», что не удивительно, ведь он вырос в небольшом бедном городке на юге Огайо, где его семье пришлось столкнуться со многими социальными трудностями. За способность объяснить путь Д.Трампа к президентству на телевидении Дж.Вэнса прозвали «шепот Трампа». Сам Дж.Вэнс – приспешник идей национального консерватизма, придерживается более правых взглядов по таким вопросам, как разнообразие и миграция, но более умеренных по вопросам экономики, выступает в защиту рабочего класса и против неограниченной свободной торговли, особенно с Китаем⁵. Также Дж.Вэнс откровенен в социальных сетях, где критикует правящий класс, миграционную политику и цензуру ТНК.

До политической карьеры Дж.Вэнс успел поработать в сфере хай-тек венчурным инвестором в фонде Питера Тили Mithril Capital. Именно П.Тили представил Дж.Вэнса Д.Трампу на встрече в Мар-а-Лаго. Д.Трампа-младший и Т.Карлсон также лоббировали Дж.Вэнса. По мнению политологов, Дж.Вэнс находится в потенциально выигрышной позиции, так как он консерватор иного типа, который при этом понимает электоральную базу Д.Трампа и идентифицирует себя с ней. В то же время было мнение, что Дж.Вэнс, возможно, предпочтет остаться в Сенате в качестве проводника идей Д.Трампа. К слову, по результатам опроса участников форума (Конференция консервативных политических действий (СРАС)) в марте Дж.Вэнс был выбран «любимым сенатором».

Что касается отношений с Россией, в 2023 г. Дж.Вэнс отметил, что «военные цели Зеленского не соответствуют реальности». Дж.Вэнс не считает решение защищать «мировой порядок, основанный на правилах» в Украине частью какой-то дальновидной политики, вместо чего предлагает сесть за стол переговоров и разработать

⁵ J.D.Vance's Rise From 'Hillbilly Elegy' Author to Senate Nominee // The New York Times. May 3, 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/05/03/us/politics/jd-vance-ohio-senate-primary-results.html>.

новую систему, где каждый сам несет ответственность за свою безопасность и благополучие, и первым шагом в этом направлении должно стать прекращение помощи Украине⁶.

Стоит отметить, что некоторые, например Мелания Трамп, поддерживали Такера Карлсона. Дж.Вэнс неоднократно выступал в защиту Т.Карлсона, назвав его единственной влиятельной фигурой, которая последовательно бросает вызов элитам с их догматизмом. Хотя бывший ведущий Fox News считается одним из самых влиятельных сторонников Д.Трампа в сфере массмедиа, идея взять его в госаппарат отвергнута многими влиятельными республиканцами, которые полагали, что Т.Карлсона сложно контролировать и еще Д.Трамп никогда не выберет кого-то, кто мог бы затмить его в глазах публики.

Что касается основных конкурентов Д.Трампа на праймериз, то если губернатор Флориды Рон Десантис в силу ряда причин исключил возможность занять должность вице-президента, то бывший губернатор Южной Каролины и постпред при ООН Никки Хейли долгое время держала паузу. Н.Хейли популярна среди независимых избирателей и имеет глубокие связи со спонсорами Республиканской партии. В мае Д.Трамп внес ясность, что Н.Хейли не рассматривается на пост вице-президента, хотя и видит ее в команде «в какой-то форме». У них разные взгляды на такие вопросы, как война на Украине (Н.Хейли настаивает на том, чтобы усилить поддержку Украины и позволить ей стать частью НАТО) и социальные программы. Советники Д.Трампа, такие как С.Бэннон, предостерегли его от сближения с Н.Хейли, утверждая, что она попытается навязать в Белом доме свои взгляды.

Альтернативным Н.Хейли кандидатом, способным помочь Д.Трампу с умеренными и колеблющимися избирателями, считался Дуг Бергам – губернатор Северной Дакоты. Д.Трамп принял во внимание тот факт, что Д.Бергам с большим энтузиазмом относится к нему и к его программе. Как и Дж.Вэнс, Д.Бергам присоединился к Д.Трампу на судебном процессе в Нью-Йорке, продемонстрировав ему свою поддержку⁷.

Про сенатора от штата Южная Каролина Тима Скотта можно сказать, что он стал бы первым чернокожим кандидатом в вице-президенты от республиканцев. Как политик Т.Скотт состоялся при протекции Н.Хейли и на сегодня является одним из самых видных чернокожих республиканцев в США⁸. В феврале Д.Трамп особенно похвалил Т.Скотта, который вел «агрессивную кампанию» накануне праймериз. Из других кандидатов-афроамериканцев числились конгрессмен от Флориды Байрон Дональдс – участник «Движения чаепития» и противник «Нового зеленого курса», а также бывший министр жилищного строительства и городского развития Бен Карсон.

⁶ The Grand Strategy Behind J.D.Vance's Latest Push To Kill Ukraine Aid // POLITICO. April 18, 2024. URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2024/04/18/jd-vance-ukraine-aid-00153201>.

⁷ Who Could Be Trump's VP Pick? // The New York Times. June 7, 2024. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2024/us/politics/donald-trump-vp.html>.

⁸ Who Will Trump Pick to Be His Vice President? // USNews.com. June 6, 2024. URL: <https://www.usnews.com/news/politics/articles/2024-06-06/who-could-trump-pick-to-be-his-vice-president>.

Сенатор от штата Флорида Марко Рубио имел очень хорошие шансы стать первым латиноамериканским вице-президентом. Это крайне консервативный политик, стоявший у истоков «Движения чаепития». Американец кубинского происхождения М.Рубио мог бы помочь Д.Трампу привлечь внимание латиноамериканских избирателей. М.Рубио также устроил бы лидеров Республиканской партии, поскольку пользуется большим уважением в истеблишменте (особенно внешнеполитическом). Будучи членом Комитета Сената США по международным отношениям, М.Рубио выступает за антироссийские санкции, хотя главной угрозой называет Китай. Он поддерживает увеличение военного присутствия США в АТР, уделяя приоритетное внимание расходам на оборону⁹.

Д.Трамп также мог бы войти в историю, выбрав женщину. Был ряд кандидатур.

Кристи Ноэм – губернатор Южной Дакоты. Согласно опросам в начале года, К.Ноэм – одна из популярнейших кандидатов, однако содержащееся в ее книге «Пути назад нет» неудачное откровение о судьбе собаки взбудоражило консервативную общественность, вызвало осуждение и сильно навредило ее репутации.

Элиз Стефаник – конгрессвумен от Нью-Йорка и председатель Республиканской конференции Палаты представителей. Э.Стефаник давно поддерживает Д.Трампа, активно агитирует за него и часто выступает перед консервативными группами. Э.Стефаник сыграла одну из ключевых ролей в зачистке партии от так называемых «Never Trumpers» и может похвастаться успешным опытом борьбы за голоса независимых избирателей, как и Сара Сандерс – губернатор Арканзаса и бывшая пресс-секретарь Д.Трампа.

Тулси Габбард – конгрессвумен от Гавайев и бывшая вице-председатель Демократического национального комитета, считавшаяся восходящей звездой Демократической партии и покинувшая ее из-за разногласий по ключевым вопросам, в частности, о поддержке Украины. Во время выступления на СРАС в феврале Т.Габбард использовала тезисы MAGA и сравнила Демократическую партию со «злодеями» и «диктаторами». Однако Т.Габбард поддерживает аборт и однополые браки (ее отец Майк Габбард, один из старейших сенаторов-демократов, имеет консервативные взгляды), что вызвало бы отторжение ядерного электората Д.Трампа.

Также рассматривалась одна из самых стойких сторонниц Д.Трампа Кари Лейк [8]. К.Лейк – бывшая телеведущая и кандидат от республиканцев на выборах губернатора Аризоны в 2022 г., хотя ее предвыборный штаб отрицал, что она метит на эту роль, так как параллельно претендует на место в Сенате.

Говоря о наиболее консервативных элементах Республиканской партии, стоит подробнее остановиться на фигуре Марджори Тейлор Грин. М.Грин – конгрессвумен от Джорджии и ультраправая сторонница Д.Трампа, идентифицирующая себя как христианский националист. Сам Д.Трамп назвал ее «будущей республиканской звездой». В своей риторике М.Грин бывает даже более резкой, чем Д.Трамп, который ча-

⁹ Who is Marco Rubio? // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/politics/graphics/2016-candidate-profiles/marco-rubio.html>.

сто говорил о радикальных социалистах, но редко использовал термин «коммунист» для описания крайне левых демократов. Как и Д.Трампа, М.Грин позиционирует себя успешной бизнесвумен, но если лозунгом предвыборной кампании Д.Трампа стал «Сделаем Америку снова великой», то М.Грин выбрала иной месседж в 2020 г.: «Спаси Америку, остановить социализм», а через два года – «Спаси Америку, остановить коммунизм».

В глазах недоброжелателей М.Грин выглядит яркой сторонницей теорий заговора, многие из которых основаны на антисемитизме, исламофобии и белом национализме. М.Грин выступила за отстранение от власти и экзекуцию лидеров Демократической партии, призвала запретить принимать на работу в правительство мусульман и сравнила активистов BLM с неонацистами и «Ку-клукс-кланом». При этом М.Грин не является маргинальной фигурой и представляет собой лидера радикального крыла Республиканской партии. М.Грин быстро снискала расположение ультраконсервативных членов фракции «Кокус свободы» («Freedom Caucus»). Например, конгрессмен Джим Джордан от Огайо, Дебби Медоуз (жена Марка Медоуза – конгрессмена от Северной Каролины и бывшего главы аппарата Белого дома) и конгрессмен Энди Биггс от Аризоны приветствовали ее в Конгрессе и заявили, что она именно тот, кто нужен для борьбы с левыми радикалами¹⁰.

Поначалу М.Грин излагала свои взгляды в явно не конфронтационной форме, но вскоре произошло кое-что, изменившее траекторию мышления М.Грин. На поздравительной встрече в Овальном кабинете М.Грин вместе с двумя другими конгрессвумен Лорен Боберт от Колорадо и Иветт Херрелл от Нью-Мексико впервые встретилась с Д.Трампом. В Конгрессе М.Грин сблизилась с Л.Боберт, увлекшись конспирологической теорией QAnon. Хорошие отношения у М.Грин сложились с М.Гетцем – конгрессменом от Флориды крайне правых взглядов, с которым они вместе инициировали общенациональный тур «Америка прежде всего». К слову, в декабре 2021 г. М.Гетц заявил, что не против вхождения русскоязычной части Украины в состав РФ и не верит в эффективность экономических санкций. Во время спецоперации на Украине саму М.Грин раскритиковали за «российскую пропаганду» и восхваление В.Путина.

4 февраля 2021 г. Палата представителей проголосовала за отстранение М.Грин от всех должностей в комитетах из-за ее поддержки политического насилия. Стоит упомянуть один случай: в сентябре 2020 г. М.Грин опубликовала фото, где держит винтовку AR-15 с подписью «Худший кошмар отряда» и призывом, что пришло время сильным консервативным христианам начать наступление на социалистов, которые хотят разорвать Америку на части. С тех пор М.Грин постепенно отошла от крайне правого фланга и сместилась ближе к центру.

Как предположила газета «Нью-Йорк Таймс», политическая тактика М.Грин направлена на рефлексивную демонизацию почти всех и всего, против чего она вы-

¹⁰ How Rep. Marjorie Taylor Greene, promoter of QAnon's baseless theories, rose with support from key Republicans // The Washington Post. January 30, 2021. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/greene-qanon-house-trump-republicans/2021/01/30/321b4258-623c-11eb-ac8f-4ae0557196e_story.html.

ступает, независимо от того, чего ей это будет стоить. Есть три карьерных пути: быть лидером, стойким приверженцем своего комитета или неутомимым защитником своего округа. М.Грин выбрала четвертый путь национального деятеля благодаря четко выверенной радикальной позиции, что позволяет ей оставаться политически актуальной сегодня¹¹. И всё же эту тактику некоторые коллеги-законодатели сочли «наносющей ущерб репутации Конгресса», а исключение М.Грин из комитетов обнулило ее шансы попасть в «короткий список» Д.Трампа.

Выбор кандидатуры губернатора Техаса Г.Эбботта, который в последние годы привлек внимание своей крайне жесткой политикой, связанной с охраной границы и иммиграцией, был маловероятен. Г.Эбботт использовал средства из бюджета штата для строительства пограничных барьеров, настаивая на продолжении миграционной политики Д.Трампа, ставшей одной из его «визитных карточек». Д.Трампа высоко ценит усилия губернатора по обеспечению безопасности границы с Мексикой, и сам Г.Эбботт предпочел бы остаться на своей должности.

Переходя к должности госсекретаря, основной кандидат – бывший посол в Германии и исполняющий обязанности директора Национальной разведки Ричард Гренелл. Он прославился своей поддержкой правых евроскептиков, и в случае его возвращения можно ожидать новый виток кризиса евро-атлантической солидарности, попытки расшатывания основ ЕС и ослабление поддержки Украины Европой. В апреле 2024 г. Р.Гренелл заявил, что переговоры о членстве Украины в НАТО целесообразны, и одновременно выступил в защиту блокады военной помощи Киеву и за разработку мирного плана для Украины. Р.Гренелл – лояльный Д.Трампу сторонник движения MAGA. Однако многие в Республиканской партии считают, что экс-конгрессмен от Техаса и бывший директор Национальной разведки Джон Рэтклифф или бывший советник президента США по национальной безопасности Роберт О'Брайен, традиционный консерватор, – более подходящие варианты. Дж.Рэтклиффу, «китайскому ястребу» и одному из ярых союзников Д.Трампа в Конгрессе во время расследования по импичменту, также пророчат пост главы ЦРУ, главы Минобороны и даже вице-президента.

Стоит отметить, что Д.Трампа открыт для назначенцев от мейнстрима партии, если те принесут ему пользу. Например, на должность министра финансов рассматривается гендиректор «JPMorgan Chase», демократ Джеймс Даймон. На своем предвыборном митинге в Аризоне в августе Д.Трампа пообещал взять в свою команду независимого кандидата в президенты, некогда члена Демократической партии Роберта Кеннеди-мл.

Том Коттон – сенатор от штата Арканзас, которому прочат пост министра обороны. В качестве запасного варианта – бывший конгрессмен от Нью-Йорка Ли Зельдин. Т.Коттон – бывший армейский офицер, известный своей жесткостью и написавший в 2020 г. статью в «Нью-Йорк Таймс» в поддержку использования Закона о восстании 1807 г. для подавления гражданских беспорядков. Это важно иметь в виду на тот

¹¹ The Problem of Marjorie Taylor Greene // The New York Times. October 17, 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/10/17/magazine/marjorie-taylor-greene.html>.

случай, если при победе Д.Трампа начнутся уличные волнения. С.Бэннон сказал о Т.Коттоне, что тот второй после Д.Трампа, кто лучше всего понимает экономический национализм и осознаёт, что нужно делать с вашингтонской элитой¹². Т.Коттона называют одним из ведущих проводников трампизма и возможным «наследником» Д.Трампа в продвижении этой идеологии. Т.Коттон считает, что итоги выборов 2016 г. были не какой-то исторической случайностью, а стали результатом широкого неприятия элит, оторванных от простого народа, лучшей иллюстрацией чему служит кризис на границе с Мексикой. Т.Коттон убежден, что Д.Трамп фундаментально повернул Республиканскую партию к более националистическому тону, и хочет быть в авангарде этого тренда. В то же время Т.Коттон поддерживает хорошие связи с истеблишментом и способен наводить мосты внутри партии. В отношении РФ и В.Путина Т.Коттон занимает жесткую позицию. Еще в ноябре 2016 г. Т.Коттон заявил, что для улучшения отношений с Россией необходимо, чтобы у В.Путина появилось чувство границ. В то же самое время Т.Коттон испытывает скептицизм насчет помощи Украине.

Кэш Пател, адвокат и бывший правительственный чиновник, – вероятный генпрокурор и, возможно, даже глава ЦРУ или СНБ. К.Пател – автор книги «Заговор против короны» 2022 г., где завуалированно изложил идеологию MAGA, замаскированную под детскую книгу. К.Пател активен в СМИ, появляясь, например, в подкасте С.Бэннона, где раскритиковал семью Дж.Байдена. Как верный «сторонник Трампа», К.Пател пообещал, что будет преследовать тех людей, кто лгал о нем в СМИ и помогли Дж.Байдену сфальсифицировать результаты выборов. Ради сохранения основ конституционной республики К.Пател развернет борьбу с «глубинным государством». Когда он был старшим советником директора Национальной разведки при Д.Трампе, в его сферу ответственности входила борьба с терроризмом, но также и Украина. К.Пател получил известность как ведущий следователь дела «Russigate», в ходе которого он раскрыл незаконные попытки шпионить за предвыборным штабом Д.Трампа. К.Пател также помог Д.Трампу отбиться от обвинений в связях с Россией.

Майк Дэвис – еще один кандидат на пост генпрокурора. М.Дэвис стал достаточно влиятельным голосом движения MAGA в силу его особой привлекательности как человека, сочетающего в себе добросовестность члена Республиканской партии с зажигательной риторикой, которую использует база MAGA. М.Дэвис работал на серьезных должностях в Министерстве юстиции при Дж.Буше, а также с такими людьми, как Н.Гингрич, судья Н.Горсач, экс-председатель Юридического комитета сената Ч.Грассли. В настоящее время М.Дэвис возглавляет группу активистов, которые борются за назначения судей правого толка и выступают против ТНК. Самое примечательное – это повестка дня, которую М.Дэвис недавно изложил для Министерства юстиции в случае избрания Д.Трампа: массовые увольнения чиновников, связанных с «глубинным государством»; вынесение обвинений Байдену; депортация 10 млн

нелегалов; задержание и посадка преступников в Вашингтонский ГУЛАГ и Гуантанамо; помилование обвиняемых 6 января¹³. Как предупредил М.Дэвис, та же участь постигнет и критиков Д.Трампа в Республиканской партии, или, как их называют, «Республиканцев только по имени» (Republican In Name Only, RINO), чья деятельность неотличима от демократов. Для представителей левых взглядов М.Дэвис выглядит расистским демагогом, пообещавшим «трехнедельное царство террора»: проблему черных низших слоев общества он предлагает решить путем массового заключения лидеров BLM и вооружения остальной Америки. В целом в глазах СМИ М.Дэвис выглядит как серьезный политический назначенец, лояльный, радикальный и готовый к дебатам на телевидении. Он именно тот тип сотрудника, к которому Д.Трамп обязательно обратится.

Еще один претендент на пост генпрокурора Джеффри Кларк, который пытался мобилизовать Министерство юстиции, чтобы поддержать усилия Д.Трампа по отмене результатов президентских выборов 2020 г.

Главой Министерства внутренней безопасности станет Вивек Рамасвами – самый молодой участник президентской гонки (38 лет). Наиболее близкий идейно к Д.Трампу, свою политику В.Рамасвами называет «холодным и трезвым реализмом». Главным противником США В.Рамасвами считает Китай, а не Россию, рассматриваемую как стратегический противовес влиянию Китая в Азии. В.Рамасвами готов признать российский контроль над оккупированными территориями и заблокировать кандидатуру Украины в НАТО, отменить санкции и восстановить экономические связи с Россией. Увеличение финансирования Украины В.Рамасвами считает катастрофой и вместо этого направил бы средства на предотвращение вторжения на южной границе США. В.Рамасвами считает, что «гражданство по праву рождения не должно распространяться на детей родителей, которые въехали в страну нелегально» и желает массово депортировать семьи нелегальных мигрантов. В этих делах ему будет помогать потенциальный директор Иммиграционной и таможенной полиции США Томас Хоман.

Что касается ближайшего окружения Д.Трампа, его главных стратегов и идеологов трампизма, то нельзя не остановиться на С.Миллере, С.Бэнноне и М.Антоне.

С.Миллер мог бы стать генпрокурором или получить министерскую должность, позволяющую влиять на миграционную политику. Многие рассматривают С.Миллера кандидатом на пост главы аппарата Белого дома наряду со Сьюзи Уайлз, которую считают лояльным и дисциплинированным помощником, способным обеспечить преемственность. На смежную должность главы Управления кадровой службы подходит Джон Макэнти – старший советник фонда «Наследие», отвечающий за «Project 2025» в рамках предвыборной кампании Д.Трампа.

С.Миллер – второй после С.Бэннона архитектор программы «Америка прежде всего». Большинство американских изданий видят его ультраконсервативным оппо-

12 Is Tom Cotton the Future of Trumpism? // The New Yorker. November 6, 2017. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2017/11/13/is-tom-cotton-the-future-of-trumpism>.

13 Those Crazy Plans for Trump 2.0? Take Them Seriously // The Bulwark. October 3, 2023. URL: <https://www.thebulwark.com/p/mike-davis-crazy-plans-for-trump-second-term>.

нением левых либералов, противником политкорректности, популистом националистического толка, который в студенческие годы выступал против засилья национальных меньшинств и вел непримиримую борьбу с левыми либералами. Будучи молодым консерватором в либеральной Санта-Монике, С.Миллер часто конфликтовал в школе из-за пропаганды мультикультурализма и социальной инженерии. В глазах коллег-консерваторов он приобрел известность за то, что, проникнув в либеральные круги, действовал на территории оппозиции. К 30 годам С.Миллер уже был ключевым помощником сенатора-республиканца от штата Алабама Джеффа Сешнса. Как отозвался Ларри Элдер, консервативный ведущий ток-шоу из Лос-Анджелеса, которого С.Миллер называет своим наставником, больше всего С.Миллера беспокоило отсутствие справедливости и доминирование левых сил в академических кругах, СМИ и Голливуде. Другой наставник, позже познакомивший С.Миллера и Дж.Сешнса, Дэвид Горовиц (экс-марксист, а после ультраправый консерватор) ценил его за сильный характер. Однако для С.Миллера естественной кульминацией его молодой карьеры является работа в Белом доме.

С.Миллер продержался в администрации Д.Трампа дольше остальных в должности старшего советника. Автор многочисленных речей и главный составитель предвыборной программы Д.Трампа, С.Миллер оставался постоянным участником его команды, чей авторитет и влияние со временем росли¹⁴. С.Миллер – сторонник модели национального государства (в качестве ответа на глобализацию), противник политики открытых границ и нелегальной иммиграции. Именно он является разработчиком правила, ставшего самой радикальной мерой, направленной на повышение и совершенствование стандартов допуска мигрантов¹⁵. С.Миллер, как и другой старший советник Дж.Кушнер, был готов пойти еще дальше и внести изменения, направленные на то, чтобы не пускать в страну всех, кроме обеспеченных и высокообразованных иммигрантов. Самое главное, что, по мнению Д.Трампа, С.Миллер глубоко привержен идее «Америка прежде всего» и понимает, как реализовать эту идею.

Главой аппарата Белого дома может стать и С.Бэннон – руководитель ультраправого информационного сайта «Breitbart News», продвигающего белый этнонационализм в качестве ответа на мультикультурализм и политкорректность. Это один из идеологов движения альтернативных правых в США, чьи члены едины в убеждении, что традиционный консерватизм потерпел неудачу, социальные консерваторы продались республиканскому истеблишменту, а неоконсерваторы чересчур симпатизируют Израилю. С.Бэннон сам не раз критиковал республиканский истеблишмент и не скрывал стремления превратить партию в совершенно новое политическое движение, союз консерваторов и популистов на базе экономического национализма. С.Бэннон также допустил, что, заручившись 60% голосов белых, а также 40% голосов

черных и испаноязычных, обновленная Республиканская партия будет управлять Америкой на протяжении 50 лет. С.Бэннон – главный антиглобалист в окружении Д.Трампа, выступающий за демонтаж системы либерального миропорядка. Он критикует «глобалистскую» повестку и убежден, что, совершив аутсорсинг, элиты предали рабочий класс.

Еще одной ключевой фигурой в окружении Д.Трампа считается М.Антон – консервативный интеллектуал, связанный с Институтом Клермонта, правым мозговым центром в Калифорнии. В программной статье 2016 г. «Выборы как рейс 93» и одноименной книге 2019 г. М.Антон утверждал, что Д.Трамп стал первой серьезной национал-патриотической попыткой защитить американскую Конституцию, что леволиберальная повестка превратилась в доминирующую догму, разрушая возможность возврата к консервативным корням, что неустанный импорт иностранцев из «третьего мира» губителен для Америки. «Трампизм» М.Антон определил как внешнеполитический курс на безопасные границы, экономический национализм и «Америку прежде всего».

Выводы

Можно заключить, что окружение Д.Трампа, консультирующее его по вопросам внешней и внутренней политики и сглаживавшее противоречия между личными убеждениями президента и сферой практической политики, в целом составляют политические реалисты. Присутствуют ментальные бизнесмены-прагматики, разделяющие рационалистичный бизнес-подход Д.Трампа, основанный на сопоставлении бизнеса и дипломатии. Ключевыми критериями формирования команды Д.Трампа являются тесное знакомство с Д.Трампом, больше всего ценящим преданность, а также активное участие в его предвыборной кампании. Большинство кандидатов на должности в федеральное правительство демонстрируют лояльность Д.Трампу и верность идеологии MAGA.

По сравнению с выборами 2016 г. выросла численность представителей радикального крыла Республиканской партии, убежденных трампистов, чей национал-популизм тем не менее обращен вовнутрь. Кроме того, если в 2016 г. одной из главных задач назначенцев было сделать так, чтобы инстинкты Д.Трампа были преобразованы в общепринятые формулировки внешнеполитических концепций и чтобы трампизм представлял собой интеллектуально и исторически связную идеологию, то в 2024 г. внимание приковано непосредственно к выборам. Для победы на общенациональных выборах Д.Трампу нужны кандидаты, апеллирующие не к краям политического спектра, а к центру, популярные среди национальных меньшинств и которые помогут заручиться поддержкой среди избирателей в ключевых колеблющихся штатах.

¹⁴ How Stephen Miller authors Trump's immigration policy // The Washington Post. August 17, 2019. URL: <https://www.washingtonpost.com/graphics/2019/politics/stephen-miller-trump-immigration/>.

¹⁵ How Stephen Miller Became Trump's Trusted Adviser // Business Insider. February 22, 2020. URL: <https://www.businessinsider.com/who-is-stephen-miller-trump-speechwriter-immigration-adviser-2018-1>.

Список литературы

1. Брукс Р., Голби Д., Урбен Х. Кризис командования [Crisis of Command] // Россия в глобальной политике. 2022. № 3 (115). С. 178–190. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-3-178-190>.
2. Голуб Ю.Г., Шенин С.Ю. Американский политический класс и международная повестка: общее и особенное в контексте выборов 2024 года [American Political Class and the International Agenda: General and Specific in the Context of the 2024 Elections] // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2024. № 2. С. 227–233. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-227-233>. EDN: AIADLJ.
3. Готин М.Б. Дональд Трамп и европейская безопасность [Donald Trump and European Security] // Наука. Общество. Оборона. 2023. № 1(34). С. 12–12. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2023-1-12-12>.
4. Гурьянова Т.Ю., Зайцева Е.Л., Билан О.А. Лексико-семантическое микрополе «Д.Трамп – участник президентской кампании – 2020 в США» (на материале американских СМИ) [Lexical-semantic microfield «D. Trump – a participant in the presidential campaign – 2020 in the USA» (on the material of American media)] // Вестник ЧГУПУ им. И.Я.Яковлева. 2022. № 3(116). С. 20–26. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2022.116.3.003>.
5. Ирхин Ю.В. Выборы 45-го Президента США: ключевые особенности, технологии, результаты [Elections of the 45th President of the United States: Key Features, Technologies, Results] // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Т. 9. № 1. С. 111–131. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2017-1-111-131>.
6. Каневский П.С. Кризисные тенденции в развитии социально-политической системы США: причины и последствия [Crisis Trends in the Development of the Socio-Political System of the United States: Causes and Consequences] // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. № 1. С. 130–146. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-1-130-146>.
7. Кустанович К.В. Имплитные выборы: эмигранты из России голосуют за Трампа [Implicit Elections: Russian Emigrants Vote for Trump] // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. Т. 51. № 2. С. 57–71. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-1-196-203>.
8. Лукьянов В.Ю. Тенденции развития внешней политики США конца XX – первой четверти XXI века. Концептуальный аспект [Trends in the US Foreign Policy Development in the Late 20th – First Quarter of the 21st Century] // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. № 1. С. 17–27. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V316>.
9. Меньшакова Н.Н., Ильенков Е.В. Стратегии и тактики манипулятивности в политических статьях СМИ [Strategies and Tactics of Manipulativity in Political Articles in the Media]. // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 76–86.
10. Минаева Л.В. Потенциал цифровых технологий в избирательных кампаниях [The Potential of Digital Technologies in Election Campaigns] // Коммуникология. 2024. № 1. С. 13–27. <https://doi.org/10.21453/2311-30652024-12-1-13-27>.
11. Новиков Д. Хаос в деталях. Перестройка и новое мышление для США и всего мира? [Chaos in Detail. Perestroika and New Thinking for the USA and the World?] // Россия в глобальной политике. 2023. № 4(122). С. 100–116. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-4-100-116>.
12. Сардар А. Влияние групп интересов на избирательный процесс в США [The Influence of Interest Groups on the Electoral Process in the USA] // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 3А. С. 136–146.
13. Селезнев П.С., Пономарев Н.А. Межпоколенческая динамика качества жизни как фактор трансформации электорального поведения молодых американцев [Intergenerational Dynamics of Quality of Life as a Factor in Transforming the Electoral Behavior of Young Americans] // Власть. 2024. № 1. С. 196–203.
14. Туран И. Многообразие без полюсов [Diversity without Poles] // Россия в глобальной политике. 2024. № 2. С. 85–96. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-2-85-96>.
15. Федоров В.И. Влияние явки избирателей на легитимность президентских выборов в мире [The Influence of Voter Turnout on the Legitimacy of Presidential Elections in the World] // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2024. № 2. С. 201–207. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-201-207>. EDN: AKKOYS
16. Шумилина И.В. Трамп vs Байден: выборы, которые разделяют страну (Тактика «расколов» против «солидаристского» подхода) [Trump vs. Biden: Elections That Divided the Country (The Tactics of «Splits» versus the «Solidarity» Approach)] // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. Т. 50. № 10. С. 60–73. <https://doi.org/10.31857/S268667300011806-6>.

17. Ягудин Р.А. Отношение профессиональных групп к технологиям Больших Данных во время президентских выборов в США 2016 [Attitudes of Professional Groups to Big Data Technologies during the 2016 US Presidential Elections] // Социально-политические науки. 2018. № 3. С. 27–31. EDN: OVQZYF.

Информация об авторе

КОЧЕГУРОВ Дмитрий Александрович. Старший научный сотрудник Института Соединенных Штатов Америки и Канады имени академика Г.А.Арбатова Российской академии наук. <https://orcid.org/0000-0003-4955-033X>. Адрес: Российская Федерация, 121069, г. Москва, Хлебный пер., 2/3. d.kochegurov@iskran.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23 сентября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 20 октября 2024 г. Принята к публикации: 30 ноября 2024 г. Опубликовано: 4 декабря 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Brooks R., Golby D., Urban H. Crisis of Command. Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Affairs]. 2022; 3(115):178–190 [In Russian]. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-3-178-190>.
2. Golub Yu.G., Shenin S.Yu. American Political Class and the International Agenda: General and Specific in the Context of the 2024 Elections. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [News of Saratov University. New Series. Series History. International Relations]. 2024; 2:227–233 [In Russian]. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-227-233>. EDN: AIADLJ.
3. Gotin M.B. Donald Trump and European Security. Nauka. Obshchestvo. Oborona. [Science. Society. Defense]. 2023; 1(34):12–12 [In Russian]. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2023-1-12-12>.
4. Guryanova T.Yu., Zaitseva E.L., Bilan O.A. Lexical-semantic microfield “D. Trump – a participant in the presidential campaign – 2020 in the USA” (on the material of American media). Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya.Yakovleva [Bulletin of the ChSPU named after I.Ya.Yakovlev]. 2022; 3(116):20–26 [In Russian]. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2022.116.3.003>.
5. Irkhin Yu.V. Elections of the 45th President of the United States: Key Features, Technologies, Results. Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya). [Ars Administrandi (The Art of Management)]. 2017; 9(1):111–131 [In Russian]. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2017-1-111-131>.
6. Kanevsky P.S. Crisis Trends in the Development of the Socio-Political System of the United States: Causes and Consequences. Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. Series 18. Sociology and Political Science. 2024; 1:130–146 [In Russian]. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-1-130-146>.

7. Kustanovich K.V. Implicit Elections: Russian Emigrants Vote for Trump. USA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura [USA and Canada: Economy, Politics, Culture]. 2021; 51(2):57-71 [In Russian]. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-1-196-203>.
8. Lukyanov V.Yu. Trends in the Development of US Foreign Policy in the Late 20th – First Quarter of the 21st Century. Conceptual Aspect. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University]. Series: Humanities and Social Sciences. 2024; 1:17-27 [In Russian]. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V316>.
9. Menshakova N.N., Ilyenkov E.V. Strategies and Tactics of Manipulation in Political Articles in the Media. Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024; 1:76-86 [In Russian].
10. Minaeva L.V. The Potential of Digital Technologies in Election Campaigns. Kommunikologiya [Communicology]. 2024; 1:13-27 [In Russian]. <https://doi.org/10.21453/2311-30652024-12-1-13-27>.
11. Novikov D. Chaos in Detail. Perestroika and New Thinking for the USA and the World? Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Affairs]. 2023; 4(122):100-116 [In Russian]. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-4-100-116>.
12. Sardar A. The Influence of Interest Groups on the Electoral Process in the USA. Teorii i problemy politicheskikh issledovanij [Theories and Problems of Political Research]. 2019; 8(3A):136-146 [In Russian].
13. Seleznev P.S., Ponomarev N.A. Intergenerational Dynamics of Quality of Life as a Factor in Transforming the Electoral Behavior of Young Americans. Vlast' [Vlast]. 2024; 1:196-203 [In Russian].
14. Turan I. Diversity without Poles. Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Politics]. 2024; 2:85-96 [In Russian]. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-2-85-96>.
15. Fedorov V.I. The Influence of Voter Turnout on the Legitimacy of Presidential Elections in the World. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sociologiya. Politologiya [Izvestiya Saratov Univ. New Ser. Ser. Sociology. Political Science]. 2024; 2:201-207 [In Russian]. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-201-207>. EDN: AKKOYS
16. Shumilina I.V. Trump vs. Biden: Elections That Divided the Country (The Tactics of "Splits" versus the "Solidarity" Approach). USA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura [USA and Canada: Economy, Politics, Culture]. 2020; 50(10):60-73 [In Russian]. <https://doi.org/10.31857/S268667300011806-6>.
17. Yagudin R.A. Attitudes of Professional Groups to Big Data Technologies during the 2016 US Presidential Elections. Social'no-politicheskie nauki [Socio-Political Sciences]. 2018; 3:27-31 [In Russian]. EDN: OVKZYF.

About the author

Dmitry A. KOCHEGUROV. Senior Researcher at the Institute of the United States of America and Canada named after Academician G.A.Arbatov, Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0003-4955-033X>. Address: 2/3, Khlebnyy Lane, Moscow, 121069, Russian Federation. d.kochegurov@iskran.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: September 23, 2024. Approved after review: October 20, 2024. Accepted for publication: November 30, 2024. Published: December 4, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

Политические науки

УДК 32, 327

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-49-62](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-49-62)

США: фрагментация политических элит и перспективы российско- американского диалога

Наталья Михайловна Травкина

Институт Соединенных Штатов Америки и Канады имени академика
Г.А.Арбатова Российской академии наук, Москва, Россия
y17andex.ru@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8215-2101>

Аннотация. На протяжении последних 30–35 лет в США заметно активизировались исследования роли и трансформации американских элит, в том числе политической элиты. Во второй половине XX в. в условиях биполярного мира основное внимание уделялось значению общественных движений как ключевого фактора, определяющего механизм и специфику функционирования политической системы. Но по мере увеличения масштабов глобализационных процессов все большую роль начали играть властные группировки, которые de facto стали именовать себя «элитами», т.е., по сути, избранной частью общества, заметно отличающейся от других социальных слоев и групп размерами богатств, уровнем образования, доступом к широкому кругу привилегий и другими особенностями бытия представителей «высшего света». С политологической и социологической точек зрения изучение элит, в отличие от изучения массовых движений, с самого начала породило большие сложности вследствие закрытого характера большинства элитных группировок, а также размытости и неопределенности их социальных границ. Помимо этого, в США как самой богатой стране западного мира начался процесс трансформации

элитных групп и превращения их в олигархические. Параллельно либеральная часть американской политической элиты пришла к выводу о необходимости преобразования традиционной белой элиты американского общества, известной как «белые англосаксонские протестанты», в «цветную» элиту американского общества, состоящую из широкого спектра расово-этнических групп и слоев. Как следствие процессов «цветнизации» американской политической элиты началась ее фрагментация, которая в настоящее время приняла форму ожесточенной борьбы старой белой элиты и приходящей ей на смену многорасовой и полиэтнической. В условиях конкурентной борьбы за выживание резко сузились возможности для российско-американского диалога, который на протяжении большей части существования наших стран шел в русле межгосударственных отношений, а не в рамках межэлитных коммуникаций.

Ключевые слова: политическая элита, олигархия, неравенство в распределении доходов и богатств, меритократия, расово-этническое разнообразие, Б.Обама, Д.Трамп, российско-американский диалог

Для цитирования: Травкина Н.М. США: фрагментация политических элит и перспективы российско-американского диалога // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 49-62, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-49-62](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-49-62)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-49-62](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-49-62)

USA: Political Elites Fragmentation and Russian-American Dialogue Prospects

Nalalya M. Travkina✉

Institute of the United States of America and Canada named after Academician G.A.Arbatov of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
y17andex.ru@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8215-2101>

Abstract. Over the past 30–35 years, the United States has seen an increase in research into the role and transformation of American elites, including the political elite. In the second half of the 20th century, in the context of a bipolar world, the main focus was on the importance of social movements as a key factor determining the mechanism and specifics of the functioning of the political system. But as globalization processes increased, power groups began to play a major role, which de facto began to call themselves elites, i.e. a select part of society that significantly differs from other social strata and groups in terms of wealth, level of education, access to a wide range of privileges and other features. From a political and sociological perspective, studying elites, unlike studying mass movements, is more difficult due to the closed nature of most elite groups, as well as the vagueness and uncertainty of their social boundaries. In addition, the United States, as the richest country in the Western world, has begun to transform elite groups and turn them into oligarchs. In parallel, the liberal part of the American political elite came to the conclusion about the necessity of transforming the traditional white elite of American society, known as “white Anglo-Saxon Protestants”, into a “colored” elite of American society, consisting of

a wide range of racial and ethnic groups and strata. As a consequence of the processes of “colorization” of the American political elite, its fragmentation began, which at present has taken the form of a fierce struggle between the old white elite and the multiracial and multiethnic elite that is replacing it. In the conditions of the competitive struggle for survival, the opportunities for Russian-American dialogue, which for most of the existence of our countries was in the mainstream of interstate relations, and not within the framework of inter-elite communications, have sharply narrowed.

Keywords: political elite, oligarchy, inequality in the distribution of income and wealth, meritocracy, racial and ethnic diversity, B.Obama, D.Trump, Russian-American dialogue

For citation: Travkina N.M. USA: Political Elites Fragmentation and Russian-American Dialogue Prospects. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 4(14): 49-62, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-49-62](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-49-62)

Введение

С наступлением XXI в. в США резко активизировались общественные дебаты, стимулированные и подпитываемые многочисленными академическими исследованиями о природе и характере властных отношений в американском обществе. Фундаментальная причина, по которой в фокусе политологических исследований и медийного пространства оказалась проблема «Кто на самом деле управляет Америкой?»¹, проистекает из успешного окончания для США на рубеже 1980-х – 1990-х гг. периода холодной войны. На протяжении второй половины XX в. идеологическая борьба в условиях биполярного мира шла в основном вокруг достоинств и недостатков представительского института западной, главным образом американской, демократии в ее классическом издании и общенародного государства социального типа.

Основная функция политической системы любого общества мыслилась в рамках того, насколько она способна гарантировать максимально широкому кругу граждан защиту их прав, обеспечить равенство и повышение жизненного уровня. Следует при этом иметь в виду, что политическая система любого типа имеет два измерения: «горизонтальное» и «вертикальное». Горизонтальное измерение равнозначно степени представительства граждан в политических процессах, в то время как вертикальное измерение характеризует систему управления общественными процессами в широком смысле этого слова. С точки зрения дихотомии вертикального и горизонтального измерений вторая половина XX в. прошла под знаком решающей роли и значения в механизме функционирования политической системы горизонтального измерения, подразумевающего «максимально полное участие в политических процессах народных масс с последующим расширением их избирательных прав», которое оттеснило на второй план «вертикальное измерение, то есть сферу командования» [4, p. 18].

«Победное шествие» модели либеральной демократии в планетарных масштабах с начала 1990-х гг. выдвинуло на первый план сферу вертикального измерения,

¹ Domhoff W. WhoRulesAmerica.net. Power, Politics, & Social Change. 2024. URL: <https://whorulesamerica.ucsc.edu/>.

которая стала отождествляться с ролью и значением правящих меньшинств в политических системах, которые «самопровозгласили» себя «элитами». Согласно определению Кембриджского словаря английского языка, элита представляет собой «самую богатую, самую влиятельную, самую образованную или самую квалифицированную группу в обществе»². Применительно к США, согласно экспертному заключению ведущего американского социолога У. Домхоффа, властвующая американская элита состоит преимущественно из экономических группировок, тесно связанных и представленными крупнейшими банками, корпорациями, структурами агробизнеса и сферой недвижимости, поскольку исторически, в отличие, например, от европейских стран, в США никогда не было мощного и политически влиятельного института церкви, централизованного государства и мощных вооруженных сил, претендующих на захват государственной власти³. В количественном отношении к властвующей элите можно отнести от 0,5 до 1,0% населения США, доля которой в распределении национальных богатств США составляет от 35% до 40,0%, а в распределении личных доходов – от 12% до 15%⁴.

Представления У. Домхоффа о характере и структуре правящих элит США подтверждаются и результатами социологических исследований политологов М. Гиленса и Б. Пейджа, согласно которым в современном американском обществе ведущую роль в политических процессах играют «экономические элиты и организованные группы, представляющие деловые интересы, в то время как группы, выражающие массовые политические интересы, и рядовые граждане практически не имеют большого или самостоятельного влияния. Результаты проведенных обследований существенно образом подтверждают теории преимущественного Господства экономических элит и теории Плюрализма корпоративных и профессиональных интересов, но не теории Мажоритарной электоральной демократии или теории Мажоритарного плюрализма» [7, p. 565].

Теория мажоритарной электоральной демократии является классической теорией американской политической системы, восходящей своими корнями к историко-политическому трактату французского публициста А. де Токвиля «Демократия в Америке» (Нью-Йорк, 1838). Теория мажоритарного плюрализма восходит своими истоками к концепции отца-основателя США, четвертого американского президента Дж. Мэдисона (1809–1817), согласно которой государство должно в своей деятельности учитывать интересы большей части граждан. Взгляды Дж. Мэдисона были развиты в 1970-е и в 1980-е гг. видным американским политологом того времени Р. Далем, который в 1971 г. обосновал теорию полиархии, или плюралистичной демократии, согласно которой группы специальных интересов, выражающие чаяния, надежды и устремления рядовых граждан, способны эффективно представлять и отстаивать их на общенациональном уровне [5]. Теория полиархии Р. Даля отражала специфику и особенности

² Cambridge Advanced Learner's Dictionary. ELITE // Definition of the cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/elite>.

³ Domhoff W. The Class-Domination Theory of Power. 2012. URL: https://whorulesamerica.ucsc.edu/power/class_domination.html.

⁴ Там же.

функционирования политической системы США во второй половине XX в., которые постепенно стали сходиться на нет после завершения периода холодной войны.

Исключительно важно подчеркнуть, что резкое усиление влияния политических элит в США на протяжении последних 30 лет сопровождалось качественным изменением их состава, которое вынудило американских политологов говорить о том, что правящий класс современной Америки имеет не столько «элитарный», сколько «олигархический» облик. При этом американские политологи и социологи, как правило, отталкиваются от определения олигархии, данного еще в античности известным греческим мыслителем Аристотелем, который считал олигархами людей «с наивысшим имущественным цензом» [1, с. 418], т.е. самых богатых граждан. Господство и влияние богатейших кланов и людей в современной Америке приводит к тому, что, по мнению американских политологов Дж. Винтерса и Б. Пейджа, вопреки различным вариантам теории элит и «элитарных» трактовок олигархии «понятие олигархии правильно отнести к особому виду власти меньшинства, который по своей сути является плотью от плоти материальным. В США, как и везде, центральный вопрос заключается в том, будут ли и каким образом самые богатые граждане использовать уникальные и невиданные властные ресурсы ради защиты своих уникальных интересов. В Соединенных Штатах (как и везде), в той степени, в которой такое меньшинство использует свои властные возможности, политическую систему можно считать олигархией» [21, p. 371].

Официальные статистические данные о распределении накопленных богатств в американском обществе свидетельствуют о том, что по состоянию на весну 2024 г. 737 миллиардеров владели богатствами на сумму в 5,5 трлн долл.⁵, в то время как стоимость богатств нижних 50% населения США, или порядка 170 млн человек, не превышала 3,7 трлн долл.⁶ Эти данные самым убедительным образом свидетельствуют о том, что в современном американском обществе разрушаются социальные и коммуникативные связи между различными социальными слоями и, более того, общество в лице его государственных институтов теряет способность осуществлять контроль над наиболее состоятельными социальными слоями. Как указывал в этой связи датский политолог Р. Стал, в настоящее время «главная угроза для демократии исходит не от избыточной государственной власти, а скорее от неспособности контролировать влиятельных экономических субъектов за пределами государства. Мы видим все более сильные ограничения демократических институтов и способности влиять и регулировать экономические процессы. Похоже, что мы наблюдаем явное смещение власти от институтов демократического представительства к неизбираемым экономическим элитам»⁷.

⁵ Collins Ch. Updates: Billionaire Wealth, U.S. Job Losses and Pandemic Profiteers. March 18, 2024 update. URL: <https://inequality.org/great-divide/updates-billionaire-pandemic/>.

⁶ Board of Governors of the Federal Reserve System. Distribution of Household Wealth in the U.S. since 1989. March 22, 2024. URL: <https://www.federalreserve.gov/releases/z1/dataviz/dfa/distribute/chart>.

⁷ Stahl R. The Return of Oligarchy: Elite Power in an Age of Inequality // Copenhagen Business School. 3 Nov. 2016. P. 1-16. URL: <http://conferences.au.dk/globalinequality2016/>.

Выдвижение на политическую авансцену в середине 2020-х гг. миллиардера Д.Трампа и его избрание президентом США в 2016 г. и являются наиболее зримыми проявлениями в США олигархической формы государственного управления и воздействия на общественные процессы в самом широком смысле этого слова.

Материалы и методы исследования

Вследствие закрытого характера образа жизни и дистанцирования от большей части социальных слоев и групп американского общества, включая и академических исследователей, принадлежащих к так называемому «среднему классу», изучение поведенческих моделей и стереотипов сознания, равно как и быстро меняющегося состава американских политических элит, создает значительные дополнительные трудности, прежде всего, с точки зрения достоверности полученных результатов и обоснованности использованных при этом аналитических моделей. В этом плане результаты политологических и социологических исследований в значительной мере являются не более чем продуктом «умозрительных» представлений академических исследователей о составе и структуре изучаемых политических элит. На этот существенный методологический недостаток изучения политических элит неоднократно обращалось внимание в зарубежных исследованиях. В частности, в Оксфордском справочнике политического поведения, изданном в 2007 г., прямо говорилось о том, что большая часть «концепций элит носит расплывчатый характер», поскольку они не содержат «никаких указаний для определения границ элиты. Исследователь свободен в выборе как горизонтальных (включение секторов и организаций), так и вертикальных (иерархических уровней внутри организации) границ. Для определения размера элитной выборки наличие финансирования в большинстве случаев важнее теоретических допущений» [9, р. 912, 914].

Вместе с тем отмечается, что политические элиты США, т.е. совокупность политических деятелей, периодически избираемых и переизбираемых в выборные органы власти на общенациональном (федеральном) уровне, вследствие публичного характера своей деятельности достаточно открыты для общения и участия в различного рода опросах, не говоря уже об изложении своих взглядов и политических платформ. Американская политология и социология используют три основные модели состава политических элит: 1) профессиональную модель; 2) композиционную модель и 3) когнитивную модель. Профессиональная модель состава политической элиты охватывает круг политиков и высшего звена служащих федерального правительства: президентов и вице-президентов, членов администраций, сенаторов и конгрессменов, членов Верховного суда США, высших руководителей федеральных министерств и ведомств (министерства обороны, государственного департамента, разведывательного сообщества). Композиционная модель трактует представителей политической элиты как определенный слой (класс) людей, имеющих ряд объединяющих их социально-экономических и демографических признаков; в частности, они являются более состоятельными, более образованными, принадлежат к старшим возрастным

категориям. И наконец, когнитивная модель базируется на том, что представители политических элит имеют достаточно специфический набор когнитивных черт по сравнению с другими социальными группами населения, например, большую компетентность в принятии решений [11, р. 535-536].

В 2017 г. группа американско-шведских политологов опубликовала результаты своего исследования, в котором аналитически доказала обоснованность «элитно-меритократичной» модели формирования политического класса в странах западной либеральной демократии. С общетеоретических позиций возможны три варианта формирования «элитного» политического класса. В первом случае «исходный элитизм» наиболее состоятельных семей и кланов, как это имело место в случае клана Кеннеди в 1950-е – 1970-е гг. и клана Бушей в последней трети XX в., которые располагают достаточным набором привилегий, чтобы получить доступ к политической власти. Во втором случае в рамках модели «исключительной меритократии» в «большую политику» приходят компетентные люди, окончившие ведущие американские университеты (Гарвардский, Йельский, Принстонский, Стэнфордский), что и формирует элитарный политический класс. Наконец, в третьем случае, получившем название «инклюзивной меритократии», целевая функция политической системы сводится к селекции общественных деятелей с определенным набором качеств, являющихся современным воплощением определения человека, данного в свое время Аристотелем, утверждавшим, что «человек по природе своей есть существо политическое» [1, с. 378; 14, р. 34]. В общем и в целом доминирующими оказались «меритократические» модели, в рамках которых немаловажную роль играли политические партии – Республиканская и Демократическая, которые выступали фактором спроса на политиков определенного типа, способных избираться и переизбираться в ходе как внутрипартийной, так и межпартийной ожесточенной конкурентной борьбы [14, р. 23].

Поскольку американские элиты, в том числе и политические, являются в значительной мере «вещью в себе» («thing-in-itself»), то методы их исследования строятся на принципах анализа поведенческих последствий 1) влияния государственных институтов на состав и характеристики элит, 2) политических результатов деятельности элит и 3) взаимодействия различных элитных групп [19, р. 72]. Последний исследовательский метод имеет самое прямое отношение к тематике данной статьи, поскольку столкновения и борьба между ведущими группировками политических элит США обусловлены именно процессами фрагментации американских элит, главным образом корпоративных, которые все рельефнее стали заявлять о себе с 1970-х гг. [13].

Институциональный метод изучения политических элит базируется не на демаркации границ основных групп лиц, принимающих стратегические решения, имеющие важные последствия для механизма функционирования политической системы, а на выявлении центров принятия подобного рода решений, исходя из посыла о том, что лица, принимающие подобные решения, «автоматически» могут быть причислены к элитной группе. Американская политология и социология выделяют пять таких «фокальных точек» в политической системе. Собственно политическая сфера – государственные органы, наделенные конституционным правом принятия юридически

обязательных решений и законодательных актов. В эту сферу входят органы государственного управления на уровне федеральных министерств и ведомств, среди которых особую роль играют силовые структуры, отвечающие за обеспечение национальной безопасности США (вооруженные силы, разведывательное сообщество). Вторая сфера представлена частным сектором экономики – ведущими финансовыми структурами и корпорациями реального сектора экономики, производящими значительные объемы материальных благ и услуг, измеряемые долями в валовом внутреннем продукте (ВВП). Медийная сфера представлена ведущими средствами массовой информации – руководством телевизионных компаний и ведущих газет, интернет-ресурсов, медиа-магнатами. Академическая сфера охватывает руководство и ведущих ученых, исследователей и преподавателей вузов, т.е. сферу производства и распространения знаний в широком смысле этого слова. И наконец, сфера добровольных объединений состоит из таких структур, как церковь, бизнес-ассоциации и руководство профсоюзов, которые оказывают или имеют существенное политическое влияние [8, p. 81].

Разумеется, далеко не все представители, в том числе и официальные руководители вышеупомянутых сфер, могут быть причислены к «элите», и поэтому выявление «фокальных точек» в политической системе нередко дополняется так называемым «репутационным методом» определения элитной группы, основанным на экспертных и рейтинговых оценках лиц, действительно оказывающих значительное политическое и общественное влияние. На практике эксперты стремятся к сужению круга лиц, претендующих на роль элитной группы, поскольку весьма трудно добиться выработки единого мнения среди широкого круга экспертов относительно истинного политического влияния сотен лидеров, и поэтому политологи и социологи «как правило, прибегают к составлению коротких списков из ограниченного числа высших лидеров, что и приводит к формированию сравнительно небольшой “правлящей элиты”» [8, p. 86].

Репутационный метод активно используется для выявления косвенного или «закулисного» влияния представителей элитных групп. В этом плане можно также указать на то, что в американской политологии еще с середины XX в. достаточно прочно утвердилась точка зрения, что «истинная» политическая элита должна отвечать трем критериям: 1) иметь групповое сознание; 2) быть сплоченной и 3) уметь составлять и участвовать в заговорах. Последний фактор не в последнюю очередь объясняется тем, что основоположники современных теорий элит – экономист и социолог У.Парето (1841–1923), социолог Г.Моска (1858–1941) – были итальянцами и в этом плане – последовательными «носителями макиавеллианской традиции» [6, p. 332].

«Конспирологическому измерению» теориям элит было придано «второе дыхание» коронавирусной пандемией, обрушившейся на мир в начале 2020 г. Как указали в этой связи немецкие историки М.Буберт, В.Дрюс и А.Кришнер, в мае 2020 г., в частности, в Германии получили широкое хождение утверждения о том, что «политические и социальные элиты используют пандемию для реализации секретных, давно запланированных целей. Такие цели представлялись как создание мирового правительства или превращение немецкой демократии в диктатуру» [3]. Эта «теория» получила широкое распространение и в США, и ряде других стран.

Результаты исследований

На протяжении большей части американской истории, начиная с момента возникновения США в 1776 г., американская политическая элита имела вполне определенную, четкую «маркировку», выражаемую формулой «белые англосаксонские протестанты» («White Anglo-Saxon Protestants»). Эта элита возглавила борьбу молодой американской республики за независимость (1775–1783), и ее знаковым представителем стал командующий вооруженными силами Дж.Вашингтон, ставший впоследствии первым американским президентом (1789–1797). Элита того периода может быть названа «унитарной» (однородной), которая осуществляла власть вплоть до начала XVIII в. В XIX в. общественно-политическое развитие США определялось евангелической протестантской элитой. Элита того периода тоже была достаточно однородной, которая утверждала в общественно-политической жизни США приоритет христианских религиозных ценностей, отражавших ориентацию на внутреннее развитие американского общества.

С наступлением XX в. резко возросла активность США на международной арене, стартовала «Прогрессивная эра» – эра социально-экономических реформ, которые и были начаты элитой, сформировавшейся в XIX в., которая в новых внешне- и внутриполитических условиях трансформировалась в либеральную протестантскую элиту. Первая половина XX в. – это период, когда оказались поколеблены религиозные основы формирования американского правящего класса, когда так называемая евангелическая элита трансформировалась в либеральную протестантскую элиту с заметным усилением светских или секулярных начал. В период после окончания Второй мировой войны различного рода общественные движения – левого толка, афроамериканцев и феминистские – привели к постепенному упадку в политической системе США белых англосаксонских протестантов [18]. И хотя в тот период идеалом оставалась модель политической элиты, олицетворяемой белыми англосаксонскими протестантами, она постепенно стала наполняться совершенно другим содержанием – «внеконфессиональной религиозностью, охватывающей протестантов, католиков и иудеев, которая и стала определять новый американизм» [10, p. 68]. И важнейшими этапами трансформации политической элиты США в тот период стало избрание в 1952 г. президентом США Д.Эйзенхауэра – американца с немецкими корнями, а в 1960 г. – первого президента-католика Дж.Кеннеди. Поэтому начиная с 1960-х гг. и вплоть до конца XX в. Соединенными Штатами руководила экспрессивно-индивидуалистическая элита⁸. Но в целом вплоть до начала XXI в. Америкой правили белые американцы, и это была элита белых американцев.

Следует отметить, что расово-этническая однородность политической элиты США стала подвергаться сомнению еще в 1980-е гг. [2]. Однако в последние десятиле-

8 Douthat R. How Do You Replace an Elite? // American Enterprise Institute. June 28, 2023. URL: <https://www.aei.org/op-eds/how-do-you-replace-an-elite/>.

тия XX в. стратегическое решение по изменению расово-этнического состава белой протестантской элиты было принято в недрах самой политической элиты США – ее либеральной частью – как форма «сознательной политики демократизации элит и изменения форм либерального самосознания», которые также могут трактоваться как проявление «этнической измены со стороны доминирующих элитных групп» [10, p. 61].

Трансформация расово-этнического состава американской политической элиты и предопределила раскол и размежевание в ее рядах, по сути, поляризовала внутриэлитные отношения, что и обернулось нарастанием процессов ее фрагментации. Наиболее ярким проявлением этого раскола и фрагментации в рядах политической элиты США стало избрание в 2008 г. 44-м президентом США афроамериканца Барака Хусейна Обамы и – как реакция традиционной белой Америки на его восьмилетнее пребывание в Белом доме – приход ему на смену в 2016 г. президента-республиканца Д.Трампа. Фигура Д.Трампа явилась и является олицетворением того, что на первый план американской внутренней политики выдвинулась проблема ее расовой составляющей. И фундаментальная причина этого состоит в том, что Д.Трамп актуализировал проблему расовой идентичности доминирующей расово-этнической социальной группы американского общества – белых американцев. Расовая идентичность белого большинства вплоть до XXI в. никогда не входила в круг острых политических проблем США, однако «на протяжении последних 15 лет ситуация с идентичностью белых претерпела коренные изменения. Многие исследователи в настоящее время согласны в том, что немалая часть белого населения верит в то, что их некогда незыблемые позиции в расовой иерархии Америки с демографической точки зрения стремительно ослабевают» [17, p. 693].

Фрагментация американских политических элит определяется их растущей политической поляризацией, которая находит свое отражение в том, что в настоящее время «американцы гораздо чаще, чем американцы конца XX века, открыто выражают свою идеологическую и политическую идентичность. В 2020 г. 40% американцев отнесли себя на одно из крайних значений либерально-консервативной шкалы – «твердо идентифицируя себя либо как либералов, либо как консерваторов» – по сравнению с 19% в 1972 г. и 29% в 2000 г., что явилось самым высоким процентом поляризованности общества, зарегистрированным за последние 70 лет [20].

В этих условиях ситуация в политической элите США может быть охарактеризована как «борьба не на жизнь, а на смерть» между новой «цветной» фракцией и старой «белой» фракцией, при которой каждая из фракций стремится вытеснить и маргинализировать своих идейных конкурентов. Эта особенность противостояния американских элит является самым важным фактором для понимания внутривнутриполитических процессов в США, поскольку в целом на всем протяжении существования Америки в американском обществе господствовали представления о том, что ни одна из элит не должна занимать доминирующих позиций в политической системе на всех этажах власти, что и находило отражение в известных принципах сдержек и противовесов, встроенных в американскую государственность еще отцами-основателями США.

Можно также отметить, что фрагментированные элиты имеют либо смутные, либо превратные представления о настроениях и чаяниях остальной части общества. В наиболее яркой форме это непонимание и привело к выдвижению на политическую авансцену Д.Трампа. Как указал в этой связи профессор социологии Калифорнийского университета Н.Флигстейн, «международные институты, которые делали упор на свободную торговлю, сохранялись и расширяли свою деятельность. Но вместо того, чтобы торговля порождала рост благосостояния всех жителей Соединенных Штатов, торговая экспансия обернулась затянувшимся кризисом для многих американцев и баснословными прибылями для верхов американского общества. Трампизм явился прямым ответом на этот кризис. Критика Трампом либерального мирового порядка выражает убеждения, которые для многих американцев давно стали очевидной реальностью» [15, p. 57].

Выводы

Важнейшей проблемой исследований поведения политических элит в условиях нарастающей международной напряженности стало изучение взаимоотношений политических элит и общественности в вопросах внешней политики. Вторая половина XX в. привела многих американских ученых к выводу о том, что внешнеполитический курс США определяется моделью «сверху – вниз», в рамках которой «ядро» внешнеполитических установок формируется непосредственно политической элитой, которые потом «передаются» вниз, и в этом плане «самостоятельное» общественное мнение большой роли в формировании внешнеполитического курса США не играет. При этом долгое время считалось, что «реакция американской общественности на международные события “не имеет глубины и структуры”» [12, p. 544].

Исследования, проведенные в XXI в., выявили более сложную картину, на основании которой можно сделать вывод о том, что во многих случаях модель взаимодействия элит и общественности в отношении внешнеполитических проблем строится по принципу «снизу – вверх». Результаты многих социологических замеров показали, что общественность «возможно, более устойчива к манипуляциям элиты с целью воздействовать на ее мнение, вопреки мнению многих исследователей, постулирующих определяющую роль элит в этом вопросе [12, p. 556].

Исследование реакции американского общественного мнения на введение американских санкций после начала Россией специальной военной операции (СВО) на Украине показало, что оно оказалось достаточно автономно в этом вопросе, в котором не последнюю роль сыграли историческое наследие времен холодной войны, инерция восприятия России как недружественного государства. В этом случае американские исследователи пришли к твердому выводу, что по вопросам, вызывающим широкий общественный резонанс, какими, в частности, стали военные действия на Украине, «общественное мнение действительно в значительной степени поддержало вектор агрессии в политических предпочтениях элиты, и что архитекторы внешней

политики в исполнительной ветви власти США чутко среагировали на настроения общественного мнения» в сторону максимального расширения военной и экономической помощи Украине и проведения жесткой санкционной политики в отношении России [16, p. 19].

Все эти обстоятельства исключают возможность конструктивного диалога на средне- / долгосрочной временной и комплексной основе с американскими политическими элитами, ограничивая возможность взаимодействия только на основе краткосрочных точечных межгосударственных российско-американских договоренностей.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения в 4-х томах [Sochineniya v chetireh tomah]. Т. 4. М.: Изд-во «Мысль», 1983. 830 с.
2. Alba R., Moore G. Ethnicity in the American Elite // American Sociological Review. June 1982. P. 373–383. <https://doi.org/10.2307/2094993>.
3. Bubert M., Drews W. and Krischer A. Conspiracy theories as criticism of elites: on the long history of a current phenomenon // Religion and Politics. University of Münster. 2024. Available at: https://www.uni-muenster.de/Religion-und-Politik/en/aktuelles/schwerpunkte/epidemien/06_thema_verschwoerung.shtml.
4. Campati A. Elite and Liberal Democracy: A New Equilibrium? // Topoi. An International Review of Philosophy. February 2022. P. 15–22. <https://doi.org/10.1007/s11245-021-09762-1>.
5. Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971. 257 pp.
6. Delican M. Elite Theories of Pareto, Mosca and Michelis // Journal of Social Policy Conferences. February 2012. P. 323–335.
7. Gilens M., Page B. Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens // Perspectives on Politics. September 2014. P. 564–581. Available at: <https://doi.org/10.1017/S1537592714001595>.
8. Hoffmann-Lange U. Methods of Elite Identification. In: Best H., Higley J. (eds.). The Palgrave Handbook of Political Elites. London: Macmillan Publishers Ltd., 2018. P. 79–92. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_8.
9. Hoffmann-Lange U. Methods of Elite Research. In: Dalton R. (ed.), Klingemann H.-D. (ed.). The Oxford Handbook of Political Behavior. New York: Oxford University Press, 2007. P. 910–927. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.001.0001>.
10. Kaufmann E. The Decline of WASP in the United States and Canada. In Kaufmann E. (ed.). Rethinking Ethnicity Majority Groups and Dominant Minorities. London and New York: Routledge, 2004. P. 61–83. <https://doi.org/10.4324/9780203563397>.
11. Kertzer J., Renshon J. Experiments and Surveys on Political Elites // Annual Review of Political Science. May 2022. P. 529–550. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051120-013649>.
12. Kertzer J., Zeitzoff Th. A Bottom-Up Theory of Public Opinion about Foreign Policy // American Journal of Political Science. July 2017. P. 543–558. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26379509>.
13. Mizruchi M., Hyman M. Elite fragmentation and the decline of the United States. In: Lachman R., Go J. (eds.). The United States in Decline. Emerald Group Publishing Limited, 2014. P. 147–194. [https://doi.org/10.1108/S0198-8719\(2014\)0000026006](https://doi.org/10.1108/S0198-8719(2014)0000026006).
14. NBER. Dal Bo E. et.al. Who Becomes A Politician? // Working Paper 23120. February 2017. 21 p. <https://doi.org/10.3386/w23120>. Available at: <http://www.nber.org/papers/23120>.
15. Obasogie O. (ed.). Trumpism and its Discontents. Berkeley: Berkeley Public Policy Press, 2020. 237 p.
16. Peez A., Bethke F. Does Public Opinion on Foreign Policy Affect Elite Preferences? // Evidence from the 2022 US Sanctions against Russia. December 4, 2023. 33 p. <https://doi.org/10.31235/osf.io/qzrj2>.
17. Pérez E. et.al. The Politics in White Identity: Testing a Racialized Partisan Hypothesis // Political Psychology. August 2022. P. 693–714. <https://doi.org/10.1111/pops.12788>.
18. Rorabaugh W. Challenging Authority, Seeking Community, and Empowerment in the New Left, Black Power, and Feminism // Journal of Political History. January 1996. P. 106–143.

19. Semenova E. Research Methods for Studying Elites. In: Best H., Higley J. (eds.). The Palgrave Handbook of Political Elites. London: Macmillan Publishers Ltd., 2018. P. 71–77. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_7.
20. Washburn T. Polarization and the Political Elite // National Affairs, Fall 2022. Available at: <https://www.nationalaffairs.com/publications/detail/polarization-and-the-political-elite>.
21. Winters J., Page B. Oligarchy in the United States? // Perspectives on Politics. December 2009. P. 731–751. Available at: <https://www.istor.org/stable.40407076>.

Информация об авторе

ТРАВКИНА Наталья Михайловна. Доктор политических наук. Главный научный сотрудник Института Соединенных Штатов Америки и Канады имени академика Г.А.Арбатова Российской академии наук. <https://orcid.org/0000-0001-8215-2101>. Адрес: Российская Федерация, 121069, г. Москва, Хлебный пер., 2/3. y17andex.ru@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 20 сентября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 22 октября 2024 г. Принята к публикации: 30 ноября 2024 г. Опубликовано: 4 декабря 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Aristotel. Works in 4 volumes. Vol. 4. Moscow; Misl' Publising House, 1983:830 [In Russian].
2. Alba R., Moore G. Ethnicity in the American Elite. American Sociological Review. June 1982:373–383 [In English]. <https://doi.org/10.2307/2094993>.
3. Bubert M., Drews W. and Krischer A. Conspiracy theories as criticism of elites: on the long history of a current phenomenon. Religion and Politics. University of Münster. 2024 [In English]. Available at: https://www.uni-muenster.de/Religion-und-Politik/en/aktuelles/schwerpunkte/epidemien/06_thema_verschwoerung.shtml.
4. Campati A. Elite and Liberal Democracy: A New Equilibrium? Topoi. An International Review of Philosophy. February 2022:15–22 [In English]. <https://doi.org/10.1007/s11245-021-09762-1>.
5. Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971:257 [In English].
6. Delican M. Elite Theories of Pareto, Mosca and Michelis. Journal of Social Policy Conferences. February 2012:323–335 [In English].
7. Gilens M., Page B. Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens. Perspectives on Politics. September 2014:564–581 [In English]. <https://doi.org/10.1017/S1537592714001595>.
8. Hoffmann-Lange U. Methods of Elite Identification. In: Best H., Higley J. (eds.). The Palgrave Handbook of Political Elites. London: Macmillan Publishers Ltd., 2018:79–92 [In English]. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_8.

9. Hoffmann-Lange U. Methods of Elite Research. In: Dalton R. (ed.), Klingemann H.-D. (ed.). The Oxford Handbook of Political Behavior. New York: Oxford University Press, 2007:910–927 [In English]. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.001.0001>.
10. Kaufmann E. The Decline of WASP in the United States and Canada. In Kaufmann E. (ed.). Rethinking Ethnicity Majority Groups and Dominant Minorities. London and New York: Routledge, 2004:61–83 [In English]. <https://doi.org/10.4324/9780203563397>.
11. Kertzer J., Renshon J. Experiments and Surveys on Political Elites. Annual Review of Political Science. May 2022:529–550 [In English]. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051120-013649>.
12. Kertzer J., Zeitzoff Th. A Bottom-Up Theory of Public Opinion about Foreign Policy. American Journal of Political Science. July 2017:543–558 [In English]. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26379509>.
13. Mizruchi M., Hyman M. Elite fragmentation and the decline of the United States. In: Lachman R., Go J. (eds.). The United States in Decline. Emerald Group Publishing Limited, 2014:147–194 [In English]. [https://doi.org/10.1108/S0198-8719\(2014\)0000026006](https://doi.org/10.1108/S0198-8719(2014)0000026006).
14. NBER. Dal Bo E. et.al. Who Becomes A Politician? Working Paper 23120. February 2017:21 [In English]. <https://doi.org/10.3386/w23120>. Available at: <http://www.nber.org/papers/23120>.
15. Obasogie O. (ed.). Trumpism and its Discontents. Berkeley: Berkeley Public Policy Press, 2020:237 [In English].
16. Peez A., Bethke F. Does Public Opinion on Foreign Policy Affect Elite Preferences? Evidence from the 2022 US Sanctions against Russia. December 4, 2023:33 [In English]. <https://doi.org/10.31235/osf.io/qzrj2>.
17. Pérez E. et.al. The Politics in White Identity: Testing a Racialized Partisan Hypothesis. Political Psychology. August 2022:693–714 [In English]. <https://doi.org/10.1111/pops.12788>.
18. Rorabaugh W. Challenging Authority, Seeking Community, and Empowerment in the New Left, Black Power, and Feminism. Journal of Political History. January 1996:106–143 [In English].
19. Semenova E. Research Methods for Studying Elites. In: Best H., Higley J. (eds.). The Palgrave Handbook of Political Elites. London: Macmillan Publishers Ltd., 2018:71–77 [In English]. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_7.
20. Washburn T. Polarization and the Political Elite. National Affairs, Fall 2022 [In English]. Available at: <https://www.nationalaffairs.com/publications/detail/polarization-and-the-political-elite>.
21. Winters J., Page B. Oligarchy in the United States? Perspectives on Politics. December 2009:731–751 [In English]. Available at: <https://www.istor.org/stable.40407076>.

About the author

Natalya M. TRAVKINA. DSc. (Polit.). Chief Researcher at the Institute of the United States of America and Canada named after Academician G.A.Arbatov of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0001-8215-2101>. Address: 2/3, Khlebny Lane, Moscow, 121069, Russian Federation. y17andex.ru@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: September 20, 2024. Approved after review: October 22, 2024. Accepted for publication: November 30, 2024. Published: December 4, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

Политические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-63-85](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-63-85)

Трансмедийное вовлечение: фрейм-анализ цифровой дипломатии США в России при помощи искусственного интеллекта

Мария Михайловна Базлуцкая^{1a}✉,
Анна Николаевна Сытник^{2b}✉

¹Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^am.bazlutskaia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7118-8632>

^ba.sytnik@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6853-6253>

Аннотация. В условиях глубочайшего геополитического кризиса цифровая дипломатия претерпевает изменения. Если во время пандемии COVID-19 внутренние вызовы привели к появлению гибридной, или смешанной, дипломатии, то сегодня этот феномен пытается пережить внешнюю фрагментацию Интернета и деплатформинг. Эти факторы влияют на изменение роли министерств иностранных дел, которые из исключительно первичного источника информации превращаются в трансмедийные холдинги. Авторы утверждают, что цифровая дипломатия США в России может служить примером такой эволюции. С помощью теории трансмедийного вовлечения авторы показывают, что цифровая дипломатия США зависит не только от работы Государственного департамента или Агентства по глобальным медиа, но получает более широкий охват благодаря распространению

сообщений сетью медиаисточников, которые придерживаются аналогичных с этими ведомствами фреймов. Иллюстрируется это с помощью фрейм-анализа почти 6 000 публикаций из социальной сети X¹, размещенных на официальных аккаунтах американской цифровой дипломатии и организаций, признаваемых США в качестве российских «независимых СМИ». Анализ охватывает четыре крупнейших кризиса в отношениях между Россией и США, приходящихся на 2011, 2012, 2014 и 2022 гг., и проводится с помощью таких инструментов, как ChatGPT, Gephi и Voyant Tools. Статья восполняет пробел в исследовании цифровой дипломатии США в России и делает качественный прорыв в изучении текстовых фреймов с помощью технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, социальные сети, США, Россия, искусственный интеллект, ChatGPT, Voyant Tools, Gephi

Для цитирования: Базлутцкая М.М., Сытник А.Н. Трансмедийное вовлечение: фрейм-анализ цифровой дипломатии США в России при помощи искусственного интеллекта // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 63-85, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-63-85](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-63-85)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-63-85](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-63-85)

Transmedia Engagement: AI-Driven Frame Analysis of the U.S. Digital Diplomacy in Russia

Mariia M. Bazlutckaia^{1a}✉, Anna N. Sytnik^{2b}✉¹ MGIMO University, Moscow, Russia² Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia^a m.bazlutskaia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7118-8632>^b a.sytnik@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6853-6253>

Abstract. In the context of the deepest geopolitical crisis, digital diplomacy is undergoing changes. If during the COVID-19 pandemic, internal challenges led to the emergence of hybrid or mixed diplomacy, today this phenomenon is trying to survive the external fragmentation of the Internet and de-platforming. These factors influence the changing role of foreign ministries, which are turning from an exclusively primary source of information into transmedia holdings. The authors argue that US digital diplomacy in Russia can serve as an example of such an evolution. Using the theory of transmedia engagement, the authors show that US digital diplomacy depends not only on the work of the State Department or the Agency for Global Media, but receives a wider reach due to the dissemination of messages by a network of media sources that adhere to similar frames as these departments. The authors illustrate this through a frame analysis of nearly 6,000 publications from the social

network X², posted on official accounts of American digital diplomacy and organizations recognized by the United States as Russian “independent” media. The analysis covers the four major crises in US-Russia relations, occurring in 2011, 2012, 2014, and 2022, and is conducted using tools such as ChatGPT, Gephi, and Voyant Tools. The article fills a gap in the study of US digital diplomacy in Russia and makes a qualitative breakthrough in the study of text frames using artificial intelligence technologies.

Keywords: digital diplomacy, social media, USA, Russia, artificial intelligence, ChatGPT, Voyant Tools, Gephi

For citation: Bazlutckaia M.M., Sytnik A.N. Transmedia Engagement: AI-Driven Frame Analysis of the U.S. Digital Diplomacy in Russia. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 4(14): 63-85, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-63-85](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-63-85)

Введение

Ни для кого не секрет, что министерства иностранных дел (МИД) обращаются к глобальной аудитории для достижения своих политических целей с помощью новых технологий. На рубеже тысячелетий это явление получило название «цифровая дипломатия» [13].

Одна из тенденций развития феномена касается диффузии власти от государственных к негосударственным акторам. Даже если государство и аффилированные с ним структуры считаются «законодателями мод» в управлении цифровой дипломатией [7], существуют международные организации [10], неправительственные организации и даже отдельные лица, которые используют те же цифровые практики для защиты собственных или глобальных целей [24, с. 298].

Еще в 2008 г. профессор Университета Южной Калифорнии Н.Дж.Калл в своей таксономии отнес международное вещание к публичной дипломатии. Он отметил тенденцию, которая усилилась в последующие годы под влиянием новых технологий и политической фрагментации [12]. Дж.Паммент из Лундского университета поддержал эту идею, заявив, что дипломатия сегодня превратилась в настоящую медиаиндустрию [25]. Развивая мысль в том же направлении, К.Бьола из Оксфордского университета говорит о «цифровых дипломатических системах», или «сети сетей», которые представляют собой современную структуру дипломатической онлайн-практики³. Скорость распространения информации в сети и способ ее подачи способствуют тому, что МИДы перенимают опыт и тактику СМИ и становятся новыми медиаакторами [21].

¹ * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением ложной и недостоверной общественно значимой информации, 18+.

² * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением ложной и недостоверной общественно значимой информации, 18+.

³ Bjola C. Digital diplomacy: From tactics to strategy. The Berlin Journal. 2018; Vol. 32. URL: <https://www.americanacademy.de/digital-diplomacy-tactics-strategy/>.

Х.Ордэн и Дж.Паммент проводят различие между иностранными и внутренними операциями влияния с помощью цифровых технологий, осуществляемыми государствами, гражданами и прокси-организациями⁴. Последние служат иностранным интересам, и их деятельность на внутренней территории может рассматриваться как вмешательство или даже угроза суверенитету.

Учитывая тенденцию на рассеивание влияния с помощью прокси, стоит проследить, может ли цифровая дипломатия государства за рубежом извлечь из этого выгоду. В качестве анализируемого кейса выступает цифровая дипломатия США в России на платформе X⁵ в ходе крупнейших кризисов двусторонних отношений между странами. Причина такого выбора кроется в конкурентном характере российско-американского взаимодействия в информационной сфере, который в Концепции внешней политики Российской Федерации определен как «гибридная война нового типа»⁶. Кроме того, крупнейшие американские социальные сети были заблокированы в России за распространение нелегального контента, что вынуждает США адаптироваться к медиасреде, которой они не могут напрямую управлять.

Материалы и методы исследования

Цифровая дипломатия США в России

Несмотря на довольно активное исследование феномена цифровой дипломатии, комплексному изучению цифровой дипломатии США в России уделяется мало внимания, в первую очередь в западной научной школе. Отдельные российские работы изучают стратегии США в информационном пространстве [7] или пытаются оценить эффективность цифровой дипломатии с помощью метрик вовлеченности [4]. Одни из последних статей посвящены онлайн-играм цифровой дипломатии США, ориентированным на развитие «медиаграмотности» граждан постсоветского пространства [2]. Цифровая активность США также рассматривается через призму НАТО [1] и международной информационной безопасности [6]. Существуют зарубежные сравнительные исследования цифровой дипломатии США и России на краткосрочном отрезке времени [23]. Однако в литературе отсутствует комплексный анализ эволюции дискурса США в России и его распространения в российском информационном пространстве. Наша работа призвана восполнить данный пробел.

4 Ördén H., Pamment J. What Is So Foreign About Foreign Influence Operations? Carnegie Endowment for International Peace, 2021. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/01/26/what-is-so-foreign-about-foreign-influence-operations-pub-83706>.

5 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением ложной и недостоверной общественно значимой информации, 18+.

6 Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>.

Эволюция цифровой дипломатии тесно связана с двумя ключевыми факторами: технологическим развитием и стратегией внешней политики государства. С точки зрения технологий, как только новые коммуникационные инструменты становятся доступны для дипломатов, наступает стадия «адаптации» [9]. На этом этапе цифровое решение подстраивается под существующую дипломатическую практику. За фазой адаптации следует «внедрение», в ходе которого дипломатия трансформируется за счет применения технологии, а государство формирует стратегическое видение дальнейшего использования последней.

Для лучшего понимания адаптации цифровой дипломатии США к информационному пространству России рассмотрим ее развитие с 2009 г., когда администрация Барака Обамы внедрила концепцию «Государственного управления XXI века». Этот подход дал старт так называемой «Твипломатии» (англ. Twiplomacy) [20] – Госдепартамент США и Агентство США по глобальным медиа зарегистрировали первые аккаунты на русском языке в X⁷. Следует отметить, что Россия не была приоритетом в цифровой дипломатии США вплоть до украинского кризиса 2014 г., когда «российская пропаганда» была впервые определена как угроза в американских официальных документах⁸. В результате государственные каналы ино- вещания США сыграли ключевую роль в реализации новых политик.

Рост влияния российских СМИ за рубежом в 2016–2017 гг. [26] стал поворотным моментом, когда цифровая публичная дипломатия США превратилась в инструмент открытого дискурсивного противостояния и сдерживания и получила дополнительное финансирование (таблица 1). Центр глобального взаимодействия (англ. Global Engagement Center, GEC) – структура Государственного департамента США, созданная в 2016 г., – активно включился в работу по противодействию российским нарративам по всему миру, включая саму Россию, бывшие советские республики, Латинскую Америку и Ближний Восток [29].

Эскалация конфликта на Украине в 2022 г. привела к дальнейшей эволюции цифровой дипломатии США в инструмент информационной войны против России. Западные журналисты, включая сотрудников Агентства США по глобальным медиа, стали активными участниками этой борьбы⁹.

7 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением ложной и недостоверной общественно значимой информации, 18+.

8 U.S. Department of State. 2014. 2014 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. URL: <https://www.state.gov/2014-comprehensive-annual-report-on-public-diplomacy-and-international-broadcasting/>.

9 Seib P. Why Russia Is Losing the Information War: Comment. USC Center on Public Diplomacy, 2022. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/why-russia-losing-information-war> [In English].

Таблица 1. Расходы США на публичную дипломатию (в млн долл. США)
Table 1. U.S. public diplomacy spending (in millions \$)

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Средства, выделенные на Россию	4,86	4,93	4,72	9,74	14,48	11,23	11,85	11,41	11,73	11,49
Место России в общих расходах на публичную дипломатию США	10	11	21	5	3	4	5	5	4	4
Место России в расходах на публичную дипломатию США в Европе	2	2	2	1	1	1	2	2	2	2

Источник: составлено авторами на основе данных U.S. Comprehensive Annual Reports on Public Diplomacy and International Broadcasting 2014–2023 [Всеобъемлющие ежегодные отчеты США по общественной дипломатии и международному вещанию 2014–2023 гг.]¹⁰
Source: created by the authors on the U.S. Comprehensive Annual Reports on Public Diplomacy and International Broadcasting 2014–2023¹¹

Гипотеза и исследовательский вопрос

Согласно видению Дж.Паммента, дипломатия и медиа представляют две стороны одной медали и посредством трансмедийного вовлечения воздействуют на свою целевую аудиторию [25]. При этом, несмотря на то, что достаточное количество работ уделяет внимание теории трансмедийного повествования [17], научное сообщество едва касалось исследования каналов цифровой дипломатии как ключевых узлов или даже центров сети установления повестки дня. На примере цифровой дипломатии США в России авторы развивают идею о том, что министерства иностранных дел в рамках цифровой дипломатии выступают в качестве менеджеров гибридных сетей и все чаще применяют власть не напрямую, а задействуют коллективные инструменты влияния.

Учитывая значение, которое США придают постсоветскому пространству, в первую очередь России, авторы выдвигают следующую гипотезу: США распространяют свое влияние в социальных сетях и используют последнее для вмешательства во внутренние дела стран не только с помощью официальных каналов цифровой дипломатии, но активно задействуют внешние средства массовой информации, которые признаются США в качестве «независимых» и способствуют распространению американских нарративов и фреймов.

По причине того, что подобные медиаресурсы часто не раскрывают свои источники финансирования, невозможно установить прямую взаимосвязь между ними и цифровой дипломатией США. Поэтому для проверки гипотезы авторы обратились к

10 U.S. Department of State 2014–2023. URL: <https://state.gov/>.
11 Там же.

теории фрейминга [16]. С помощью сравнительного фрейм-анализа [18] авторы сопоставляют продвигаемое представление о реальности и происходящих событиях на страницах официальных аккаунтов цифровой дипломатии США и так называемых «независимых СМИ». После этого делаются выводы о возможных взаимосвязях этих категорий информационных ресурсов.

Исследовательский вопрос работы: в чем заключаются сходства фрейминга официальных каналов цифровой дипломатии США и источников, признаваемых Соединенными Штатами в качестве «независимых»?

Фрейминг и фрейм-анализ

Авторы придерживаются классического определения фрейминга, данного американским ученым Р.Энтманом: «выделение отдельных аспектов реальности и акцентирование их в коммуникативном тексте таким образом, чтобы способствовать определению конкретной проблемы, причинной интерпретации, моральной оценке и/или рекомендации по ее решению» [14, с. 52]. Фрейминг можно обнаружить в метафорах, крылатых выражениях, визуальных образах и моральных призывах [15]. Он также зависит от контекста, содержимого сообщения, положения самого фрейма и целей коммуникатора [8].

В научной литературе нет единого устоявшегося подхода к идентификации фреймов, их отбору и определению распространенности. И все же подходы к фрейм-анализу можно разделить на три большие группы.

Во-первых, это ручное кодирование, при котором ученым необходимо предварительно ранжировать набор данных [28]. С целью снизить предвзятость в этой категории методов исследователи прибегают к инструментам, позволяющим определить согласованность кодировщиков (процент совпадения результатов анализа между разными участниками эксперимента) [19; 27]. Во-вторых, это компьютерный фрейм-анализ, выполненный в автоматическом режиме. Такие методы полезны, когда исследователи работают с большими массивами данных, которые сложно обрабатывать и кодировать вручную [8]. Наконец, с целью уменьшить количество ограничений ученые могут прибегнуть к использованию смешанных методов, которые позволяют сохранить преимущества и избежать ключевых недостатков обоих вышеперечисленных типов анализа. Один из них – это машинное обучение под наблюдением. Здесь набор данных кодируется вручную заранее, а алгоритм обучается, прежде чем программа обработает запрос. На сегодняшний день это наиболее востребованная группа методов из-за увеличивающихся объемов цифрового контента, способная снизить риск ошибок и статистической погрешности из-за ограниченных выборок [11]. Несмотря на важность сочетания качественных методик при ручном кодировании и количественных методов [5], существенное и главное ограничение последнего подхода – это владение языками программирования.

К сожалению, известные авторам данной статьи методы не ответили на запрос по а) снижению предвзятости человеческого фактора и б) выявлению фреймов на

русском языке в автоматизированном режиме под наблюдением исследователей. В результате в статье предлагается методика выделения фреймов с помощью технологий искусственного интеллекта (ИИ).

Материалы исследования содержат упоминания запрещенных и ограниченных в Российской Федерации каналов распространения информации. Упоминание осуществляется исключительно в научных целях и не направлено на поддержку экстремистских или других незаконных действий.

Выборка

Для проведения фрейм-анализа и выявления взаимосвязей цифровой дипломатии США в России со сторонними акторами авторы сформировали выборку аккаунтов из социальной сети X^{*12}. Несмотря на то, что платформа заблокирована в России, она была основной площадкой, используемой каналами цифровой дипломатии США на русском начиная с 2009 г. по 2022 г., и на ней сохранилось наибольшее количество информации для формирования полноценного массива данных.

В первую группу исследуемых аккаунтов вошли официальные аккаунты государственных органов США на русском языке (таблица 2)¹³. Далее мы будем называть эту группу «официальные каналы»¹⁴.

Во вторую группу вошли аккаунты средств массовой информации. Чтобы стать объектом исследования, канал СМИ должен был соответствовать пяти критериям:

- а) признан США в качестве «независимого» на официальном уровне¹⁵;
- б) на русском языке;
- в) о политике;
- г) о России;
- д) страницы цифровой дипломатии США подписаны на канал¹⁶.

12 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

13 Аккаунт американской программы «Rewards for Justice» на русском языке (@RFJ_Russian) был исключен из нашего анализа, так как он занимается в основном личными данными преступников, объявленных в розыск в США, и не предоставляет информацию о политических событиях. Русскоязычный аккаунт НАТО (@NATOPoRusski), напротив, рассматривался как продолжение цифровой дипломатии США (поскольку Соединенные Штаты являются основной страной-донором Организации Североатлантического договора) и был включен в анализ.

14 Четыре из 10 официальных каналов – @usconsulvlad, @USinStPete, @usconsulyekat, @USEmbRuPress – прекратили свою деятельность на дату начала анализа в марте 2023 г. на фоне закрытия консульских учреждений США в России и сокращения персонала в посольстве США в Москве.

15 U.S. Department of State. Joint Statement on Media Freedom Coalition on Media Freedom in Russia. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-media-freedom-coalition-on-media-freedom-in-russia/>; U.S. Department of State. Human Rights Report. Custom Report 7ced9382ac. URL: <https://www.state.gov/report/custom/7ced9382ac/>.

16 За основу были взяты подписки двух крупнейших официальных каналов цифровой дипломатии США @usembbru и @USApoRusski.

Таблица 2. Официальные каналы цифровой дипломатии США в России в X^{*17}.
Отсортировано по дате создания
Table 2. Official X^{*18} Accounts of the U.S. Digital Diplomacy in Russia. Sorted according to creation date

№	Канал в X	Идентификатор	Дата создания (мм.гггг)
1	«Голос Америки» ^{*19}	@GolosAmeriki	01.2009
2	Посольство США в Москве	@usembbru	02.2009
3	«Радио Свобода» ^{**20}	@SvobodaRadio	06.2009
4	Консульство США в Екатеринбурге	@usconsulyekat	02.2010
5	Канал Государственного департамента на русском языке («США по-русски»)	@USApoRusski	02.2011
6	Консульство США во Владивостоке	@usconsvlad	01.2013
7	Консульство США в Санкт-Петербурге	@USinStPete	05.2013
8	«НАТО по-русски»	@NATOPoRusski	08.2014
9	«Настоящее время» ^{***21}	@CurrentTimeTv	09.2014
10	Пресс-центр посольства США	@USEmbRuPress	09.2016

Источник: составлено авторами на основе данных сайта x.com^{*22}
Source: compiled by the authors on site data x.com^{*23}

С целью уравнивать количество выбранных СМИ и официальных каналов авторы выделили десять таких аккаунтов (таблица 3). Далее мы будем называть эту группу «независимые СМИ».

17 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

18 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

19 * Внесен в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента, 18+.

20 ** Внесен в перечень нежелательных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации на основании решения Министерства юстиции № 212-р от 20.02.2024, и в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента, 18+.

21 *** Внесен в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента; входит в медиагруппу «Радио Свобода», внесенную в перечень организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации, 18+.

22 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

23 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

Таблица 3. Аккаунты средств массовой информации, признаваемых США в качестве «независимых» в X^{*24}. Отсортировано по дате создания
Table 3. Accounts of Russian media recognized by the United States as “independent” in X^{*25}. Sorted according to creation date

№	Канал в X	Идентификатор	Дата создания (мм.гггг)
1	«Эхо Москвы» ^{**26}	@echofm_online	06.2009
2	«Дождь ТВ» ^{*27}	@tvrain	04.2010
3	«Новая Газета» ^{**28}	@novaya_gazeta	08.2010
4	«The New Times» ^{**29}	@the_newtimes	08.2011
5	«ОВД-Инфо» ^{*30}	@OvdInfo	12.2011
6	«Ч.Т.Д.» (бывший «МБХ Медиа») ^{**31}	@Chtede	08.2014
7	«Медиазона» ^{*32}	@mediazzzona	08.2014
8	«Медуза – LIVE» ^{*33}	@Meduzaproject	09.2014
9	«Проект Медиа» ^{***34}	@wwwproektmedia	06.2018
10	«Журнал “DOXA”» ^{***35}	@doxa_journal	09.2018

Источник: составлено авторами на основе данных сайта x.com^{*36}
Source: compiled by the authors on site data x.com^{*37}

24 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

25 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

26 ** Информационный ресурс «Эхо Москвы» внесен в реестр запрещенной информации и заблокирован на территории Российской Федерации, 18+.

27 * ООО «Телеканал Дождь» внесен в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента, 18+.

28 ** Информационный ресурс «Новая Газета» внесен в реестр запрещенной информации и заблокирован на территории Российской Федерации, 18+.

29 ** Информационный ресурс «The New Times» внесен в реестр запрещенной информации и заблокирован на территории Российской Федерации, 18+.

30 * Медиапроект «ОВД-Инфо» внесен в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента, 18+.

31 ** Информационный ресурс «МБХ Медиа» внесен в реестр запрещенной информации и заблокирован на территории Российской Федерации, 18+.

32 * Информационный ресурс «Медиазона» внесен в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента, 18+.

33 * Юридическое лицо, зарегистрированное в Латвийской Республике, SIA «Medusa Project» внесено в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента, 18+.

34 *** Информационный ресурс «Project Media, Inc.» («Проект Медиа») внесен в перечень организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации на основании решения Министерства Юстиции № 799-р от 23.07.2021, 18+.

35 *** Информационный ресурс «Mnenie media z.s.» («DOXA») внесен в перечень организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации на основании решения Министерства Юстиции № 157-р от 08.02.2024, 18+.

36 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

37 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

Ограничения

В выборку не вошли страницы лидеров общественного мнения. Отдельные каналы из выборки в своих твитах дали лишь ссылки на статьи, удалили большинство публикаций или полностью скрыли свою активность от публики до начала анализа. Это могло существенно повлиять на набор собранных данных и, следовательно, отразиться на выводах.

Авторы также признают, что возможности ИИ не безграничны. Результаты представленного анализа не могут считаться истиной в последней инстанции из-за возможной предвзятости в обучении больших лингвистических моделей, в частности, американской компанией «OpenAI». Тем не менее, по мнению авторов, ChatGPT 3.5 выступил оптимальным инструментом для кодировки, показав точность в определении фреймов на русском языке. В дальнейшем стоит учитывать, что даже новейшие версии моделей генеративного ИИ все еще страдают от проблем с галлюцинациями, что может влиять на интерпретацию фреймов [3]. Этот вызов требует дополнительных сравнительных исследований по определению фреймов с помощью ИИ.

Фрейм-анализ с помощью ChatGPT

Ориентируясь на работу И.Манора и Р.Крилли [22] при определении периода анализа, авторы выделили четыре ключевых кризиса в отношениях США и России, которые повлияли на двустороннее сотрудничество стран:

- 1) протесты на Болотной площади в Москве в декабре 2011 г.;
- 2) «Марш миллионов» в мае 2012 г.;
- 3) крымский кризис 2014 г.;
- 4) эскалация украинского конфликта в феврале 2022 г.

Такой шаг был предпринят для сокращения общего числа анализируемых публикаций.

Первый и второй кризисы связаны с массовыми политическими протестами в России после парламентских и последующих президентских выборов. Несмотря на кажущуюся внутривнутриполитическую составляющую, эти события отразились на российско-американских отношениях. В 2011 г. занимающая место госсекретаря Х.Клинтон назвала парламентские выборы в России «несвободными и нечестными»³⁸. Занимавший в то время пост премьер-министра Российской Федерации В.Путин обвинил ее в разжигании протестов³⁹. Важными фактами для данного исследования следует считать то, что уже через два с половиной месяца после «Марша миллионов» в 2012 г. в России появился Закон об иностранных

38 Mohammed A., Adomaitis N.A. US suggests Russian elections neither free nor fair. URL: <https://www.reuters.com/article/russia-election-usa-idINDEE7B506A20111206>.

39 Gutterman S., Bryanski G. Putin says US stoked Russian protests. URL: <https://www.reuters.com/article/uk-russia/putin-says-u-s-stoked-russian-protests-idUKTRE7B70H720111208/>.

Таблица 4. Крупнейшие кризисы в российско-американских отношениях с 2009 по 2023 г. и неизменяемые формы или сокращения наиболее используемых слов в твитах
Table 4. Major crises in the U.S. – Russia relations 2009–2023. Stems of the most often used keywords

Кризис	Период	Неизменяемые формы ключевых слов или используемые в публикациях сокращения
Массовые протесты после выборов в Госдуму	04.12.2011 – 10.12.2011	мск, москв, выбор, 10дек, 6дек, акц, протест, сша, митинг, болотн, площад, оппозиц, госдум, росси, наблюдад, парт, голос, нарушен, фальсификац, махинац, избират
«Марш миллионов»	06.05.2012 – 12.05.2012	сша, путин, марш, миллион, бмая, москв, инагурац, массов, росси, задержан, демонстрац
Крымский кризис	18.03.2014 – 24.03.2014	сша, украин, росси, русс, обсе, крым, сева-стоп, президент, обам, путин, санкц, язык
Эскалация украинского конфликта	24.02.2022 – 02.03.2022	украин, росси, войн, человек, военн, прези-дент, путин, зеленск, киев, санкц

Источник: создано авторами
Source: compiled by the authors

агентах⁴⁰ и были закрыты все программы Агентства США по международному развитию (англ. United States Agency for International Development, USAID)⁴¹.

Третий и четвертый кризисы 2014 и 2022 гг. не менее релевантны, так как они служат наглядным примером построения альтернативных реальностей разными странами, в данном случае Россией и США, посредством создания метанарративов и фрейминга.

Для сбора и анализа данных авторы обратились к X Advanced Search⁴² и использовали компьютерную программу, написанную на языке программирования Python с использованием Selenium⁴³. С помощью этой программы были выгруже-

40 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: Федеральный закон РФ от 20.07.2012 г. № 121-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35748>.

41 Reuters. USAID mission in Russia to close following Moscow decision. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSL1E8KICFT/>.

42 X Advanced Search – это открытый и общедоступный источник информации о ранее опубликованных твитах.

43 Selenium – это зонтичный проект с открытым исходным кодом для целого ряда инструментов и библиотек, направленных на поддержку автоматизации браузеров и необработанных запросов.

ны публикации, посвященные четырем выбранным кризисам. Количество твитов было ограничено днем возникновения кризиса и неделей после него. Отрезок времени в семь дней связан с необходимостью проследить устойчивость фрейминга.

Опасаясь получить слишком много твитов, авторы извлекли ключевые слова из публикаций официальных аккаунтов с помощью Python и выбрали те, которые соответствовали вышеупомянутым кризисам (таблица 4). Затем мы применили ключевые слова для парсинга только релевантных сообщений. В результате была получена выборка данных, состоящая из 5 872 твитов (3 000 твитов были получены из официальных аккаунтов, а остальные 2 872 – от «независимых СМИ»).

Метод анализа фреймов, представленный в работе, основан на результатах предыдущих исследований, но имеет целью создать усовершенствованный способ выявления фреймов. Чтобы снизить предвзятость со стороны человека и автоматизировать фрейм-анализ на русском языке, авторы обратились к генеративному ИИ ChatGPT. Авторы с помощью созданных самостоятельно промптов заранее уточнили у ИИ-модели, может ли она проводить фрейм-анализ на русском языке⁴⁴. Программа ответила положительно и предупредила о необходимости предварительной очистки данных. В связи с этим из собранных данных были удалены все ссылки и дополнительная информация, не относящаяся к содержанию публикации. Форма слов не изменялась, специальные символы (например, точки и запятые) не удалялись. Такая очистка данных могла лишь запутать ИИ, который способен считывать смысл текста⁴⁵. Результаты анализа читатель сможет найти по ссылке⁴⁶.

Уже после фрейм-анализа с помощью ChatGPT выделенные конструкции были приведены к инфинитивной форме, а повторы удалены. Всего авторы смогли насчитать 3 374 уникальных фрейма у официальных аккаунтов и 967 фреймов на страницах «независимых СМИ».

44 Для того чтобы убедиться, что ChatGPT 3.5 понимает, что такое фрейм-анализ, модели были заданы дополнительные вопросы. Согласно ответам ChatGPT, ее метод выявления фреймов в коммуникативном тексте основан на работах Э.Гофмана, Р.Энтмана и других авторов и заключается, прежде всего, в изучении базовых предположений, ценностей и точек зрения, заложенных в тексте. Лексические структуры текста, соответствующие этим критериям, определяются ChatGPT, а затем возвращаются пользователю.

45 Если кодировщики не были уверены в правильности ответа, ChatGPT задавался вопрос: «Почему [выделенный фрейм] является фреймом?» Если модель объясняла причины, по которым был выделен фрейм, результат использовался в дальнейшем анализе. Если ИИ не мог объяснить или сообщил об ошибке, указанная фраза исключалась из дальнейшего анализа. К сожалению, версия ChatGPT 3.5 все еще не могла обрабатывать более 4 096 символов за один раз. Чтобы преодолеть это препятствие, авторы разделили набор данных на небольшие части от трех до десяти твитов в зависимости от количества символов и проанализировали их по одному.

46 Результаты анализа. URL: <https://clck.ru/3DG4Sp>.

Результаты исследований

С целью более точной интерпретации и визуализации результатов фрейм-анализа мы взяли неизменяемые формы (основы) слов, наиболее повторяющихся среди всех извлеченных ChatGPT фреймов и оптимально описывающих кризис. В 2011 г. это была основа выбор* (от слова «выборы»), в 2012 г. – марш* (от слова «марш»), в 2014 г. – крым* (от слова «Крым»), в 2022 г. – росси* (от слов «Россия» / «российский» / «россиянин»). Программа Voyant Tools помогла авторам выделить все возможные коллокации в нашем наборе данных, используемые с этими основами, а Gephi – визуализировать совпадения на графике.

В 2011 г. совпадающими частями словосочетаний с основой выбор* на официальных каналах цифровой дипломатии США и в аккаунтах «независимых СМИ» стали: «Россия», «протест», «нарушение», «явка», «фальсификация», «оппозиция», «российский», «нынешний», «результат», «против», «акция» (рисунок 1).

Рисунок 1. Общие коллокации, используемые с основой выбор* («выборы») из выделенных фреймов официальных каналов CIF и «независимых СМИ» в X⁴⁷ в 2011 г.

Figure 1. Common collocations used with the stem vybor* (elections) from the frame-list of official U.S. and 'independent media' accounts on X⁴⁸ in 2011

Источник: составлено авторами
Source: created by the authors

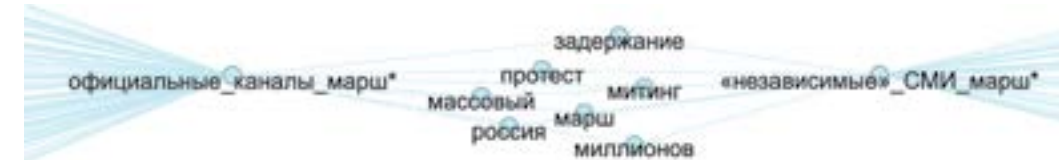
⁴⁷ * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением ложной и недостоверной общественно значимой информации, 18+.

⁴⁸ * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением ложной и недостоверной общественно значимой информации, 18+.

В 2012 г. общие фрейм-конструкции с основой марш* включали такие слова, как: «миллионов», «протест», «массовый», «Россия», «митинг», «задержание» (рисунок 2).

Первые два примера свидетельствуют о том, что в 2011 и 2012 гг. фреймы носили преимущественно описательный характер и не содержали моральных оценок. Скорее всего, их можно было встретить в нарративе любого другого российского СМИ.

Рисунок 2. Общие коллокации, используемые с основой марш* из выделенных фреймов официальных каналов США и «независимых СМИ» в X⁴⁹ в 2012 г.
Figure 2. Common collocations used with the stem marsh* (march) from the frame-list of official U.S. and 'independent media' accounts on X⁵⁰ in 2012

Источник: составлено авторами
Source: created by the authors

В 2014 г. основа крым* встречалась в связке с такими словами, как «освобождение», «присоединение» и «референдум». Несмотря на это, слова «изоляция» и «санкция» также использовались как официальными каналами, так и «независимыми СМИ» в словосочетаниях с крым* (рисунок 3).

В целом в ходе первой недели кризиса конца марта 2014 г. авторы не выявили унифицированного подхода к описанию событий. В первую очередь это касается использования фреймов «аннексия Крыма Россией» и «присоединение Крыма к России». Официальные аккаунты США использовали оба варианта, при этом «независимые СМИ» предпочли второй, применяемый также государственными каналами распространения информации России. Это может свидетельствовать о том, что российский государственный нарратив все еще не воспринимался США и оппозиционными каналами в качестве угрозы.

⁴⁹ Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением ложной и недостоверной общественно значимой информации, 18+.

⁵⁰ Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением ложной и недостоверной общественно значимой информации, 18+.

Рисунок 3. Общие коллокации, используемые с основой крым* из выделенных фреймов официальных каналов США и «независимых СМИ» в X^{*51} в 2014 г.
Figure 3. Common collocations used with the stem krym* (Crimea) from the frame-list of official U.S. and 'independent media' accounts on X^{*52} in 2014

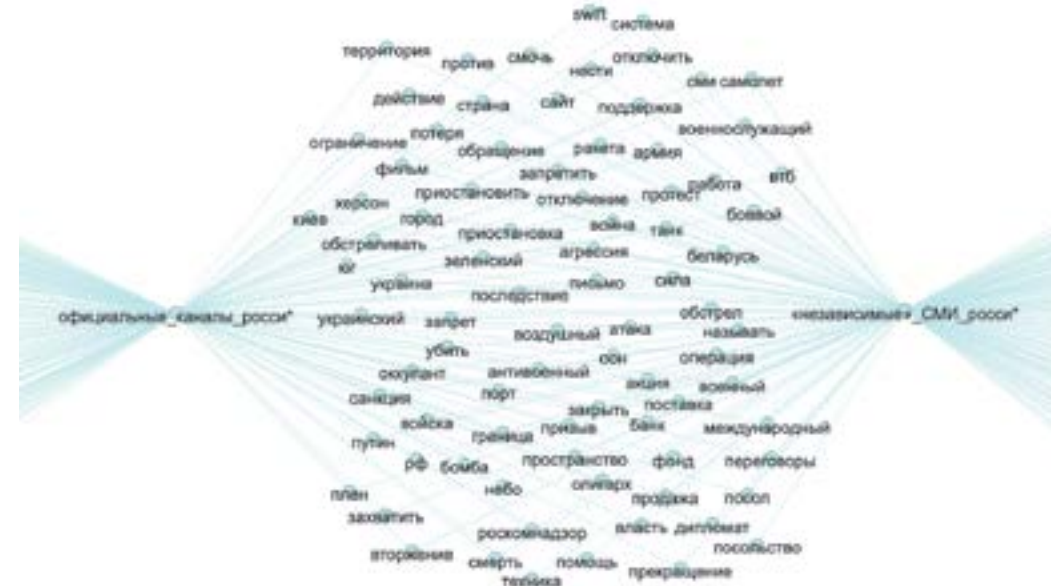

Источник: составлено авторами

Source: created by the authors

Ситуация заметно изменилась в 2022 г. – фрейм-конструкции «независимых СМИ» стали намного ближе к официальным аккаунтам цифровой дипломатии США с точки зрения оценок реальности. Рядом с основой росси* встретились такие коллокации, как: «агрессия», «вторжение», «оккупант», «обстрел», «антивоенный», «смерть», «санкции», «убить», «танк», «войска», «атака» (рисунок 4). В описании кризиса, используемом обеими группами, не было замечено сильных расхождений, которые становятся явными при сравнении с интерпретацией событий на Украине с 2022 г. российскими государственными СМИ.

Рисунок 4. Общие коллокации, используемые с основой росси* из выделенных фреймов официальных каналов США и «независимых СМИ» в X^{*53} в 2022 г.
Figure 4. Common collocations used with the stem росси* (Russia / Russian) from the frame-list of official U.S. and "independent media" accounts on X^{*54} in 2022

Источник: составлено авторами

Source: compiled by the authors

При более близком сравнении числа совпадений (в том числе в процентном соотношении) среди всех словосочетаний с выбранными основами выделяется 2022 г. (таблица 5). В то время как в 2011, 2012 и 2014 гг. процент совпадений не превысил 8%, в рамках кризиса 2022 г. этот показатель удвоился и достиг 16,3%.

51 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

52 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

53 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

54 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

Таблица 5. Количество совпадений среди всех словосочетаний, используемых с выбранными основами
Table 5. The number of matches among all collocations used with the key lemmas analysed

Год	Выбранная основа	Общее число словосочетаний	Число совпадающих словосочетаний у официальных каналов и «независимых СМИ»	Число совпадающих словосочетаний в процентах (%)
2011	выбор*	155	12	≈ 8
2012	марш*	152	7	≈ 5
2014	крым*	513	39	≈ 8
2022	росси*	515	84	16,3

Источник: составлено авторами
Source: compiled by the authors

Обсуждение результатов

Результаты анализа демонстрируют, что с 2011 по 2022 г. риторика выбранной группы каналов СМИ перешла от среднестатистического описания ситуации, которое можно увидеть на любом другом информационном ресурсе, к широкому задействованию ценностных и моральных оценок подобно цифровой дипломатии США. С одной стороны, это может свидетельствовать в пользу частичной привлекательности американской риторики в конкретном сегменте российского информационного пространства, занимаемом оппозиционными каналами. С другой стороны, это может служить в качестве косвенного доказательства связи цифровой дипломатии США с теми же называемыми «независимыми СМИ». Это также демонстрирует общий тренд на повышение градуса эмоций в цифровом дискурсе, который в том числе относится к медийной и дипломатической онлайн-практике. Наконец, подобное размежевание дискурсов все ярче подчеркивает тренд на фрагментацию информационного пространства.

Несмотря на то, что результаты проведенного анализа указывают на совпадение фрейм-конструкций, используемых официальными ресурсами цифровой дипломатии США и выбранной группы СМИ, доподлинная причина такого положения остается неизвестной. Использование одних и тех же фреймов может быть связано как с распространением США своей сетевой власти и проплаченной деятельностью, так и просто с тем, что альтернативная российской американская повестка является «привлекательной» для изучаемых СМИ, либо же иными факторами, не учтенными авторами. Вне зависимости от причины так называемые «независимые СМИ» мультиплицируют повестку США в публичном российском информационном пространстве. Это вынуждает Россию противодействовать недружественным антироссийским нарративам с помощью ограничения доступа к распространяющим их ресурсам. Первые

шаги по сдерживанию вмешательства во внутренние дела со стороны американской дипломатии и ее коммуникационной сети были сделаны еще в 2012 г. Однако пик этой активности пришелся на 2021–2022 гг., когда большинство из тех, кого США признают «независимыми СМИ», получили статус «иностранных агентов» и «нежелательных организаций» в Российской Федерации из-за распространения недостоверной и искаженной информации о происходящих событиях. Выборка так называемых «независимых СМИ» в категории цифровой дипломатии США, изучаемая в данной статье, не стала исключением.

Это подводит черту под усилиями американской цифровой дипломатии, практикуемой с помощью коммуникационных инструментов, в информационном пространстве Российской Федерации. В свою очередь, все нарастающее количество ограничений влечет за собой переход США на новые платформы, например Telegram [4], что ускоряет гибридизацию ее цифровой дипломатии.

Выводы

Информация о расходах США на публичную дипломатию в России и ближайших к ней странах подтверждает, что российское направление – один из приоритетов внешней политики США как в Европе, так и в мире. США продолжают финансировать программы для обхода интернет-блокировок (VPN), создают гранты для средств массовой информации, но в то же время ограничивают распространение альтернативного видения реальности на своей территории с помощью деплатформизации российских источников информации (вытеснения со своих ИТ-платформ).

Данная статья призвана продемонстрировать, что США за период становления и развития своей цифровой дипломатии в России смогли сформировать трансмедийный холдинг, состоящий из официальных аккаунтов государственных ведомств и аккаунтов цифровых СМИ, которые признаются США «независимыми» и распространяют американские фреймы. Стимулом к такой эволюции послужила российско-американская конфронтация за установление повестки дня, обострившаяся в 2014–2016 гг. Анализ раскрывает, что в промежуток между 2011 и 2022 гг. так называемые «независимые СМИ» постепенно и все более явно стали объяснять происходящие в России события с задействованием нарративов, крайне близких и даже идентичных таковым у официальных каналов США. Это вписывается в рамки американских официальных документов, таких как Стратегия национальной безопасности (2022 г.), в которых декларируется поддержка «независимых СМИ» за рубежом и «укрепление целостности медиасреды – основы процветающей демократии»⁵⁵. В результате само определение, используемое США для описания СМИ, придерживающихся их нарративов, в качестве «независимых» становится фреймом для специалистов этой области.

⁵⁵ National Security Strategy October 2022. Pp. 18. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>.

Данная статья – одно из немногих исследований, в которых изучается пространство фреймов [21]. Кроме того, работа вводит новый подход к выделению фрейм-конструкций в тексте, что может помочь ученым снизить уровень предвзятости при условии непредвзятого обучения самой ИИ-модели, расширить список проанализированных кейсов за счет изучения фреймов на языках, отличных от английского, но распознаваемых ИИ, и сократить время исследования.

Список литературы

1. Антюхова Е.А. Основные направления публичной дипломатии НАТО в эпоху глобализации [US Digital Diplomacy as a Segment of NATO Public Diplomacy] // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3(72). С. 21–27.
2. Базлуцкая М.М., Сытник А.Н. Игровое пространство «информационного беспорядка» [Game Space of «Information Disorder»] // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 4. С. 122–136. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-122-136>.
3. Базлуцкая М.М., Сытник А.Н. Рамочный анализ данных на русском языке с помощью ChatGPT [Frame analysis in Russian with ChatGPT] // Медиа в современном мире. 2023. С. 7–8.
4. Базлуцкая М.М., Сытник А.Н., Цветкова Н.А. Вовлеченность аудитории как показатель эффективности цифровой дипломатии [Evaluating Audience Engagement as a Measure of Digital Diplomacy Effectiveness] // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Т. 17. № 4. С. 48–82. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-4-97-48-82>.
5. Бодрунова С.С. Термин «фрейминг» в политической коммуникативистике: рождение и созревание большой идеи в теории медиаэффектов [Framing as a term in political communication studies: How a big idea grew and matured in the media effects theory] // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 4. С. 127–141.
6. Зиновьева Е.С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности [US Digital Diplomacy: Opportunities and Threats to International Security] // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 1. С. 213–228.
7. Цветкова Н.А. Цифровизация публичной дипломатии США [Digitalization of US Public Diplomacy] // Актуальные проблемы мировой политики. Ежегодный альманах. 2020. Т. 10. С. 432–443.
8. Ali M., Hassan N. A survey of computational framing analysis approaches // Proceedings of the 2022 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. 2022:9335–9348 [In English]. <https://doi.org/10.18653/v1/2022.emnlp-main.633>.
9. Bjola C., Manor I. The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption // International Affairs. 2022; Vol. 98(2):471–491. <https://doi.org/10.1093/ia/iia005>.
10. Bjola C., Zaiotti R., eds. Digital diplomacy and international organisations: Autonomy, legitimacy and contestation. Routledge, 2020.
11. Burscher B., Odijk D., Vliegthart R., De Rijke M., De Vreese C.H. Teaching the computer to code frames in news: Comparing two supervised machine learning approaches to frame analysis // Communication Methods and Measures. 2014; Vol. 8(3):190–206. <https://doi.org/10.1080/19312458.2014.937527>.
12. Cull N.J. Public diplomacy: Taxonomies and histories // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008; Vol. 616(1):31–54. <https://doi.org/10.1177/0002716207311952>.
13. Dizard Jr W. Digital diplomacy: US foreign policy in the information age. Bloomsbury Publishing USA; 2001.
14. Entman R.M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm // Journal of Communication. 1993; Vol. 43(4):51–58. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>.
15. Gamson W.A., Modigliani A. Media discourse and public opinion on nuclear power: A constructionist approach // American Journal of Sociology. 1989; Vol. 95(1):1–37.
16. Goffman E. Frame analysis: An essay on the organization of experience. Harvard University Press; 1974.
17. Jenkins H. Convergence Culture: Where old and new media collide. New York University Press; 2006:307–319.
18. Johnston H. Comparative Frame Analysis. In: Frames of protest: Social movements and the framing perspective. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers. 2005; 237–260.

19. Krippendorff K. Computing Krippendorff's Alpha-Reliability. Annenberg School for Communication Departmental Papers. 2011. URL: https://repository.upenn.edu/asc_papers/43.
20. Lufkens M. Twiplomacia. Otázky žurnalistiky. 2013; Vol. 56(3–4):121–132 [In Slovak].
21. Manor I., Crilley R. The Mediatisation of Ministries of Foreign Affairs: Diplomacy in the New Media Ecology // Ministries of Foreign Affairs in the World. 2022:273–298. https://doi.org/10.1163/9789004505889_014.
22. Manor I., Crilley R. Visually Framing the Gaza War of 2014: The Israel Ministry of Foreign Affairs on Twitter // Media, War and Conflict. 2018; Vol. 11(3):369–391. <https://doi.org/10.1177/1750635218780564>.
23. Manor I. Framing Adversaries: Digital Diplomacy and Moral De-Legitimization // The 9th Pan-European Conference on International Relations. 2015.
24. Melissen J., de Keulenaar E.V. Critical digital diplomacy as a global challenge: The South Korean experience // Global Policy. 2017; Vol. 8(3):294–302. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12425>.
25. Pamment J. Digital Diplomacy as Transmedia Engagement: Aligning Theories of Participatory Culture with International Advocacy Campaigns // New Media and Society. 2016; Vol. 18(9):2046–2062. <https://doi.org/10.1177/1461444815577792>.
26. Prier J. Commanding the trend: Social media as information warfare // Strategic Studies Quarterly. 2017; Vol. 11(4):50–85. URL: <http://www.jstor.org/stable/26271634>.
27. Scott W.A. Reliability of content analysis: The case of nominal scale coding // Public Opinion Quarterly. 1955; Vol. 19(3):321–325. URL: <http://www.jstor.org/stable/2746450>.
28. Semetko H.A., Valkenburg P.M. Framing European politics: A content analysis of press and television news // Journal of communication. 2000; Vol. 50(2):93–109. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2000.tb02843.x>.
29. Tsvetkova N.A. Dealing with a resurgent Russia: Engagement and deterrence in US international broadcasting, 2013–2019 // Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations. 2019; Vol. 12(4):435–449. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.403>.

Информация об авторах

БАЗЛУЦКАЯ Мария Михайловна. Аспирант кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. <https://orcid.org/0000-0002-7118-8632>. Адрес: Российская Федерация, 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, 76. m.bazlutskaya@gmail.com.

СЫТНИК Анна Николаевна. Кандидат политических наук. Доцент кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета. <https://orcid.org/0000-0002-6853-6253>. Адрес: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. a.sytnik@spbu.ru.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 сентября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 12 октября 2024 г. Принята к публикации: 30 ноября 2024 г. Опубликовано: 4 декабря 2024 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

- Antyukhova E. 2016. US Digital Diplomacy as a Segment of NATO Public Diplomacy. Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. [Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences] 2016; 3(29):11-14 [In Russian].
- Bazlutckaia M.M., Sytnik A.N. Frame analysis in Russian with ChatGPT. Media v sovremennom mire [Media in a modern world]. 2023; 2:7-8 [In Russian]. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4552994>.
- Bazlutckaia M.M., Sytnik A.N. Game Space of «Information Disorder» // Rossiya v globalnoj politike [Russia in Global Affairs]. 2024; 22(4):122-136 [In Russian]. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-122-136>.
- Bazlutckaia M.M., Sytnik A.N., Tsvetkova N.A. Evaluating Audience Engagement as a Measure of Digital Diplomacy Effectiveness. MGIMO Review of International Relations. 2024; 17(4):48-82 [In Russian]. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-4-97-48-82>.
- Bodrunova S.S. Framing as a term in political communication studies: How a big idea grew and matured in the media effects theory. Zhurnal politicheskikh issledovanij [Journal of political studies]. 2019; 3(4):127-141 [In Russian].
- Zinovieva E.S. US Digital Diplomacy: Opportunities and Threats to International Security. Indeks Besopasnosty [Security Index]. 2013; 19(1):213-228 [In Russian].
- Tsvetkova N.A. 2020. Digitalization of US Public Diplomacy. In: Digest of World Politics Annual Review. Edited by T. Nemchinova. 2020; 10:432-443 [In Russian].
- Ali M., Hassan N. A survey of computational framing analysis approaches. In Proceedings of the 2022 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. 2022:9335-9348 [In English]. <https://doi.org/10.18653/v1/2022.emnlp-main.633>.
- Bjola C., Manor I. The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption. International Affairs. 2022; 98(2):471-491 [In English]. <https://doi.org/10.1093/ia/iiac005>.
- Bjola C., Zaiotti R., eds. Digital diplomacy and international organisations: Autonomy, legitimacy and contestation. Routledge; 2020 [In English].
- Burscher B., Odijk D., Vliegenthart R., De Rijke M., De Vreese C.H. Teaching the computer to code frames in news: Comparing two supervised machine learning approaches to frame analysis. Communication Methods and Measures. 2014; 8(3):190-206 [In English]. <https://doi.org/10.1080/19312458.2014.937527>.
- Cull N.J. Public diplomacy: Taxonomies and histories. The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008; 616(1):31-54 [In English]. <https://doi.org/10.1177/0002716207311952>.
- Dizard Jr W. Digital diplomacy: US foreign policy in the information age. Bloomsbury Publishing USA; 2001 [In English].
- Entman R.M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. Journal of Communication. 1993; 43(4):51-58 [In English]. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>.
- Gamson W.A., Modigliani A. Media discourse and public opinion on nuclear power: A constructionist approach. American Journal of Sociology. 1989; 95(1):1-37 [In English].
- Goffman E. Frame analysis: An essay on the organization of experience. Harvard University Press; 1974 [In English].
- Jenkins H. Convergence Culture: Where old and new media collide. New York University Press; 2006:307-319 [In English].
- Johnston H. Comparative Frame Analysis. In: Frames of protest: Social movements and the framing perspective. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers. 2005; 237-260 [In English].
- Krippendorff K. Computing Krippendorff's Alpha-Reliability. Annenberg School for Communication Departmental Papers. 2011 [In English]. Available at: https://repository.upenn.edu/asc_papers/43.
- Lüfkens M. Twiplomacia. Otázky žurnalistiky. 2013; 56(3-4):121-132 [In Slovak].
- Manor I., Crilley R. The Mediatization of Ministries of Foreign Affairs: Diplomacy in the New Media Ecology. In Ministries of Foreign Affairs in the World. 2022:273-298 [In English]. https://doi.org/10.1163/9789004505889_014.
- Manor I., Crilley R. Visually Framing the Gaza War of 2014: The Israel Ministry of Foreign Affairs on Twitter. Media, War and Conflict. 2018; Vol. 11(3):369-391 [In English]. <https://doi.org/10.1177/1750635218780564>.
- Manor I. Framing Adversaries: Digital Diplomacy and Moral De-Legitimization. In The 9th Pan-European Conference on International Relations. 2015 [In English].
- Melissen J., de Keulenaar E.V. Critical digital diplomacy as a global challenge: The South Korean experience. Global Policy. 2017; 8(3):294-302 [In English]. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12425>.
- Pamment J. Digital Diplomacy as Transmedia Engagement: Aligning Theories of Participatory Culture with International Advocacy Campaigns. New Media and Society. 2016; 18(9):2046-2062 [In English]. <https://doi.org/10.1177/1461444815577792>.
- Prier J. Commanding the trend: Social media as information warfare. Strategic Studies Quarterly. 2017; 11(4):50-85 [In English]. Available at: <http://www.jstor.org/stable/26271634>.
- Scott W.A. Reliability of content analysis: The case of nominal scale coding. Public Opinion Quarterly. 1955; 19(3):321-325 [In English]. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2746450>.
- Semetko H.A., Valkenburg P.M. Framing European politics: A content analysis of press and television news. Journal of communication. 2000; 50(2):93-109 [In English]. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2000.tb02843.x>.
- Tsvetkova N.A. Dealing with a resurgent Russia: Engagement and deterrence in US international broadcasting, 2013-2019. Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations. 2019; 12(4):435-449 [In English]. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.403>.

About the authors

Mariia M. BAZLUTCKAIA. Postgraduate student of the Department of World Political Processes. Moscow State Institute of International Relations, Department of World Political Processes. <https://orcid.org/0000-0002-7118-8632>. Address: 76, prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation. m.bazlutskaya@gmail.com.

Anna N. SYTNIK. CandSc. (Polit.). Assistant Professor. St. Petersburg State University. <https://orcid.org/0000-0002-6853-6253>. Address: 7-9, Universitetskaya nab., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation, a.sytnik@spbu.ru.

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: September 10, 2024. Approved after review: October 12, 2024. Accepted for publication: November 30, 2024. Published: December 4, 2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 329.1/.6

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-86-96](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-86-96)

Политические науки

Интернет-дискурс левых популистов во Франции как способ их саморепрезентации в преддверии выборов в Европейский парламент 2024 г.

Артем Игоревич Мясников✉

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

st071539@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0009-0001-9836-2039>

Аннотация. В статье представлен анализ интернет-дискурса левых популистов во Франции как способа их саморепрезентации в преддверии выборов в Европейский парламент 2024 г. (на примере движения «Непокоренная Франция»). Современная политика все больше опирается на интернет-технологии, которые формируют новые каналы коммуникации между политическими силами и влияют на их взаимодействие. Так, интернет-коммуникация между активистами различных партий и движений в предвыборный период стала неотъемлемой частью политической борьбы во Франции. Электоральные успехи правого популизма во Франции, представленного М.Ле Пен, привели к усилению интереса к исследованию этого феномена. В то же время тематика левого популизма, который также показал увеличение поддержки во время последних электоральных циклов во Франции, еще недостаточно исследована в отечественной политической науке. Методология настоящего исследования включает анализ дискурсов Э.Лакло и Ш.Муфф – выявление антагонизма дискурсов, определение узловых точек и общественно-политических противоречий, которые привели к высказываниям левых популистов. Кроме того, на основе теории П.Ибарры и Дж.Китсьюза определяются

основные риторические стратегии левых популистов в их дискурсе. Исследование имеет теоретическую и практическую значимость для академического сообщества и специалистов в области общественно-политических партий и движений. Работа может быть интересна исследователям современной социально-политической жизни Франции.

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01309, <https://rscf.ru/project/24-28-01309/>.

Ключевые слова: Франция, левый популизм, «Непокоренная Франция», Жан-Люк Меланшон, Манон Обри, выборы, Европейский парламент

Для цитирования: Мясников А.И. Интернет-дискурс левых популистов во Франции как способ их саморепрезентации в преддверии выборов в Европейский парламент 2024 г. // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 86-96, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-86-96](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-86-96)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-86-96](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-86-96)

Political Sciences

Left-wing Populists Internet-discourse in France as a Self-representation before the European Parliament Elections in 2024

Artem I. Myasnikov✉

Saint Petersburg state University, Saint Petersburg, Russia

st071539@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0009-0001-9836-2039>

Abstract. The article analyzes the Internet discourse of left-wing populists in France as their representation in the run-up to the 2024 European Parliament elections (using the example of the Unbowed France movement). Modern politics increasingly relies on Internet technologies that form communication channels between political forces and influence their interaction. Thus, Internet communication between activists of various parties and movements during the pre-election period has become an integral part of the political struggle in France. The electoral successes of right-wing populism in France, represented by M.Le Pen, have led to increased interest in the study of this phenomenon. At the same time, the topic of left-wing populism, support for which has also increased during the last electoral cycles in France, has not yet been sufficiently studied in domestic political science. The methodology of the study is based on the analysis of the discourses of E.Laclau and Ch.Mouffe – identifying the antagonism of discourses, determining the nodal points and socio-political contradictions that led to the statements of left-wing populists. Based on the theory of P.Ibarra and J.Kitsuse, the main rhetorical strategies of left-wing populists are determined. The study has theoretical and practical significance for the academic community and specialists in the field of socio-political parties and movements. The work may be of interest to researchers of contemporary socio-political life in France.

This work was supported by the Russian Science Foundation (project № 24-28-01309).

Keywords: France, Left-wing populism, La France insoumise, Jean-Luc Melenchon, Manon Aubry, Elections, European Parliament

For citation: Myasnikov A.I. Left-wing Populists Internet-discourse in France as a Self-representation before the European Parliament Elections in 2024. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 4(14): 86-96, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-86-96](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-86-96)

Введение

В реалиях современных политических коммуникаций особую роль приобретают интернет-технологии. Они все чаще выступают особым коммуникативным инструментом в борьбе за властное доминирование, вытесняя на периферию более традиционные формы политической репрезентации [8, с. 219; 9, с. 18]. Исследователи отмечают особую роль социальных сетей X (бывший Twitter)*¹, Facebook*² и Instagram*³ в выстраивании новых форм политического взаимодействия [6, с. 232]. Так, различные формы интернет-коммуникации играют значимую роль во Франции, где взаимодействие между политическими активистами в социальных сетях стало неотъемлемой частью французской политической культуры и породило ряд новых общественно-политических движений. В ходе такой коммуникации между участниками подобных объединений происходит конструирование новых форм социального взаимодействия и способов дискурсивной репрезентации. Существуют примеры того, как социальные сети используются в политической жизни Франции [4, с. 202]. Так, представители политических партий / объединений уделяют внимание именно интернет-агитации, что стало особенно заметным в контексте выборов в Европейский парламент 2024 г. и последующих за ними досрочных выборов во французский национальный парламент.

В последние годы политологи отмечают деление политического пространства Франции на три политические группы: центристов во главе с Э.Макроном, правых под руководством М.Ле Пен, а также левых, среди которых ведущую роль играет Ж.-Л.Меланшон [3, с. 198]. В настоящее время на фоне успехов лепенистов на президентских выборах в 2017 и 2022 гг. в политической науке наблюдается повышение интереса к изучению феномена правого популизма. В то же время среди французских избирателей набирают популярность левые, что отражается в их результатах во

время выборов в Национальную ассамблею Франции в 2022⁴ и 2024 гг.⁵ Таким образом, изучение феномена левого популизма во Франции можно считать актуальным.

В 2022 г. левые партии смогли объединиться в «Новый народный экологический и социальный союз», который благодаря популярности Ж.-Л.Меланшона занял лидирующие позиции во французской оппозиции. Это лидерство подтвердилось и весной 2023 г., когда альянс левых возглавил противостояние пенсионной реформе, которую инициировал президент Э.Макрон. В 2023 г. исследовательские центры отмечали, что именно единый союз левых партий имел шансы победить на выборах в Европейский парламент от Франции в 2024 г.⁶, однако «Союз левых» распался в октябре 2023 г. на фоне обострения палестино-израильского конфликта. Крах коалиции стал следствием как внешнеполитических разногласий внутри «Нового народного экологического и социального союза», так и накопившихся личных противоречий между ее лидерами.

Можно сказать, что распад левого альянса был одной из причин победы лепенистов на выборах в Европарламент 2024 г., поскольку во многом на этих выборах левые конкурировали друг с другом, а не с правыми популистами. Победа лепенистов на выборах в Европарламент 2024 г. во многом стала возможна благодаря расколу в левом лагере: вместо того чтобы консолидировать усилия против сторонников М.Ле Пен, левые партии фактически конкурировали друг с другом за голоса избирателей. На выборах в Европейский парламент «Непокоренная Франция», ведущая левая партия Франции, оказалась в весьма непростой ситуации. Меланшонистам пришлось вести борьбу не только с традиционными политическими оппонентами, но и с теми, с кем еще недавно их связывали союзнические отношения. Эта двойственность положения делает анализ дискурса сторонников Ж.-Л.Меланшона в этот период особенно интересным для понимания трансформации французского левого движения. Цель настоящей работы – анализ интернет-дискурса французских левых популистов как способа их саморепрезентации в ходе выборов в Европейский парламент 2024 г. (на примере движения «Непокоренная Франция»).

Материалы и методы исследования

В настоящей работе анализируются дискурсивные стратегии активистов движения «Непокоренная Франция». Данная организация, возглавляемая Ж.-Л.Меланшоном, выбрана из-за ее лидирующих позиций среди современных французских

¹ * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением недостоверной общественно значимой информации, 18+.

² * Деятельность социальной сети Facebook запрещена на территории Российской Федерации (решение Тверского суда Москвы от 21.03.2022), 18+.

³ * Деятельность социальной сети Instagram запрещена на территории Российской Федерации (решение Тверского суда Москвы от 21.03.2022), 18+.

⁴ Левые в движении: чем закончился первый тур выборов во французский парламент // Известия. – URL: <https://iz.ru/1348888/ekaterina-postnikova/levye-v-dvizhenii-chem-zakonchilsia-pervyi-tur-vyborov-vo-francuzskii-parlament>.

⁵ Коалиция левых партий «Новый народный фронт» победила на выборах во Франции // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20240708/frantsiya-1958118282.html>.

⁶ Européennes 2024: liste Nupes en tête, mais des listes de gauche séparées font un meilleur total, selon un sondage // Le Figaro. – URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/europeennes-2024-liste-nupes-en-tete-mais-des-listes-de-gauche-separees-font-un-meilleur-total-selon-un-sondage-20230527>

левых. Интернет-платформы играют важную роль в деятельности «Непокоренной Франции»: будучи приверженцами цифрового участия, меланшонисты активно используют социальные сети для создания и развития многочисленных пабликов (групп), где они обсуждают политическую повестку и координируют совместные действия [7, с. 123; 10, с. 26].

Для анализа дискурсов левых популистов во Франции использовались сообщения из социальной сети X⁷ с 28 января 2024 г. (в этот день представитель «Непокоренной Франции» Манон Обри объявила, что возглавит партийный список меланшонистов на выборах в Европарламент) по 9 июня 2024 г. (день выборов в Европейский парламент во Франции). Сбор твитов (сообщений) с хештегами #UnionPopulaire (рус. «Народный союз» – название предвыборной программы меланшонистов на выборах в Европейский парламент 2024 г.) осуществлялся посредством сервиса «Twitter⁸ API», который позволяет скачивать данные из социальной сети X⁹ с исследовательской целью. Сбор данных был осуществлен из аккаунтов главных медийных лиц «Непокоренной Франции» в ходе подготовки к выборам в Европейский парламент: Манон Обри (лидера партийного списка меланшонистов) и Жан-Люка Меланшона (основателя и идейного лидера «Непокоренной Франции»).

Для интерпретации собранных данных был применен подход к анализу дискурса, разработанный Э.Лакло и Ш.Муфф [11]. В рамках данной методологии были выделены следующие исследовательские вопросы:

1. Что является объектом исследования (какие именно высказывания в соцсетях подлежат рассмотрению в контексте выборов в Европарламент)?
2. Кто выступает сторонами конфликта (антагонизм дискурсов) и кому противопоставляют себя меланшонисты?
3. Каковы узловые точки дискурса (ключевые ритуалы, знаки и мифы), которые транслируют активисты «Непокоренной Франции» в соцсетях?
4. В чем состоит причина общественно-политических противоречий, приводящих к высказываниям меланшонистов?

Также для анализа высказываний меланшонистов использовалась методология риторических стратегий П.Ибарры и Дж.Китсьюза [1]. Как отмечали данные исследователи, в рамках дискурса риторические идиомы служат эффективным инструментом для придания утверждениям четкости. Подобная методология широко применяется для анализа ценностных основ политических движений, в том числе и отечественными исследователями [2, с. 83; 5, с. 899]. Опираясь на методологию П.Ибарры и Дж.Китсьюза, в настоящей работе были выделены следующие риториче-

7 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

8 Доступ к Twitter на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

9 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

ские идиомы, используемые для анализа дискурсивных стратегий «Непокоренной Франции» в ходе выборов в Европарламент:

- риторика утраты (защита уникальных качеств);
- риторика наделения (идея о предоставлении равного доступа для всех субъектов);
- риторика опасности (акцент на защите от рисков, обеспечение безопасности людей);
- риторика неразумности (борьба против манипуляций и несоответствия существующим законным нормам);
- риторика бедствия (аргументации, которая строится на образе катастрофы).

Вместе с этим необходимо отметить ограничения работы, обусловленные лимитированным количеством сообщений, выгружаемых из соцсетей. Это связано с сервисом «Twitter¹⁰ API», который позволяет скачивать только 1 500 сообщений в месяц.

Результаты исследований

Для проведения анализа интернет-дискурсов левых популистов во Франции были собраны твиты (сообщения) выбранных представителей «Непокоренной Франции» с хештегами #UnionPopulaire. В качестве объекта исследования выступили высказывания выбранных политиков, связанные именно с выборами в Европейский парламент 2024 г.

В ходе анализа отобранных 4 500 сообщений пользователей отчетливо просматриваются основные стороны дискурсивных антагонизмов. В своей саморепрезентации левые популисты одновременно позиционируют себя как в качестве защитников рабочих, так и представителей молодежи (риторика наделения).

Сторонники Ж.-Л.Меланшона заявляли, что они были единственными депутатами в Европарламенте прошлого созыва, выступавшими против соглашения о свободной торговле, которое «убивает наше сельское хозяйство и нашу промышленность» (риторика утраты). В ходе своего политического позиционирования меланшонисты также использовали лозунги латиноамериканских левых популистов, призывая к Гражданской революции через победу антиистеблишментских сил на выборах (риторика наделения). Необходимо отметить, что для сторонников Ж.-Л.Меланшона в ходе этих выборов важной темой был обострившийся палестино-израильский конфликт, процесс урегулирования которого освещался в ходе предвыборной кампании. Критика израильского правительства под руководством Б.Нетаньяху левыми популистами была использована их политическими оппонентами как предлог для обвинений в антисемитизме, из-за чего меланшо-

10 Доступ к Twitter на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

Таблица. Применение риторических идиом: анализ сообщений активистов «Непокоренной Франции»
Table. The Rhetorical Idioms Usage: Messages from Activists of “France Unbowed” Analysis

Риторические идиомы	Количество сообщений	Примеры высказываний
Риторика утраты	941	Манон Обри: «Я возглавляю единственную группу в Европарламенте, которая не высказалась в пользу соглашений о свободной торговле, которые убивают наше сельское хозяйство и нашу промышленность. Эти сделки – безумие. 9 июня проголосуйте за #UnionPopulaire, чтобы положить этому конец!»
Риторика наделения	727	Жан-Люк Меланшон: «Мы здесь, чтобы победить посредством избирательной урны, потому что это наша гражданская революция. В конце концов, проницательная черепаха всегда приходит к своей цели».
Риторика опасности	1 342	Манон Обри: «Мы написали нашу программу для молодежи! И мы продолжим выступать против тех, кто предпочел отвернуться от наших идей, такие как Рафаэль Глюксманн, который вместо того, чтобы разбудить Европу, разбудил призрак Франсуа Олланда!»
Риторика неразумности	766	Жан-Люк Меланшон: «ООН, Папа Римский, любой, кто осуждает геноцид в Газе, обвиняется в антисемитизме. Мы не путаем евреев с израильскими воинами-убийцами. Мы не путаем мусульман и террористов. Каждый человек ценен сам по себе».
Риторика бедствия	724	Жан-Люк Меланшон: «На глазах господина Макрона в секторе Газа происходит геноцид. Когда же он наконец объявит эмбарго на поставки оружия, которое Франция продолжает поставлять Нетаньяху?»

Источник: составлено автором

Source: compiled by the author

нистам требовалось регулярно опровергать подобные факты о себе (риторика неразумности).

Основным оппонентом для левых популистов выступал президент Франции Э.Макрон и проводимая им политика. С деятельностью главы французского государства связывалось принятие пенсионной реформы в 2023 г. и ряда других анти-социальных изменений во Франции. Сторонники Ж.-Л.Меланшона указывали на деиндустриализацию и отказ от протекционизма во французской экономической политике, что «вредит развитию промышленности и сельского хозяйства Франции» (риторика опасности). Вместе с тем дискурсы антагонизма были направлены на партию М.Ле Пен как одного из ведущих противников левых популистов. Сторонники Ж.-Л.Меланшона называли лепенистов «ложной альтернативой» макронистам, поскольку своей политикой М.Ле Пен только способствует легитимации антисоциальной политики французского Президента (риторика опасности).

Интересно, что антагонистический дискурс меланшонистов также направлен и на кандидатов от Социалистической партии Франции, поскольку к моменту

выборов в Европарламент 2024 г. союз левых партий распался, в чем сторонники Ж.-Л.Меланшона обвиняли именно социалистов. В своей критике левые популисты особенно указывали на антисоциальную программу своих вчерашних союзников, которые «возрождают идеи [бывшего] президента Ф.Олланда» (риторика опасности). Как уже отмечалось ранее, меланшонисты в своей предвыборной кампании призывали к урегулированию палестино-израильского конфликта, поэтому среди дискурсов антагонизма также следует отметить критику израильского правительства под руководством Б.Нетаньяху, которого левые популисты обвиняли в «геноциде в секторе Газа» (риторика бедствия).

По результатам проведенного анализа были зарегистрированы различные риторические идиомы, которые представлены в таблице.

Выводы

Итак, целью данного исследования был анализ интернет-дискурса французских левых популистов как способа их саморепрезентации в ходе выборов в Европейский парламент 2024 г. Резюмируя, можно выделить следующие дискурсивные практики и стратегии, используемые меланшонистами во время их предвыборной кампании в Европарламент:

1. Представители «Непокоренной Франции», выступая в качестве продолжателей социалистической политической традиции во Франции, в процессе саморепрезентации используют традиционную левополитическую риторику и позиционируют себя защитниками рабочего класса от рыночных реформ. Вместе с тем меланшонисты в ходе своего интернет-дискурса апеллируют к молодежи, стремясь заполучить поддержку со стороны молодежного электората.

2. В своей риторике представители «Непокоренной Франции» противопоставляют себя сразу нескольким политическим группам. Так, являясь популистским движением, меланшонисты противопоставляют себя правящей элите, которая ассоциируется как с соратниками Э.Макрона, так и с представителями еврочиновников, ответственных за проведение неолиберальных реформ в Евросоюзе. Важно отметить также и противостояние меланшонистов «правым популистам» – представителям партии М.Ле Пен, которых «левые популисты» описывают как «ложный выбор» для французов. В ходе этой предвыборной кампании критика представителей «Непокоренной Франции» также была обращена и к Социалистической партии Франции, которую меланшонисты обвиняли в отказе от их социально ориентированной предвыборной программы.

3. Важно отметить использование определенных символических знаков в дискурсивной стратегии сторонников Ж.-Л.Меланшона. В своей риторике представители «Непокоренной Франции» регулярно используют популистские «символы», заявляя о «Гражданской революции» через победу на выборах. Такой риторический прием меланшонисты перенимают у левых популистов из Латинской Америки. Это

может свидетельствовать о том, что они стремятся позиционировать себя как часть общемирового левопопулистского движения и использовать его методы для мобилизации сторонников.

4. Среди общественно-политических противоречий, которые привели к высказываниям меланшонистов, в первую очередь нужно отметить экономическую политику Франции и Европейского союза. Текущая политика, по мнению левых популистов, из-за увеличения рыночных реформ и проведения деиндустриализации привела к снижению уровня жизни французов и усилению социального неравенства. Среди политических противоречий в современном мире представители «Непокоренной Франции» в ходе своей предвыборной кампании уделяли внимание и обострившемуся палестино-израильскому конфликту. Из-за этого левые популисты в своей программе выступали за прекращение военной поддержки правительства Б.Нетаньяху и окончание конфликта в секторе Газа.

Выборы в Европейский парламент 2024 г. во Франции привели к досрочным выборам в Национальную ассамблею Франции, что способствовало усилению разделения политического пространства на три основных блока: макронистов, правых популистов во главе с М.Ле Пен и левых, среди которых «Непокоренная Франция» играет ведущую роль. Именно вокруг «Непокоренной Франции» произошло создание нового альянса левых партий перед выборами в национальный парламент Франции. В перспективе целесообразно проанализировать эволюцию интернет-дискурса левых популистов уже после объявления досрочных выборов в Национальную ассамблею Франции.

Список источников

1. Ибарра П., Китсьюз Дж. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы [The discourse of making claims and vernacular resources. Social problems: a constructionist reading] // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 55–114.
2. Кошкин А.В. Риторические идиомы в стратегиях проблематизации повестки дня [Rhetorical idioms in strategies of agenda problematization] // Национальные государства в условиях глобальных вызовов: факторы устойчивости политических систем: сборник тезисов XII Международной молодежной научной конференции, Санкт-Петербург, 28 мая 2021 г. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2021. С. 82–84.
3. Лапина Н.Ю. Люди не прекращают бунтовать: акторы, стратегии, политические уроки социального протеста в современной Франции [People do not stop rebelling: actors, strategies, political lessons of social protest in modern France] // Власть и элиты. 2023. № 2. С. 183–210. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.8>. EDN AYYAYB.
4. Лебедева Т.Ю., Минаева Л.В. Теория и практика цифровой политической культуры: взгляд французской школы коммуникативистики [Theory and practice of digital political culture: the French school view to communication studies] // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. № 1. С. 188–208. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-1-188-208>.
5. Мороз Е.В. О некоторых аспектах конструирования ценностных основ социальной компетентности [On some aspects of the construction of the social competence value foundations] // Социология в постглобальном мире: Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 г. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2022. С. 898–900.

6. Морозова С.С., Будко Д.А., Бабюк И.А. Особенности политической коммуникации в виртуальных сообществах в условиях глобальных вызовов и рисков [Features of political communication in virtual communities in the global challenges and risks context] // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. № 2. С. 230–243. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.206>.
7. Парма Р.В. Тренды развития политических партий в цифровой среде коммуникаций [Trends in the political parties development in the digital environment of communications] // Vlast. 2023; 4: 121–125. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9700>.
8. Попова О.В. Особенности коммуникации политизированных сообществ в русскоязычных телеграм-каналах [Communication peculiarities of politicized communities in Russian language telegram channels] // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. № 2. С. 215–229. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.205>.
9. Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity, 2015. 300 p.
10. Haapala T. Disrupting European politics? Rhetorical analysis of MEP Manon Aubry's politicising strategies in Twitter // Journal of Contemporary European Studies. 2023. № 31. Pp. 1–37.
11. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2014. 240 p.

Информация об авторе

МЯСНИКОВ Артем Игоревич. Аспирант факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета. <https://orcid.org/0009-0001-9836-2039>. Адрес: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9. st071539@student.spbu.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 30 сентября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 27 октября 2024 г. Принята к публикации: 30 ноября 2024 г. Опубликовано: 4 декабря 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Ibarra P., Kitsews J. The discourse of making claims and vernacular resources. Social'nye problemy: konstrukcionistskoe prochlenie [Social problems: a constructionist reading]. Kazan: Publishing house of Kazan. un-ta, 2007:55–114 [In Russian].
2. Koshkin A.V. Rhetorical idioms in strategies of agenda problematization. Nacional'nye gosudarstva v usloviyah global'nyh vyzovov [Nation-States in the context of global challenges]: factors of stability of political systems: collection of abstracts of the XII International Youth Scientific Conference, St. Petersburg, May 28, 2021. Saint-Petersburg: Skifia-print, 2021:82–84 [In Russian].

3. Lapina N.I. People do not stop rebelling: actors, strategies, political lessons of social protest in modern France. *Vlast' i elity*. [Power and elites]. 2023; 2:183–210 [In Russian]. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.8>. EDN AYYAYB.
4. Lebedeva T.Y., Minaeva L.V. Theory and practice of digital political culture: French school of communication studies view. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. [Moscow University Bulletin]. Series 25. International relations and world politics. 2023; 1:188–208 [In Russian]. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-1-188-208>.
5. Moroz E.V. On some aspects of the construction of social competence value foundations. *Sociology in the post-global world: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*, St. Petersburg, November 17-19, 2022. Saint-Petersburg: Skifia-print, 2022:898–900 [In Russian].
6. Morozova S.S., Budko D.A., Babyuk I.A. Features of political communication in virtual communities of the global challenges and risks context. *Politicheskaya ekspertiza* [Political Expertise]: POLITEX. 2023; 2:230–243 [In Russian]. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.206>.
7. Parma R.V. Trends in the political parties development in the digital environment of communications. *Vlast* [Power]. 2023; 4:121–125 [In Russian]. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9700>.
8. Popova O.V. Communication peculiarities of politized communities in Russian language telegram channels. *Politicheskaya ekspertiza* [Political Expertise]: POLITEX. 2023; 2:215–229 [In Russian]. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.205>.
9. Castells M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity, 2015:300 [In English].
10. Haapala T. Disrupting European politics? Rhetorical analysis of MEP Manon Aubry's politicising strategies in Twitter. *Journal of Contemporary European Studies*. 2023; 31:1–37 [In English].
11. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso, 2014:240 [In English].

About the author

Artem I. MYASNIKOV. Postgraduate student at the Faculty of Political Science, St. Petersburg State University. <https://orcid.org/0009-0001-9836-2039>. Address: 7-9, Universitetskaya nab., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation. st071539@student.spbu.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: September 30, 2024. Approved after review: October 27, 2024. Accepted for publication: November 30, 2024. Published: December 4, 2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

Политические науки

УДК 32.019.51

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-97-104](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-97-104)

Информационно-психологическое оружие в политическом дискурсе как индикатор многовекторности

Руслан Ирикович Зарипов✉

Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
lieutenant-en-chef@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9980-7928>

Аннотация. Статья посвящена типологизации и характеру функционирования информационно-психологического оружия как дискурсивного индикатора, который потенциально позволяет выявить действительную конфигурацию векторов международного взаимодействия, моделируемую в общественном мнении определенного государства, а также степень готовности его политических элит к этому взаимодействию на нескольких направлениях. Информационно-психологическое оружие определяется как сообщение, направленное на дискредитацию мишени воздействия путем формирования ее негативного образа и/или нанесения репутационного ущерба ее основополагающим характеристикам, в том числе с использованием дезинформации, сомнительной (непроверенной) информации, деструктивных установок и других приемов. В зависимости от избранных средств воздействия и целей коммуникатора автором выделяется пять уровней оружия: без задействования эмоциональных и/или конфликтогенных элементов (оружие первого порядка), с задействованием эмоциональных и/или конфликтогенных элементов (оружие второго порядка), с задействованием прямых деструктивных установок, дезинформации или подавляющей эмоциональности отрицательного спектра (оружие третьего порядка), сообщение в интересах достижения военных целей (оружие четвертого порядка), сообщение в интересах массированного информационного подавления противника (оружие пятого порядка). На основании анализа распределения в политическом дискурсе информационно-психологического

оружия по уровням и мишеням представляется возможным измерить и оценить действительное отношение к России со стороны политических элит зарубежных стран, которые эксплицитно и имплицитно транслируют свою позицию через аффилированных коммуникаторов.

Ключевые слова: информационно-психологическое оружие, многовекторность, индикатор, образ России, политический дискурс, дискредитация, дезинформация

Для цитирования: Зарипов Р.И. Информационно-психологическое оружие в политическом дискурсе как индикатор многовекторности // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 97-104, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-97-104](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-97-104)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-97-104](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-97-104)

Information and Psychological Weapons in Political Discourse as an Indicator of Multi-vectorism

Ruslan I. Zaripov✉

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense, Russian Federation, Moscow, Russia
lieutenant-en-chef@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9980-7928>

Abstract. The article is devoted to the typology and functioning of information and psychological weapons as an indicator that allows identifying the directions of international interaction, how they are modeled in the public opinion of a particular state, the readiness of its political elites to interact in several directions. Information and psychological weapons are messages aimed at discrediting the target of influence by forming its negative image and/or causing reputational damage to its fundamental characteristics, including the use of disinformation, questionable (unverified) information, destructive attitudes and other techniques. Depending on the selected means of influence and the goals of the communicator, the author identifies five levels of weapons: without the use of emotive and/or conflict-generating elements (first-level weapons), with the use of emotive and/or conflict-generating elements (second-level weapons), with the use of direct destructive attitudes, disinformation or overwhelming emotionality of the negative spectrum (third-level weapons), a message in the interests of achieving military goals (fourth-level weapons), a message in the interests of massive information suppression of the enemy (fifth-level weapons). Based on the analysis of the distribution of information and psychological weapons in political discourse by levels and targets, it is possible to measure and evaluate the actual attitude towards Russia on the part of political elites of foreign countries, who explicitly and implicitly broadcast their position through affiliated communicators.

Keywords: information and psychological weapons, multi-vectorism, indicator, image of Russia, political discourse, misinformation, discredit

For citation: Zaripov R.I. Information and Psychological Weapons in Political Discourse as an Indicator of Multi-vectorism. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 4(14): 97-104, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-97-104](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-97-104)

Введение

Многовекторность как относительно новое политическое явление в теории и практике международных отношений зародилось на постсоветском пространстве естественным образом в результате исчезновения глобального центра силы, который представлял собой СССР. Бывшие союзные республики, оказавшись после событий 1991 г. в фундаментально иной экзистенциальной парадигме, начали строить собственные политические, экономические, гуманитарные связи с другими государствами. Первоначально и инерционно система международных отношений в СНГ основывалась на прежнем восприятии Москвы как ее центрального и интегрального элемента, однако позднее центробежные силы начали «отдалять» друг от друга новые политические субъекты. Объективная реальность такова, что более слабые или уязвимые акторы всегда ориентируются в своей политике на региональный (глобальный) центр силы, и в период временного ослабления России страны СНГ так или иначе попали под влияние крупных заинтересованных игроков, главным из которых, конечно, на тот момент были США. К сожалению, многовекторность как принцип межгосударственного взаимодействия понимался (и до сих пор понимается) многими соседями и партнерами России не как «органичное задействование всех имеющихся направлений для реализации национальных интересов»¹, а как «бесхребетность», которая подразумевает уступки под давлением и даже откровенное выторговывание преференций в обмен на свою политическую субъектность практически во всех критических сферах. Ярким примером использования компрадорских политических элит в антинациональных интересах выступает Украина, которая в результате фактического внешнего управления стала неонацистским государством и разменной монетой коллективного Запада в реализации его геостратегических планов, предала забвению языковую и культурно-историческую идентичность своего народа и оказалась на грани исчезновения с карты мира. «Продуктами» ее политики «многовекторности» стали новые учебники, новые медиаресурсы, новый цифровой контент и – как естественный итог – новая «реальность», так называемая гиперреальность, которая полностью изменила мировосприятие, мышление и поведение украинского общества. Тотальное доминирование деструктивного, русофобского начала в украинском политическом и медиадискурсе, которое неявно прослеживалось и гораздо ранее, всего за последние десять лет (с 2014 г.) обеспечило «форматирование» сознания массовой аудитории и культивирование совершенно иных (а для кого-то – и хорошо забытых старых) идеологических установок. При этом очевидно, что главным элементом в этой системе информационно-психологического воздействия стала поступательная отмена русского языка, стирающая саму основу исторического самосознания населения Украины.

1 В МИД РФ разъяснили отличия многовекторности во внешней политике России и других стран // Сетевое издание «СенатИнформ». URL: https://senatinform.ru/news/v_mid_rf_razyasnili_otlichiya_mnogovektornosti_vo_vneshney_politike_rossii_i_drugikh_stran/.

Материалы и методы исследования

Основой исследования выступает теория и практика информационно-психологического воздействия в массовой коммуникации, продуктами которой в медиа-дискурсе выступают вербальные, невербальные и поликодовые (мультимодальные) сообщения коммуникаторов (медiateксты). Методика определения и типологизации информационно-психологического оружия включает комплекс методов когнитивно-дискурсивного, коммуникативно-прагматического, коннотативного, статистического анализа, когнитивного (метафорического) моделирования, когнитивной интерпретации и других процедур (протоколов) работы с эмпирическими данными. Выборка, на базе которой строятся тезисы настоящей статьи, составила более 500 информационных сообщений (медiateкстов) политической (военно-политической) направленности как в русском, так и в зарубежных медиадискурсах (в частности, английском и французском).

Результаты исследований

Практическая реализация западного проекта по построению «анти-России» на Украине основывалась на дискурсивных практиках массированного применения информационно-психологического оружия, определяемого как сообщение, установки которого формируют негативный образ мишени информационного воздействия и/или подрывают ее жизненно важные (основополагающие) характеристики [1, с. 158–159]. Мишенью этого воздействия в политическом дискурсе Украины и западных государств выступает образ России и его составные элементы, а информация соответствующего характера распространяется через все возможные влиятельные источники, то есть любым способом, подразумевающим ее передачу большому количеству лиц.

Под «жизненно важными» (основополагающими) характеристиками мишени понимаются такие ее фундаментальные морально-нравственные, культурно-исторические, ценностно-социальные и информационно-идеологические основы, искажение, ослабление или игнорирование (замалчивание) которых влечет за собой дискредитацию ее образа в сознании-подсознании объекта информационно-психологического воздействия. Для индивидуума и группы лиц это могут быть качества, связанные с порядочностью, честью, вероисповеданием, расовой принадлежностью, этническим и социальным происхождением, политическими и идеологическими взглядами и т.п. Для общества в целом и государства – это качества, связанные с политической, военной, экономической, социальной и другими видами безопасности, территориальной целостностью и суверенитетом, идеологией, политико-экономическим строем и формой правления, судебной-правовой системой и общечеловеческими ценностями, социальными и мировоззренческими установками, историческим

Таблица. Типологизация информационно-психологического оружия
Table. Types of information and psychological weapons

Тип (порядок) информационно-психологического оружия	Степень выраженности конфликтности и деструктивности сообщения, признаки оружия	Характерные примеры
Оружие пятого порядка	Экстраординарное событие (квазисобытие) с целью огульной и агрессивной дискредитации мишени воздействия в глазах мирового сообщества, ее массированного информационного подавления, международной изоляции и снятия психологических (социально-политических) барьеров для практических действий субъекта	«Пробирка Пауэрла», «Белые каски» в Сирии, кейс МН-17, фейки о Буче, мариупольском роддоме и обстреле Краматорска
Оружие четвертого порядка	Использование оружия первого, второго и третьего порядка в военных (военно-политических, военно-технических) целях в рамках отдельной информационной кампании (информационно-психологической операции) или медианарратива путем дезинформирования и дезориентирования противника и мировой общественности; информационно-психологическое сопротивление в боевых или приближенных к ним условиях	Поставки (применение) иностранного вооружения и одновременные сообщения о возможности мирных переговоров, сообщения в преддверии контрнаступления ВСУ в 2023 г., агитационно-пропагандистские материалы, SMS-рассылка и т.п.
Оружие третьего порядка	Эксплицитная деструктивность. Концептуальные векторы агрессии (унижения, насилия, принуждения, запугивания и т.д.). Возможность глумления, издевок, угроз, психологического подавления и др. Возможность фейковых сообщений	1. Сообщают, что погиб военкор Евгений Поддубный. 2. «Пиши заявление и уходи. Не вздумай выдвинуть себя на главу. Приедем и вырежем весь род»
Оружие второго порядка	Вербальное и/или невербальное проявление эмоциональности. Возможность имплицитной или эксплицитной конфликтности, а также имплицитной деструктивности за счет эмоциогенных и конфликтогенных элементов сообщения. Возможность высмеивания, иронии, пародии, утрирования и т.п. Мемы, демотиваторы, другие развлекательные форматы передачи информации	Страна N незаконно держит свои ржавеющие танки в регионе X
Оружие первого порядка	На всех уровнях сообщения отсутствуют эмоциогенные сигналы. Отсутствие невербальных средств	Страна N находится в регионе X в нарушение международного права

Источник: составлено автором
Source: compiled by the author

прошлым и морально-нравственными устоями, национальными, этническими, религиозными, языковыми и другими особенностями, отношениями с союзниками и потенциальными противниками, научно-техническими, социально-экономическими, спортивными достижениями и т.п. Таким образом, информационно-психологическая война затрагивает как социально-политические устои государства, так и ментальные и духовно-ценностные характеристики человека и общества [5, с. 81].

Определяющими, независимыми друг от друга, но часто взаимодополняющими признаками информационно-психологического оружия выступают отрицательный коннотативный вектор в отношении мишени воздействия и репутационный ущерб ее основополагающим характеристикам. Более полные характеристики подобных сообщений изложены нами в предыдущих работах [2, 3], однако в целях наглядности мы приводим таблицу, демонстрирующую пять уровней (порядков) информационно-психологического оружия, применяющегося в настоящее время в информационном пространстве. Примечательно, что мишень воздействия избираема коммуникатором ситуативно и может им варьироваться в зависимости от его коммуникативных (внекоммуникативных) задач.

Выводы

Таким образом, информационно-психологическим оружием следует считать сообщение (текст, изображение, аудио- / видеоматериалы, поликодовый текст), дискредитирующее мишень воздействия путем формирования ее негативного образа и/или нанесения репутационного ущерба ее жизненно важным (основополагающим) характеристикам, в том числе с использованием дезинформации, сомнительной (непроверенной) информации, деструктивных установок и других приемов. В зависимости от избранных средств воздействия и целей коммуникатора выделяется пять уровней информационно-психологического оружия: сообщение без задействования эмоциогенных и/или конфликтогенных элементов (оружие первого порядка), с задействованием эмоциогенных и/или конфликтогенных элементов (оружие второго порядка), с задействованием эксплицитных деструктивных установок, дезинформации и/или подавляющей эмоциональности отрицательного спектра (оружие третьего порядка), сообщение в интересах достижения военных целей (оружие четвертого порядка), сообщение в интересах массированного информационного подавления противника (оружие пятого порядка).

Коммуникативный режим, выражающий традиции и задающий условия функционирования информационного пространства [4, с. 13–15], так или иначе всегда отводит кому-то нишу образа врага, обидчика или оппонента. С помощью приведенной типологизации представляется возможным измерить и оценить действительное отношение к России со стороны политических элит зарубежных стран, которые эксплицитно и имплицитно транслируют свою позицию через аффилированных коммуникаторов. Действительная многовекторность в том виде, в котором ее понимают

нынешние члены СНГ, может быть определена на основе анализа проявлений информационно-психологического оружия (по уровням и мишеням) в соответствующих национальных сегментах политического и медиадискурса. Прагматическое взаимодействие исключает политический романтизм, и России в этой связи необходимо быть готовой к любым возможным сценариям.

Список литературы

1. Гаврилов Л.А., Зарипов Р.И. Язык массовой коммуникации и информационная война [The language of mass communication and information warfare]: монография. М.: ЛЕНАНД, 2023. 216 с.
2. Зарипов Р.И. Информационно-психологическое оружие: сущность и типологизация [Information-psychological weapons: the essence and typology] // Политическая лингвистика. 2024. № 5(107). С. 84–99.
3. Зарипов Р.И. Оружие информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия [Weapons of information and psychological warfare: towards the justification and definition of the concept] // Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. III / А.А.Бернацкая, Ю.А.Горностаева, И.В.Евсеева [и др.]; под ред. проф. А.П.Сквородникова. Красноярск: СФУ, 2020. С. 98–114.
4. Комлева В.В. Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен [Country communication regime as a socio-political phenomenon] // Россия и мир: научный диалог. 2021. Т. 1. № 1. С. 13–26. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-13-26>.
5. Сабиров В.Ш., Соина О.С. Изучение этоса как социокультурная, этическая, правовая, эстетическая и религиозная проблема эпохи информационных войн [The study of ethos as a socio-cultural, ethical, legal, aesthetic and religious problem in the era of information wars] // Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. II / А.А.Бернацкая, Л.А.Гаврилов, В.А.Жилина [и др.]; под ред. проф. А.П.Сквородникова. Красноярск: СФУ, 2019. С. 80–89.

Информация об авторе

ЗАРИПОВ Руслан Ирикович. Кандидат филологических наук. Докторант Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. <https://orcid.org/0000-0001-9980-7928>. Адрес: Российская Федерация, 125047, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14. lieutenant-en-chef@ya.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 октября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 15 ноября 2024 г. Принята к публикации: 30 ноября 2024 г. Опубликовано: 4 декабря 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Gavrilov L.A., Zaripov R.I. The language of mass communication and information warfare. Moscow, LENAND. 2023:216 [in Russian].
2. Zaripov R.I. Information and psychological weapons: the essence and typology. Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]. 2024; 5(107):84–99 [In Russian].
3. Zaripov R.I. Weapons of information and psychological warfare: towards the justification and definition of the concept. Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny [Linguistics of information and psychological warfare]: monografiya. Vol. III. Krasnoyarsk, SFU. 2020:98–114 [In Russian].
4. Komleva V.V. Country communication regime as a socio-political phenomenon. Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Scientific Dialogue], 2021; 1(1):13–26 [In Russian]. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-13-26>.
5. Sabirov V.Sh., Soina O.S. The study of ethos as a socio-cultural, ethical, legal, aesthetic and religious problem in the era of information wars. Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny [Linguistics of information and psychological warfare]: monografiya. Vol. II. Krasnoyarsk, SFU. 2019:80–89 [In Russian].

About the author

Ruslan I. ZARIPOV. CandSc. (Philolog.). Doctoral candidate of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0001-9980-7928>. Address: 14, Bolshaya Sadovaya str., Moscow, 125047, Russian Federation. lieutenant-en-chef@ya.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: October 15, 2024. Approved after review: November 15, 2024. Accepted for publication: November 30, 2024. Published: December 4, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

Политические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-105-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-105-123)

Многовекторность во внешней политике стран постсоветского пространства: актуальные проблемы и тенденции

Мария Всеволодовна Катагощина^{1a}✉, Валентина Вячеславовна Комлева^{2b}✉, Елена Алексеевна Кузьменко^{3c}✉, Сергей Александрович Шеин^{4d}✉

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

² Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, Москва, Россия

³ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

⁴ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

^a marya.katagoshina@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5531-7739>

^b komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

^c kuzmenko_elal@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>

^d sshein@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9749-9116>

Аннотация. Многовекторность как принцип формирования внешней политики реализуется странами СНГ с середины 1990-х гг. За 30 лет был накоплен опыт этой реализации, который позволяет судить о многовекторности в двух основных плоскостях: многовекторность как ресурс реальной политики и многовекторность

как дискурс в информационном поле. Интерпретация такого подхода во внешней политике стран постсоветского пространства представлена широким спектром мнений, варьирующихся от сугубо положительной трактовки (преимущественно со стороны страновых экспертов-политологов) до крайнего скептицизма (российская политологическая школа). Данная статья представляет результаты экспертной сессии Центра исследований международных гуманитарных коммуникаций РУДН им. Патриса Лумумбы «Многовекторность во внешней политике: актуальные проблемы», которая состоялась 8 октября 2024 г. и в рамках которой обсуждались проблемы многовекторности по следующим вопросам: каковы пределы многовекторности как средства лавирования постсоветских политических элит в условиях формирующейся многополярной модели международных отношений, возможны ли общие правила игры для стран различного экономического веса, каково значение ситуативных союзов и временных коалиций в условиях многовекторности. По результатам дискуссии исследователи пришли к выводу, что многовекторность является действенным тактическим ресурсом крупных игроков-модераторов, лидеров интеграционных объединений и военных блоков, используемым для достижения стратегических задач в сферах мемориальной политики, макрорегиональной безопасности, гуманитарного и экономического сотрудничества. При таком соотношении сил страны среднего порядка рискуют оказаться ведомыми и управляемыми объектами внешнеполитических амбиций третьих стран.

Ключевые слова: многовекторность, внешняя политика, СНГ, политический дискурс, ЕАЭС, евразийская интеграция

Для цитирования: Катагощина М.В., Комлева В.В., Кузьменко Е.А., Шейн С.А. Многовекторность во внешней политике стран постсоветского пространства: актуальные проблемы и тенденции // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 105-123, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-105-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-105-123)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-105-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-105-123)

Multi-vector Approach in the Foreign Policy of the Post-Soviet Countries: Current Issues and Trends

Marya V. Katagoshchina^{1a}✉, Valentina V. Komleva^{2b}✉,
Elena A. Kuzmenko^{3c}✉, Sergei A. Shein^{4d}✉

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

² National Research Institute for the Communications Development, Moscow, Russia

³ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

⁴ National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

^a marya.katagoshchina@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5531-7739>

^b komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

^c kuzmenko_elal@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>

^d sshein@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9749-9116>

Abstract. Multi-vectorism as a principle of foreign policy has been implemented by the CIS countries since the mid-1990s. Over 30 years, experience has been accumulated that allows us to judge the basis of real policy and multi-vectorism as a discourse in the information field. The attitude towards multi-vectorism in the foreign policy of the post-Soviet countries is very different, ranging from purely positive (mainly from the country's political experts) to extremely skeptical (the Russian political science school). The article presents the results of the expert session of the Center for Research of International Humanitarian Communications of the Patrice Lumumba RUDN University "Multi-vectorism in Foreign Policy: Current Problems", which took place on October 8, 2024 and discussed the problems of multi-vectorism: what are the limits of multi-vectorism as a means of maneuvering of post-Soviet political elites in the context of the emerging multipolar model of international relations, are common rules of the game possible for countries of different economic importance, what is the significance of situational alliances and temporary coalitions in the context of multi-vectorism. Based on the results of the discussion, the researchers came to the conclusion that multi-vectorism is an effective tactical resource of major players-moderators, leaders of integration associations and military blocs, used to achieve strategic objectives in the areas of memorial policy, macro-regional security, humanitarian and economic cooperation. With such a balance of forces, middle-level countries risk becoming led and controlled objects of foreign policy ambitions of third countries.

Keywords: multi-vector, foreign policy, CIS, political discourse, EAEU, Eurasian integration

For citation: Katagoshchina M.V., Komleva V.V., Kuzmenko E.A. Shein S.A. Multi-vector Approach in the Foreign Policy of Post-Soviet Countries: Current Issues and Trends. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 4(14): 105-123, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-105-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-105-123)

Введение

С середины 1990-х гг. многовекторность стала основным декларируемым политическим принципом формирования внешнеполитического курса для многих стран СНГ. Большинство государств постсоветского пространства принадлежит к средним и малым государствам, что предсказуемо привело их к поиску оптимального внешнеполитического положения в трансформировавшейся системе международных отношений через взаимодействие и компромисс со многими политическими игроками.

Данная статья ставит целью выявить и оценить проблемные аспекты многовекторности во внешней политике стран постсоветского пространства. Первая часть статьи раскрывает возможность создания общих правил игры для стран различного ресурсного веса и экономического потенциала. Продолжает исследование анализ пределов многовекторности как средства лавирования постсоветских политических элит в условиях формирующегося нового мирового порядка. В статье ставится вопрос: какова опасность «войны всех против всех» при отсутствии крупных игроков-модераторов межстранового взаимодействия?

Материалы и методы исследования

Данная статья опирается на эмпирический материал внешнеполитических проявлений принципа многовекторности со стороны стран постсоветского пространства, выраженных в реализации гуманитарного, экономического, информационного сотрудничества (соглашения, проекты, программы, организации и институты) с государствами, конкурирующими между собой на международной арене. Дополнительно привлекаются нормативно-правовые акты исследуемых стран. Для проведения кейс-анализа авторы выбирают наиболее репрезентативные факты, которые могут быть квалифицированы в качестве проявлений многовекторности.

При подготовке статьи также были изучены нормативные акты и программные документы, отражающие динамику внешнеполитической стратегии постсоветских государств в области культуры и связанных с ней международных коммуникаций, материалы мероприятий в сфере культурной дипломатии, экспертные оценки глобальных и региональных культурных процессов. Были также задействованы цифровые ресурсы музеев, библиотек, просветительских центров, русскоязычные личные сайты и блоги лиц, участвующих в международном диалоге культур на пространстве Евразии.

Интерпретация данного материала исследования базируется на принципах методологии политического реализма, которые подразумевают примат экономических, политических и военных интересов государства при выстраивании своего внешнеполитического курса. Иерархия межстранового взаимодействия в рамках данной парадигмы находится в прямой зависимости от военно-материальной мощи государства, выступающей гарантом суверенности принятия решений.

Продуктивным в плоскости исследований пределов компромиссов и целесообразности стратегических уступок в попытке выиграть в долгосрочной перспективе является применение методологии теории игр (theory of games), экономико-математические аспекты которой были впервые изложены в работе Дж.фон Неймана и О.Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение» [11]. Особую результативность применение данной методологии показало в отношении военных наук, в особенности – в вопросах принятия стратегических решений. Теория игр применительно к расстановке сил в международных отношениях проанализирована в работах Т.Шеллинга [17], Я.Харшаньи и Р.Зельтена [15].

Результаты исследований

Многовекторность – ресурс сильных? (Комлева В.В.)

Многовекторность как принцип внешней политики рассматривается частью стран как панацея от всех бед. Модель многовекторности используется для баланси-

рования между основными центрами силы с целью получения выгод и привилегий – инвестиций, технологий, доступа к рынкам, международного позиционирования, гарантий безопасности и т.д. Выбор многовекторности часто объясняется необходимостью равной удаленности от мировых центров силы, чтобы сохранить свою суверенность.

Но на практике многовекторность оказывается латентным движением от одного полюса к другому. Внешнеполитическая среда динамична, и малые страны вынуждены в нее вписываться. Сегодня мы наблюдаем это в Беларуси, в Грузии, в Армении.

Есть и другие страны, которые считают многовекторность «непостоянным, бессвязным и идеологически пустым» поведением¹, потому что она препятствует системному и продуктивному сотрудничеству с одним из центров силы. Этой позиции придерживаются страны Прибалтики, Украина. По одновекторному пути пытается идти Молдова. В некоторые периоды это свойственно политике Грузии.

Ключевой вопрос эффективности политики многовекторности – ее обеспеченность, точнее – самообеспечение. Чтобы этот принцип был реализован, нужны ресурсы. А ресурсов мало – как политических, так и экономических. Можем ли мы сказать, что многовекторность выбирается от безысходности? В некоторой степени – да. На практике международные политические роли малых стран² очень ограничены: буферная зона, геополитический шлюз, дипломатический посредник, государство-барьер, периферия. Понимая это, малые страны пытаются усилить свои позиции.

В настоящее время сложились четыре типа многовекторности постсоветских стран (типология дана на основе разработок Николы Контесса [18]):

Первый тип. Такая многовекторность ориентирована на обеспечение национальной безопасности, суверенитета и независимости перед большой силой. Переживания постсоветских стран долгое время концентрировались на боязни попасть в «сферу привилегированных интересов» России. Поэтому отрицались и продолжают отрицаться сильные культурные, лингвистические и исторические привязанности, многовекторная внешняя политика направлена на предотвращение этого «подчинения». Одновременно страны начали избегать и Запада, и Китая.

Второй тип. Этот тип политики многовекторности ориентирован на противодействие факторам, которые подрывают легитимность политической власти (или сеют сомнения в ее легитимности). Страны вступают в разные международные и региональные организации, порой противоречащие друг другу по целям и средствам. Например, вступление в западные региональные организации, такие как ОБСЕ, и одновременное участие в ШОС и ОДКБ. Организации используются как источник международной (ре)легитимации.

1 Ивженко Т. Оранжевая многовекторность // Независимая газета. СНГ. Интернет-версия. 20.10.2005. URL: https://www.ng.ru/cis/2005-10-20/5_mnogovektornost.html.

2 Дискуссия о критериях малых и средних стран выходит за рамки данного выступления. Однако автор рекомендует обратить внимание на публикации: [9, 12].

Третий тип. Данный тип ориентирован на многовекторность диверсификации покупателей природных ресурсов. Страны-экспортеры ресурсов нацелены на разработку альтернативных маршрутов экспорта для увеличения прибыли.

Четвертый тип. Заключительный тип ориентирован на социально-экономическое развитие путем диверсификации инфраструктуры и интеграции в глобальные транспортные маршруты.

Дополнительно к этим типам отмечу пятый и шестой типы многовекторности. Пятый тип ориентирован на достижение целей развития интеллектуального потенциала страны. С этим связана многовекторная научная и образовательная политика государства. При этом возникают риски зависимости от внешних акторов образовательной политики. Шестой тип связан с поиском основ национальной идентичности и обуславливает многовекторную политику исторической памяти.

В такой интерпретации многовекторность открывает следующие возможности для стран:

1. Экономические: инвестиции крупных держав, социально-экономические программы развития, содействие в выходе на международные рынки.

2. Внутривекторные: содействие в решении внутривекторных проблем, урегулирование конфликтов, поддержка отдельных элит, развитие гражданского сектора.

3. Внешневекторные: легитимация режимов, обеспечение безопасности, защита и др.

4. Позиционные: элиты постсоветских стран используют определенные переговорные стратегии с конкурирующими внешними игроками, обеспечивая свое международное позиционирование. Так как их возможности в переговорах ограничены, они пытаются усилить переговорную позицию посредством тактического маневрирования, преследуя свои собственные цели.

Эксперты выделяют такие тактики, как: интернационализация спора (включение третьей силы для защиты от другой силы); угроза перехода в альтернативный лагерь; торговля своей «лояльностью»; провоцирование конфронтации между конкурирующими внешними участниками и др. Однако внешние игроки хорошо понимают стратегические цели малых стран и либо допускают эту игру до определенного момента, либо прекращают ее. Тогда малое государство теряет все преимущества.

В свою очередь, риски и угрозы многовекторности связаны с конкурирующими геополитическими и геоэкономическими интересами крупных игроков (России, ЕС, США, Китая). Политика многовекторности в малых странах – это возможность для крупных игроков продавить свою повестку и установить свое влияние в стране для реализации своих интересов и втягивания стран в свою орбиту. Для этого используются разные инструменты и мотивы. Например, ЕС говорит о возможности евроинтеграции и финансовой помощи в обмен на принятие западных ценностей, целей и принципов. США протаргивают гарантии безопасности в обмен на отмежевание от России.

Россия же интегрирует своих партнеров в двусторонних и многосторонних форматах, обращается к теме «общей зоны цивилизации», «историческому и духов-

ному наследию»³, сложившимся экономическим и хозяйственным связям, стремлениям сделать мир многополюсным. По сути, страны оказываются под разным противоречивым и конкурирующим внешним давлением. Украина стала апогеем этого противостояния.

Что касается других крупных игроков, то Китай предлагает инвестиции и выгоды от проекта «Один пояс – один путь» и идеологии сообщества единой судьбы. Турция секьюритизирует проблематику идентичности, капитализирует идею тюркского мира, усиливает политическое влияние через культурные и экономические тюркские проекты.

Однако для постсоветских стран выбор приоритетного партнера часто мотивирован не схожестью идей, ценностей или глобальных позиций, а стремлением сохранить и стабилизировать собственную власть, стремлением легитимизировать политический режим на внутреннем и внешнем уровне⁴. С этих позиций Россия оказывается более надежным партнером для стран постсоветского пространства.

Многовекторность культурной политики стран Евразии: преимущества и риски в условиях информационного общества (Катагощина М.В.)

За последние 15–20 лет влияние культуры (в широком смысле этого слова) на жизнь современных обществ заметно возросло по всему миру. Международное экспертное сообщество связывает этот процесс с переходом в цифровые формы огромного массива литературных текстов, художественных образов, кино и иных проявлений исторической и современной культуры – как массовой, так и элитарной. Принципиально новый уровень доступности культуры в цифровом формате существенно расширил географические и социальные рамки ее потребления, при этом общий уровень культуры и духовности людей снижается [5]. Развитие культуры приобрело противоречивый характер, определяющийся противоборством традиционных и постмодернистских ценностей [7]. Приметами времени стали также коммерциализация культурно-информационной сферы и развитие так называемых креативных индустрий, активно стимулирующих развитие международного культурного обмена.

Данные процессы достаточно широко охватывают информационное пространство Евразии, в том числе страны, не так давно интегрировавшиеся в глобальную цифровую систему, и выступают стимулом развития многоуровневых и многовекторных интеллектуально-культурных коммуникаций. Эти коммуникации, которые, как и всё, связанное с глобальной информатизацией, содержит в равной степени плюсы

³ Статья Министра иностранных дел России С.В. Лаврова «Россия и мир в XXI веке», опубликованная в журнале «Россия в глобальной политике», № 4, июль-август 2008 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1738219/.

⁴ Схожие модели поведения были характерны для стран «третьего мира» в отношении великих держав. См. подробнее теорию омнибалансирования (omnibalancing) Стивена Дэвида [19].

и минусы, преимущества и риски, в настоящее время становятся заложниками геополитики. Информационные войны, в которые сегодня вовлечены, с одной стороны, коллективный Запад, с другой – Россия и страны СНГ, а также многие другие государства, отстаивающие традиционные ценностные ориентиры, становятся причиной крайне тревожных тенденций в мировой культуре. С одной стороны, культура была и остается незаменимым фактором укрепления мира и сотрудничества. С другой – приходится констатировать, что именно в области культуры и духовности возникают линии конфликтности и различные когнитивные диссонансы, феномены отмены и подмены всемирно значимых культурных ценностей, в том числе при участии сетевых сообществ и искусственного интеллекта.

В условиях все более отчетливо проявляющегося геополитического и цивилизационного разлома происходят изменения во внешней культурной политике России и большинства постсоветских государств: при сохранении принципа многовекторности культурных связей активно формируются новые приоритеты.

Уже достаточно давно термин «цивилизация», в основе которого, так или иначе, находятся представления о культуре, а также производные от него, такие как «цивилизационный код», вышли за рамки академических текстов и были включены в методологический инструментарий государственной политики России и ряда стран Евразии. Акцентирование на историчности, идеях возрождения древних цивилизационных кодов, культурных традиций изначально присутствовало в культурной политике большинства постсоветских государств [13]. Так, в нормативных и публицистических документах Российской Федерации в 2020-е гг. вводится определение России как государства-цивилизации, соединяющего наследие многих народов в уникальную культурно-историческую общность. Концепт «Цивилизация Великой степи» является стержнем культурной политики в Казахстане и Кыргызстане. Причем образы древних кочевых цивилизаций продвигаются обеими странами как международный бренд в искусстве и спорте. Примерами подобной активности являются казахстанский музейный проект «Шествие золотого человека» и Всемирные игры кочевников, проходящие в Киргизской Республике.

Культурная политика современного Узбекистана выстраивает концепцию национального самосознания, обращаясь к истории Центральноазиатского ренессанса IX–XII вв., творчеству суфийских поэтов, личностям Амира Тимура, Мирзо Улугбека и других просвещенных правителей средневекового Востока. Идея просвещенного ислама как основы духовной культуры страны воплощается в Центре исламской цивилизации в Ташкенте. Проектом большой информационной силы стала программа по выявлению культурного наследия Узбекистана в собраниях мира, в рамках которой была осуществлена публикация на нескольких языках первоклассных художественных альбомов и факсимильных изданий памятников письменности, а также проведено несколько крупных международных конгрессов, посвященных культуре Узбекистана⁵.

5 Проект «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира». URL: <https://legacy.uz/>.

Поиску цивилизационной миссии армянского народа посвящены публикации историков и философов современной Армении, неизменно обращенные к историческим корням армянской духовной культуры, армянскому языку и книжности [10].

При этом концепция столкновения цивилизаций сегодня выглядит значительно более актуальной, чем в девяностые годы, когда она была сформулирована. В принятых еще в 2010 г. «Основных направлениях политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» говорилось об усиливающихся попытках расколоть мир по цивилизационному признаку и необходимости усиливать конструктивный потенциал культурной дипломатии⁶.

Глубина ментальных противоречий между современным Западом и миром традиционных цивилизаций выдвигается на первый план в ряде новейших американских и европейских исследований. Так, например, эксперты Британского Королевского института международных отношений (Chatham House), проведя несколько лет назад анализ внешней и внутренней политики России, пришли к выводу о том, что, кто бы ни находился у власти в нашей стране, нормализовать отношения с ней Западу не удастся из-за глубочайшей разницы в целях и ценностях⁷. Такой пессимистичный сценарий, в том числе отказ от опыта нормализации международных отношений между коллективным Западом и СССР, конечно, не может не вызывать тревоги.

Возникает вопрос: может ли в данной ситуации сохраняться и развиваться многовекторность в культуре и культурной политике, учитывая, что многовекторность в данном случае – это синоним открытости, то есть свободы культурного обмена?

Следует подчеркнуть, что открытость была и остается базовым принципом культурной политики России и других постсоветских государств, что отражено в наших национальных законодательствах. Практически все страны Евразии столетиями существовали на перекрестках культурных влияний, каждая по-своему. Так, белорусская культура складывалась в процессе взаимодействия европейских и восточнославянских влияний, самобытность культур Южного Кавказа складывается из неповторимого сплава Востока и Запада и т.д. Кроме того, в дореволюционной России и СССР, а также в постсоветских государствах в силу их полиэтничности сложился уникальный опыт взаимодействия разных культур. Так что многовекторность культуры как способность к диалогу заложена на евразийском пространстве изначально. В Концепции развития национального культурного пространства во всех сферах жизни общества на 2024–2026 гг. Республики Беларусь ставится, в частности, задача сохранения культурного многообразия и открытости к результатам творческой деятельности иных народов, лучшим образцам мировой культуры. Особый акцент на открытости культурной жизни делается в современном Казахстане, что коррелирует

6 Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. 18 декабря 2010 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1751584/.

7 Торин А. Цифровые технологии перед вызовом информационных фальсификаций // Международная жизнь. 16.11.2023. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/43273>.

с «Концепцией целостного и универсального человека («Толық адам»), изложенной в философском учении казахского мыслителя Абая.

Безусловно, сегодняшние процессы в мировой политике ведут к определенному «проседанию» принципа многовекторности внешних культурных связей, во всяком случае, на межгосударственном уровне. Можно также говорить о регионализации культурных пространств, также связанной с геополитическим и духовно-ценностным размежеванием современного мира. Так, в условиях гибридных войн в странах евразийского региона вводятся дополнительные инструменты информационной безопасности. При этом можно констатировать общую для России и ее ближайших партнеров тенденцию включения традиционных культурных и духовных ценностей в число факторов обеспечения государственного суверенитета и национальной безопасности. Сегодня в России и странах СНГ действует целый ряд установлений соответствующей тематики. Это, в частности, «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», «Национальная программа о сохранении и развитии национальных традиций на 2022–2027 годы» в Кыргызской Республике. Продвижение традиционных культурных ценностей и религий призвано противостоять угрозам международного терроризма и экстремизма, а также чужеродным влияниям, которые рассматриваются как угроза культурному суверенитету. В этой связи актуализируются меры в области обеспечения странами СНГ цифрового суверенитета⁸.

При этом сближение ценностных духовно-культурных ориентиров может выступать стимулом для активизации международных культурных связей между постсоветскими странами. Платформами развития внутренних культурных коммуникаций в рамках СНГ выступают русский язык, применение которого в интеллектуальной сфере остается на высоком уровне, несмотря на общую тенденцию к сокращению, многоплановые межличностные связи граждан стран Содружества. 16–19 сентября 2024 г. в Уфе состоялся XVII Форум творческой и научной интеллигенции стран СНГ «Содружество Независимых Государств: общие ценности и многообразие культур». В принятой его участниками резолюции, в частности, предлагается: «Наряду с сотрудничеством на федеральном и национальном уровне развивать прямые горизонтальные связи между учреждениями и организациями культуры, искусства, художественного образования и творчества различных регионов стран Содружества», а также «признать необходимым изучение и последующее совместное использование возможностей образовательных цифровых платформ государств – участников СНГ с целью формирования общих научного и образовательного пространств»⁹.

Необходимо отметить, что цифровизация культуры во многом выводит ее за пределы государственного регулирования и культурной политики. Государственные просветительские ресурсы, как, например, ценный проект «Виртуальные музеи

8 Елена Зиновьева: Гибридное воздействие цифровых технологий может подорвать цивилизационный код / Педанов Е. // Международная жизнь. 16.11.2023. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/43282>.

9 Завершил работу Форум творческой и научной интеллигенции СНГ. URL: <https://mfgs-sng.org/forum/forum-news/zavershil-rabotu-forum-tvorcheskoj-i-nauchnoj-intelligencii-sng/>.

СНГ», размещенный на одном из порталов Исполнительного комитета Содружества¹⁰, существуют на равных с социальными сетями, блогерами и сообществами. При этом большое позитивное впечатление производят историко-культурные порталы, которые действуют в русскоязычном Интернете на евразийском пространстве и выступают хранителями общей исторической памяти. В качестве примеров можно привести историко-познавательную интернет-группу «Тифлис и армяне», которая на сегодня насчитывает более 38 тыс. участников, официальный сайт движения «Бессмертный полк» в Душанбе, краеведческий сайт «Наш Баку», где помимо материалов по истории и культуре древнего города, размещаются материалы о бакинцах – участниках Великой Отечественной войны. Вышеназванные и многие другие сообщества, как правило, носят международный характер, поддерживая связи между метрополиями и диаспорами стран СНГ, а также общение между поколениями. Подобные сегменты русскоязычной сети смягчают характерное для современного мира «размывание традиционных интегративных функций культуры»¹¹.

Помимо информационных угроз идеологического и криминального характера, информационное пространство Евразии сталкивается сегодня с культурными вызовами глобального характера, связанными с искусственным интеллектом. Негативному влиянию цифровых технологий на сферу культуры большое внимание уделяется ЮНЕСКО, эксперты которой неоднократно отмечали участие искусственного интеллекта в создании исторических фейков и искажении художественных образов, перспективы девальвации творческого труда человека¹².

В ценностный багаж науки, образования и культуры постсоветских государств входит все богатство мировой литературы, искусства, достижений гуманитарного знания, но определенные компоненты сегодня исчезают или искажаются. В сочетании с парадоксом отмены русской культуры, который неизбежно затрагивает и культурное наследие стран СНГ, связанное с русским языком и классическим музыкально-театральным искусством, сегодня существует общий для народов Евразии культурный информационный и политический вызов. Представляется возможным говорить о том, что Россия и другие постсоветские государства вольно или невольно принимают на себя глобальную культурную миссию – сохранение мирового культурного наследия, от которого пытается отказаться коллективный Запад. Для выполнения данной задачи мы обладаем достаточно мощной инфраструктурой в виде крупных национальных библиотек, архивов и других центров хранения информации, в том числе электронной, а также социальными ресурсами в лице творческой интеллигенции, ученых, педагогов, являющихся носителями традиционного отношения к мировой культуре и искусству.

10 Виртуальные музеи СНГ. URL: <https://cis.minsk.by/museums>.

11 Громогласова Е. Риски культурной глобализации через призму семиотики культуры. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/missiya-vypolnima-kulturnaya-politika-i-diplomatiya-rossii-v-globalnom-mire/>.

12 Искусственный интеллект в аудиовизуальной индустрии – дискуссия ЮНЕСКО на высоком уровне. URL: <https://news.fidller.com/2023/10/31/iskusstvennyy-intellekt-v-audiovizualnoy-industrii-diskussiya-yunesko-na-vysokom-urovne/>.

Многовекторность – путь к успеху или риск? (Кузьменко Е.А.)

Несмотря на ассоциированность и ощутимую связь своего внешнеполитического веса с Российской Федерацией, уже с начала 2000-х гг. страны СНГ стали демонстрировать мультивекторный подход в выстраивании двусторонних и многосторонних отношений с другими странами, формулируя в стратегических документах основные идеологемы многовекторности и раскрывая их политическое содержание («Политика открытых дверей» в Таджикистане, комплементаризм в Армении, постоянный нейтралитет Туркменистана, дипломатия Шелкового пути Кыргызстана и новое евразийство) [4, с. 63]. Более того, признаком многовекторности «на опережение» стало не только наличие мультипартнерских установок в стратегических документах, но и отсутствие таковых. Так, четкой концепции внешней политики не имеют такие страны, как Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия. Данные страны поддерживают комфортный люфт во внешнеполитическом курсе и предпочитают не документировать официально иерархию основных внешнеполитических партнеров [4, с. 65]. Симптоматично, что, наряду с установлением двусторонних межгосударственных связей и партнерства в рамках различных интеграционных объединений, такие страны, как Азербайджан, Беларусь, Туркменистан, Узбекистан, вступили также в ряды членов Движения неприсоединения, которое в 1998–2012 гг. провозгласило в качестве основной задачи искоренение бедности в странах «третьего мира» [6, с. 19], нивелировав, таким образом, свою контрбиполярную идентичность.

В политическом нарративе многовекторность противопоставляется узкоориентированной внешней политике и позиционируется как политика дружественности, сбалансированности и прагматизма по всем геополитическим направлениям без выделения приоритетного. Страновые эксперты-политологи и государственные деятели придерживаются преимущественно положительного мнения в политических оценках многовекторности внешней политики государств СНГ на рубеже XX–XXI вв. Так, А.Акаев (Президент Кыргызской Республики в 1991–2005 гг.) в своем интервью научному журналу «Современная Европа» интерпретирует многовекторность как «естественное» положение дел в Кыргызстане, при котором отсутствуют противопоставления России и Запада, евразийства и европеизма, ЕвразЭС и Евросоюза [1, с. 9–10]. Количество же научных статей представителей академического сообщества стран СНГ, посвященных апологии многовекторности как важнейшей опоры политической элиты при строительстве национального государства, более чем внушительно [2; 3; 16].

Многовекторность, практикуемая как в реальном политическом пространстве, так и в информационном поле, становится политическим дискурсом, сформулированным таким образом, чтобы подчеркнуть самостоятельность, субъектность и суверенность страны в принятии внешнеполитических решений, аксиологическая сторона которых связана с укреплением национального благосостояния. Так, в политологическом ракурсе уже упомянутый комплементаризм Республики Армения подразумевает политическую модель поведения государства, ориентированную на равную удаленность от всех центров силы. Политика государства при этом барражи-

рует на уровне своеобразной игры на повышение ставок в ожидании выбора более удачного и выгодного партнера (субъекта или объекта) по интегрированию.

Тем не менее у такого подхода к внешнеполитическим отношениям с другими акторами имеются не только преимущества, но и риски. Страны среднего порядка при таком соотношении сил могут попасть в положение ведомых и управляемых, стать объектами внешнеполитических амбиций третьих стран.

Основные черты стратегии Евросоюза в отношении государств Центральной Азии на современном этапе (Шейн С.А.)

Множественные кризисы Европейского союза сокращают возможности его адаптации к поляризации международной среды и росту влияния Азии. Снижение экономической привлекательности объединения, растущие разделительные линии между Западной и Восточной Европой, нерешенность миграционных проблем – долгосрочные тренды, которые усугубляют ситуацию. Парадоксально, но это не приводит к концентрации ЕС на решении внутренних проблем, а напротив, подталкивает Брюссель к активизации на внешнеполитическом треке и геополитизации объединения для решения проблем внутреннего развития и внутренней консолидации.

Несмотря на географическую удаленность региона Центральной Азии и слабую заинтересованность европейского бизнеса в нем, Брюссель пытается активизировать свое присутствие в регионе.

Во-первых, внимание к странам Центральной Азии соответствует логике ЕС по повышению стрессоустойчивости своих международных партнеров¹³ для купирования риска «экспорта» проблем в области безопасности на территорию ЕС. В случае Центральной Азии основной угрозой выступает наркотрафик и транзит террористических группировок из Афганистана в Европу.

Во-вторых, вместе с усилением конфликтного характера взаимоотношений России и Запада (с 2014 г.), а затем переходом к «санкционной войне» Запада с РФ (с 2022 г.) ЕС стал рассматривать Центральную Азию с точки зрения «территории для обхода» санкционных ограничений для РФ, а также в качестве «площадки», где Брюссель смог бы построить инфраструктуру межрегионального экономического сотрудничества в рамках проекта «Глобальные ворота», которая исключала бы Россию. Именно второй подход становится доминирующим в восприятии стран Центральной Азии со стороны Брюсселя.

Несмотря на широкий спектр инструментов ЕС для работы в регионе, таких как стабильная сеть политических консультаций на уровне глав государств и министерств, деятельность Европейского инвестиционного банка, обширные гуманитарные и образовательные проекты (ERASMUS, Horizon 2020), зачастую в экспертной среде ЕС в Центральной Азии оценивается как «донор без влияния»¹⁴, проигрывающий

¹³ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe – A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy // EEAS. 28.06.2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf.

¹⁴ Пейруз С. Донор без влияния: Европейский союз в Средней Азии // Ponars Eurasia. 02.09.2017. URL: <https://www.ponarseurasia.org/9359/>.

с точки зрения «конкурентности» предложения центральноазиатским государствам внерегиональным акторам (России, Китаю, США, даже Турции) [8].

На этом фоне активность ЕС в регионе в контексте украинского кризиса позволяет сформулировать ряд тенденций, которые характеризуют внешнюю политику Брюсселя на указанном направлении.

Во-первых, в последние два года внешняя политика Европейского союза в отношении Центральной Азии испытывает влияние секьюритизации энергетической проблематики Брюсселем вследствие украинского кризиса. Центральная Азия все больше рассматривается ЕС с точки зрения возможностей диверсифицировать свои риски в области энергетической безопасности [14]. Инструментом вовлечения стран данного региона в орбиту «зеленого курса» Евросоюза стал проект «Устойчивые энергетические связи в Центральной Азии» (SECCA). Указанный проект направлен на продвижение устойчивого энергетического баланса в регионе на основе практик ЕС по переходу к устойчивой энергетической системе, увеличение инвестиций и энергопотенциала¹⁵.

С 2023 г. Европейский союз во взаимодействии со странами региона фокусируется на интеграции центральноазиатской стратегии в свой масштабный проект «Глобальные ворота», предполагающей «усиление связности» ЕС и Центральной Азии через инфраструктурные проекты, в том числе и в области энергетики¹⁶. Так, в рамках Дорожной карты 2023 г. по углублению взаимоотношений центральноазиатских государств с ЕС предполагается сближение транспортной инфраструктуры стран Центральной Азии с Трансевропейской транспортной сетью (TEN-T), разработка критических сырьевых материалов, финансирование «зеленых» проектов в регионе и т.д.¹⁷

Во-вторых, явной тенденцией последних лет стало применение со стороны ЕС в отношении Центральной Азии негативных экономических стимулов. Использование инструмента вторичных санкций в отношении бизнеса из стран данного региона, активно сотрудничавшего с российскими компаниями, нашло яркое отражение в 11-м пакете санкций Евросоюза в июне 2023 г., а также в последующих пакетах. Более того, Высокий представитель по иностранным делам и политике безопасности ЕС Ж.Борель в 2024 г. на инвестиционном транспортном форуме Европейского союза и стран Центральной Азии открыто заявил, что ЕС «внимательно следит за торговлей между нами, <...> центральноазиатскими партнерами и Россией, анализирует, какие механизмы позволяют обходить санкции»¹⁸.

15 Новый проект Европейского Союза по развитию устойчивой энергетики в Центральной Азии // Представительство Европейского Союза в Республике Казахстан. 17.11.2022. URL: <https://www.eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/новый-проект-европейского-союза-по-развитию-устойчивой-энергетики-в-ru?s=222>.

16 Евросоюз хочет превратить Центральную Азию в арену противостояния с Россией // Евразия. Эксперт. 06.02.2024. URL: <https://eurasia.expert/evrosoyuz-khochet-prevratit-tsentrlnuuy-aziyu-v-arenu-protivostoyaniya-s-rossiey/>.

17 Главы МИД Центральной Азии и Европейского Союза впервые провели полноформатную встречу // Министерство иностранных дел Республики Казахстан. 24.10.2023. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/641029?lang=ru>.

18 Ключевой партнер: ЕС решил активно сближаться со странами Центральной Азии // Известия. 01.02.2024. URL: <https://iz.ru/1642784/ksenii-loginova/kliuchevoi-partner-es-reshil-aktivno-sblizitsia-so-stranami-tcentralnoi-azii>.

В-третьих, на фоне повышенного внимания Евросоюза к Центральной Азии в контексте украинского конфликта его внешнеполитическая стратегия не стала более детализированной и проработанной. ЕС пытается распространять свой опыт регионального сотрудничества для «пятерки» стран Центральной Азии, но при этом использовать нормативный подход к политическим процессам в странах данного региона и уделять достаточно серьезное внимание финансированию некоммерческих организаций¹⁹. Вместе с тем Брюссель придерживается скорее шаблонных подходов к оценке развития стран Центральной Азии, в недостаточной степени учитывает региональное многообразие, а также зачастую демонстрирует отсутствие экспертного знания относительно региона.

Таким образом, все вышеперечисленное может стать барьером для восприятия Европейского союза как эффективного и предсказуемого партнера странами региона и будет работать на сохранение образа объединения как «донора без влияния» в Центральной Азии в долгосрочной перспективе. Стоит также отметить, что в ходе работы нового состава Европейской комиссии в 2024–2029 гг. следует ожидать продолжения санкционного давления в отношении бизнеса из стран Центральной Азии, который сотрудничает с Россией; активизации визитов европейских лидеров, чиновников и дипломатов в страны данного региона с целью оказать давление на руководство государств региона по вопросу поддержки антироссийских санкций. Выбрав путь геополитизации объединения, Европейский союз будет активнее втягиваться в конкуренцию с другими центрами силы в регионе (речь в первую очередь идет о России), что будет снижать эффективность его центральноазиатской стратегии.

Обсуждение результатов

Страны постсоветского пространства, участвующие в евразийском интеграционном процессе, являются мир-образующим, самодостаточным сообществом, которое имеет огромный потенциал развития как национальной, так и коллективной культурной политики и формирования разнообразных векторов международных культурных коммуникаций.

Многовекторность внешних культурных коммуникаций стран Евразии может и должна способствовать закреплению и продвижению культурного многообразия и духовного богатства человечества. Стремительный рост информационных технологий одновременно упрощает эти задачи и создает множество рисков, значительная часть которых связана с противоборством ценностных систем, противостоянием невежества и знания, доброй и злой воли.

19 Основы сотрудничества ЕС – Центральная Азия // EEAS. 29.09.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/основы-сотрудничества-ес-центральная-азия_ru.

Выводы

Таким образом, политика неподкрепленной многовекторности в актуальных международных условиях для постсоветских стран практически не реальна. Такая политика способствует тому, что страна становится зоной конкуренции внешних сил и создает благоприятные условия для внутривекторных дестабилизаций с внешним участием. Возникает вопрос: можно ли сохранить многовекторность в таких условиях? Ответом служит – да, может, но в относительно благоприятной для этого международной среде. К тому же для продуктивной многовекторности и балансирования требуются большие усилия и ресурсы внутри страны, большой опыт международного участия, что только сейчас начинает осознаваться элитами постсоветских стран.

Современная международная ситуация вынуждает страны Евразийского региона более четко определять свою внешнеполитическую позицию. При этом сфера культуры в большей степени, по сравнению с другими направлениями внешних связей, способна сохранять свою подлинную многовекторность, как часть общественной дипломатии и межличностных коммуникаций. Кроме того, существуют достаточно широкие возможности развития традиционных и цифровых форм международного культурного взаимодействия внутри постсоветского пространства. Их сохранение и потенциал роста обусловлены историческим опытом и близостью цивилизационных ценностей евразийских стран. Роль Российской Федерации может заключаться в интенсификации усилий по поддержке традиционных культурных ценностей и религий, противостоянию угрозам международного терроризма и экстремизма и другим вызовам духовному суверенитету.

Список литературы

1. Акаев А. Новое понимание евразийства [A new understanding of Eurasianism] // Современная Европа. 2001. № 1(5). С. 7–13.
2. Большаков А.Г. Многовекторность внешней политики Киргизии в контексте изменения конфликтности на постсоветском пространстве [The multi-vector nature of Kyrgyzstan's foreign policy in the context of changing conflict in the post-Soviet space] // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. № 2(6). С. 99–115.
3. Галоян Н.Г. Формирование внешнеполитических принципов Армении и Грузии после распада СССР [Formation of the foreign policy principles of Armenia and Georgia after the collapse of the USSR] // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 1. С. 94–106.
4. Дегтерев Д.А., Василюк И.П., Баум В.В. Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ [Multiplexity Parameters of the CIS Policy: Applied Analysis] // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 63–75. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-63-75>.
5. Добренчиков В.И. Глобализация духовности [Globalization of Spirituality]. М.: Академический Проект, 2019. 589 с.
6. Крылов С.А. 50 лет движению неприсоединения: итоги и перспективы [50 years of the Non-Aligned Movement: results and prospects] // Вестник МГИМО Университета. Политологические науки. 2012. № 3. С. 17–25.
7. Макаревич Э.Ф., Карпунин О.И. Культура информационного общества: противостояние традиций и постмодерна [The Culture of the Information Society: Confrontation of Traditions and Postmodernism] // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 3. С. 12–20.

8. Малышева Д.Б. Европейский союз в Центральной Азии [The European Union in Central Asia] // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 2. С. 54–63.
9. Межевич Н.М., Шимов В.В. Концепция многовекторности в системе внешнеполитических практик «средней страны» (на примере Беларуси) [The Concept of Multi-Vectorality in the System of Foreign Policy Practices of an "Average Country" (on the Example of Belarus)] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 436–450. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.406>.
10. Мирумьян Р.А. Армянская модель национального просвещения (образования и воспитания) как механизм сохранения культурной самобытности нации: от язычества до раннего средневековья (политико-философский аспект) [The Armenian model of national enlightenment (education and upbringing) as a mechanism for preserving the cultural identity of the nation: from paganism to the early Middle Ages (political and philosophical aspect)] // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета (Серия: Гуманитарные и общественные науки). 2024. № 2. С. 13–42.
11. Нейман фон Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение [Theory of games and economic behavior] / Пер. с англ. Н.Н.Воробьева. М.: «Наука», 1976.
12. Скриба А.С. Балансирование малых и средних государств [Balancing small and medium-sized states] // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 4. С. 88–100.
13. Спирина М.Ю. Традиционные ценности и евразийская культура [Traditional values and Eurasian culture] // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. 2022. № 11. С. 39–43.
14. Трещенков Е.Ю. Регион Центральной Азии в политике Европейского союза [The Central Asian region in the policy of the European Union] // Современная Европа. 2022. № 1. С. 184–195.
15. Харшанья Я., Зельтен Р. Общая теория выбора равновесия в играх [A General Theory of Equilibrium Selection in Games] / Пер. с англ. Ю.М.Донца, Н.А.Зенкевича, Л.А.Петросяна, А.Е.Лукьяновой, В.В.Должикова, под ред. Н.Е.Зенкевича. СПб.: Экономическая школа, 2001. 424 с.
16. Шадурский В.Г. Формирование концептуальных основ внешней политики Республики Беларусь (1991–2011) [Formation of the conceptual foundations of the foreign policy of the Republic of Belarus (1991–2011)] // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2011. № 3. С. 31–36.
17. Шеллинг Т. Микромотивы и макровыбор [Micromotives and Macrobehavior]. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 344 с.
18. Contessi N. Foreign and Security Policy Diversification in Eurasia: Issue Splitting, Co-alignment, and Relational Power // Problems of Post-Communism. 62(5):299-311. <https://doi.org/10.1080/10758216.2015.1026788>. URL: https://www.researchgate.net/publication/282803714_Foreign_and_Security_Policy_Diversification_in_Eurasia_Issue_Splitting_Co-alignment_and_Relational_Power.
19. David S. Explaining Third World Alignment // World Politics. 1991. № 2. P. 233–256.

Информация об авторах

КАТАГОЩИНА Мария Всеволодовна. Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Института евразийских и межрегиональных исследований Российского государственного гуманитарного университета. <https://orcid.org/0009-0005-5531-7739>. Адрес: Российская Федерация, 125047, г. Москва, Миусская пл., 6. marya.katagoshchina@yandex.ru

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Профессор. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Адрес: Российская Федерация, 119571, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. komleva@nicrus.ru

КУЗЬМЕНКО Елена Алексеевна. Кандидат исторических наук. Директор Центра исследований международных гуманитарных коммуникаций Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>. Адрес: Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. kuzmenko_elal@pfur.ru

ШЕЙН Сергей Александрович. Кандидат политических наук. Академический директор Аспирантской школы по международным отношениям и зарубежным региональным исследованиям, старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». <https://orcid.org/0000-0001-9749-9116>. Адрес: Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20. sshein@hse.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 22 октября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 10 ноября 2024 г. Принята к публикации: 30 ноября 2024 г. Опубликовано: 4 декабря 2024 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Akaev A. A new understanding of Eurasianism. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe]. 2001; 1(5):7–13 [In Russian].
2. Bolshakov A.G. The multi-vector nature of Kyrgyzstan's foreign policy in the context of changing conflict in the post-Soviet space. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEX* [Political expertise: POLITEX]. 2010; 2(6):99–115 [In Russian].
3. Galoyan N.G. Formation of the foreign policy principles of Armenia and Georgia after the collapse of the USSR. *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet studies]. 2018; 1(1):94–106 [In Russian].
4. Degterev D.A., Vasilyuk I.P., Baum V.V. Multiplexity Parameters of the CIS Policy: Applied Analysis. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations]. 2018; 62(3):63–75 [In Russian]. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-63-75>.
5. Dobrenkov V.I. Globalization of Spirituality. Moscow: *Academicheskii Proekt*, 2019:589 [In Russian].
6. Krylov S.A. 50 years of the Non-Aligned Movement: results and prospects. *Vestnik MGIMO Universiteta. Politologicheskie nauki* [Bulletin of MGIMO University. Political science]. 2012; 3:17–25 [In Russian].
7. Makarevich E.F., Karpushin O.I. The Culture of the Information Society: Confrontation of Traditions and Postmodernism. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya* [Horizons of Humanitarian Knowledge]. 2020; 3:12–20 [In Russian].
8. Malysheva D.B. The European Union in Central Asia. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and the New States of Eurasia]. 2018; 2:54–63 [In Russian].
9. Mezhevich N.M., Shimov V.V. The Concept of Multi-Vectorality in the System of Foreign Policy Practices of an "Average Country" (on the Example of Belarus). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. International Relations]. 2022; 15(4):436–450 [In Russian]. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.406>.
10. Mirumyan R.A. The Armenian model of national enlightenment (education and upbringing) as a mechanism for preserving the cultural identity of the nation. from paganism to the early Middle Ages (political and philosophical aspect). *Vestnik Rossijsko-Armyanskogo (Slavyanskogo) universiteta (seriya: gumanitarnye i obshchestvennye nauki)* [Bulletin of the Russian-Armenian (Slavic) University (series: humanitarian and social sciences)]. 2024; 2:13–42 [In Russian].
11. Neumann von J., Morgenstern O. Theory of games and economic behavior / Translated from English by N.N. Vorobyova. Moscow: Nauka, 1976 [In Russian].
12. Skriba A.S. Balancing small and medium-sized states. *Mezhdunarodnye processy* [International processes]. 2014; 12(4):88–100 [In Russian].
13. Spirina M.Yu. Traditional values and Eurasian culture. *Evraziystvo: teoreticheskij potencial i prakticheskie prilozheniya* [Eurasianism: theoretical potential and practical applications]. 2022; 11:39–43 [In Russian].

14. Treshchenkov E.Yu. The Central Asian region in the policy of the European Union. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe]. 2022; 1:184–195 [In Russian].
15. Harsanyi J., Selten R. A General Theory of Equilibrium Selection in Games / Translated from English. Yu.M.Donts, N.A.Zenkevich, L.A.Petrosyan, A.E.Lukyanova, V.V.Dolzhikov edited by N.E.Zenkevich. St. Petersburg: Economic School, 2001:424 [In Russian].
16. Shadurskiy V.G. Formation of the conceptual foundations of the foreign policy of the Republic of Belarus. *Vesnik balaruskaga dzhyarzhavnogo universiteta* [Bulletin of the Belarusian State University]. 2011; 3:31–36 [In Russian].
17. Schelling T. *Micromotives and Macrobehavior*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2016:344 [In Russian].
18. Contessi N. Foreign and Security Policy Diversification in Eurasia: Issue Splitting, Co-alignment, and Relational Power. *Problems of Post-Communism*. 62(5):299–311 [In English]. <https://doi.org/10.1080/10758216.2015.1026788>. Available at: https://www.researchgate.net/publication/282803714_Foreign_and_Security_Policy_Diversification_in_Eurasia_Issue_Splitting_Co-alignment_and_Relational_Power.
19. David S. Explaining Third World Alignment. *World Politics*. 1991; 2:233–256 [In English].

About the authors

Marya V. KATAGOSHCHINA. CandSc. (Hist.). Senior Researcher at the Institute of Eurasian and Interregional Studies, Russian State University for the Humanities. <https://orcid.org/0009-0005-5531-7739>. Address: 6, Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russian Federation. marya.katagoshina@yandex.ru

Valentina V. KOMLEVA. DSc. (Sociol.). Professor. Deputy Director for Scientific Work, National Research Institute for the Communications Development. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Address: building 1, 22, Korobeynikov lane, Moscow, 119571, Russian Federation. komleva@nicrus.ru

Elena A. KUZMENKO. CandSc. (Hist.). Director of the Center for Research on International Humanitarian Communications, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba. <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>. Address: 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation. kuzmenko_elal@pfur.ru

Sergei A. SHEIN. CandSc. (Polit.). Research Fellow at Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University "Higher School of Economics" <https://orcid.org/0000-0001-9749-9116>. Address: 20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation. sshein@hse.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: October 22, 2024. Approved after review: November 10, 2024. Accepted for publication: November 30, 2024. Published: December 4, 2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы. Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes, Political Sociology

Уязвимым местом является слабость институциональной базы единой научной политики и отсутствие четко определенных актуальных стратегических приоритетов и целей развития научной сферы, а также тактики и ресурсной базы для их достижения.

Комлева В.В.

Интеллектуальный потенциал Кыргызстана

Гибридизация религиозных институтов (наделение их новыми характеристиками, присущими доминантным либо комплементарным институтам в институциональной матрице) является одним из индикаторов духовно-нравственного кризиса и механизмов его преодоления.

Барахвостов П.А.

Гибридизация религиозных институтов как индикатор духовно-нравственного кризиса

Для преодоления угрозы нужно ориентироваться на повышение социальных и профессиональных связей людей (так манипуляции лучше видны и им проще сопротивляться) и выработку терпимости к неудачам (так формируется устойчивость), снижающей предрасположенность к саморазрушающему поведению и принятию манипуляций.

Базавлук С.В., Ковалев А.А.

Борьба с манипулированием и поощрением деструктивного поведения как элемент политико-правовой культуры

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Интеллектуальный потенциал Кыргызстана

Валентина Вячеславовна Комлева✉

Национальный исследовательский институт развития

коммуникаций, Москва, Россия

komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984.ru>

Аннотация. Статья содержит исследование интеллектуального потенциала Кыргызстана и выводы о его состоянии и возможностях развития. Автор предлагает методику анализа интеллектуального потенциала по пяти группам критериев: стандартные показатели международных рейтингов и индексов (индекс развития человеческого потенциала, индекс инновационного развития, индекс Хирша); состояние социокультурной среды развития интеллектуального потенциала; состояние образовательной инфраструктуры для развития интеллектуального потенциала; уровень научного импульса (наличие научной инфраструктуры и научного сообщества, научной элиты); государственная поддержка науки (расходы на НИОКР, государственные стратегии развития науки и образования). На основе анализа массива статистических данных и государственных документов выявляются наиболее уязвимые места развития интеллектуального потенциала страны: недостаточность среды развития интеллектуального потенциала, недостаточного научного импульса, потребность в повышении доступности и качества образовательной инфраструктуры, потребность в создании условий и возможностей для воспроизводства и развития интеллектуальной элиты, в частности научной элиты страны. Делается вывод, что Кыргызстан еще не сформировал институциональные основы единой научной политики, которые способствовали бы решению задач инновационного развития страны и обеспечения ее научно-технологического суверенитета.

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал, интеллектуальная элита, научная элита, образование, научный суверенитет, рейтинг университетов, инновационное развитие, наука, Кыргызстан

Для цитирования: Комлева В.В. Интеллектуальный потенциал Кыргызстана // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 126-150, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-126-150](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-126-150)

Intellectual Potential of Kyrgyzstan

Valentina V. Komleva✉

National Research Institute for the Communications Development, Moscow, Russia

komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984.ru>

Abstract. The article is a study of the intellectual potential of Kyrgyzstan, its state and development opportunities. The author proposes a methodology for analyzing intellectual potential based on five groups of criteria: standard indicators of international rankings and indices (human development index, innovative development index, Hirsch index); the state of the socio-cultural environment for the development of intellectual potential; the state of the educational infrastructure for the development of intellectual potential; the level of scientific impetus (the presence of scientific infrastructure and scientific community, scientific elite); state support for science (expenditures on scientific research and development work, state strategies for the development of science and education). Based on the analysis of statistical data and government documents, the most vulnerable areas of the development of the country's intellectual potential are identified: insufficient environment for the development of intellectual potential, insufficient scientific impetus, insufficient availability and quality of educational infrastructure, insufficient conditions and opportunities for the reproduction and development of the intellectual elite, in particular the scientific elite of the country. It is concluded that Kyrgyzstan has not yet formed the institutional foundations of a unified scientific policy that would contribute to solving the problems of innovative development of the country and ensuring its scientific and technological sovereignty.

Keywords: intellectual potential, intellectual elite, scientific elite, education, scientific sovereignty, university ranking, innovative development, science, Kyrgyzstan

For citation: Komleva V.V. Intellectual Potential of Kyrgyzstan. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 4(14): 126-150, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-126-150](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-126-150)

Введение

Интеллектуальный потенциал страны является критически значимым условием ее суверенности и международной конкурентоспособности. С развитием интеллектуального потенциала связаны достижение стратегических целей страны, ее способность к инновационному развитию. Россия, имея в лице Кыргызстана стратегического партнера и союзника по широкому спектру отношений, заинтересована в развитии интеллектуального потенциала Кыргызстана. От этого потенциала напрямую зависит не только качество двусторонних российско-кыргызских отношений, но и качественное развитие коллективного потенциала таких форматов, как СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС. С этих позиций оценка и прогнозы развития интеллектуального потенциала Кыргызстана является актуальной научно-практической задачей как для российских исследователей, так и для исследователей других стран, заинтересованных в диагностике региональных и международных процессов.

В Концепции развития образования в Кыргызской Республике отмечается важность научно-технической политики для устойчивого развития страны. В то же время признается, что «в настоящее время в Кыргызской Республике сфера науки не получает от государства большой помощи, поэтому влияние науки на производство практически не ощущается»¹. Проблема усугубляется отсутствием четко определенных научных направлений, способных влиять на развитие экономики, минимальным финансированием науки, отсутствием научных исследований, «поднимающих региональные проблемы на мировой уровень», низким уровнем внедрения результатов НИР в практику, неинтегрированностью ступеней научных знаний «в систему мировой науки»².

К 2030 г. в Кыргызстане планируется решение указанных проблем, а также проведение единой научной политики, поддержка научных исследований со стороны государства и создание современной инфраструктуры для научных исследований («Научные исследования будут проводиться на базе современных лабораторий, технопарков»³). Вместе с тем, несмотря на существование закона от 16 июня 2017 г. № 103 «О науке и об основах государственной научно-технической политики» в Кыргызстане пока не сформированы институциональные основы единой научной политики, которые способствовали бы решению актуальных задач страны, не определены ресурсы достижения поставленных целей, не принята Концепция развития науки Кыргызской Республики, проект которой размещен в открытом доступе⁴. При необеспеченности научной политики вряд ли удастся реализовать задачу обучения в вузах «в сочетании с научными исследованиями, что приведет к многогран-

ности обучения («кембриджский феномен» вузов, состоящий из 3–4 поколений)»⁵. К числу проблемных зон отнесем и невысокий индекс доверия населения Министерству образования и науки. За I полугодие 2024 г. этот индекс составил 35,1%⁶. Иными словами, в Кыргызстане еще предстоит большая работа по сохранению и развитию интеллектуального потенциала. Вышеназванные проблемы усугубляются интеллектуальной миграцией из Кыргызстана, которая, очевидно, есть, но не является предметом специального изучения (кроме образовательной миграции). Кыргызстан сталкивается с дефицитом квалифицированных специалистов в сфере образования, науки, промышленности.

Данная статья посвящена анализу развития интеллектуального потенциала Кыргызстана, в котором особое внимание уделяется научной элите страны.

Материалы и методы

Методологическую базу исследования составили теории общества знаний (П. Друкер, Ф. Махлуп, Д. Белл, Р. Лэйн, Н. Стер и др.). В ходе исследования был проведен критический анализ российских и зарубежных исследований в области интеллектуального потенциала, интеллектуальной элиты и научной элиты.

Эмпирическую базу составили данные Национального статистического комитета Кыргызской Республики, нормативные правовые акты и документы стратегического и программного характера в области науки и образования. Следует отметить отсутствие специальных документов в области научной политики, а также недостаточность открытых статистических данных о состоянии научной сферы Кыргызстана. На сайте Национального статистического комитета хорошо представлены данные в разделе «Образование и культура», но нет самостоятельного раздела «Наука»⁷. В Кыргызстане нет центра анализа состояния науки и научного сообщества, как в России (например, Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ⁸), чьи материалы могли бы быть использованы в исследованиях. Это несколько затруднило анализ интеллектуального потенциала страны, однако существенно не повлияло на решение поставленной задачи. Дополнительная информация черпалась в опубликованных интервью официальных лиц, отчетах государственных учреждений, материалах, размещенных на сайтах научных и образовательных организаций.

5 Концепция развития образования в Кыргызской Республике в 2021–2023 гг. URL: <https://edu.gov.kg/media/files/118d4b79-d6ea-4648-9c1c-56280444e7fd.pdf>.

6 Индекс доверия населения за I полугодие 2024 г. (Приложение I: Графики) // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/index-doveriya-naseleniya/>.

7 Образование и культура. Динамические таблицы // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://www.stat.gov.kg/ru/statistics/obrazovanie/>.

8 Индикаторы науки: 2024. URL: <https://issek.hse.ru/news/906819199.html>; Научно-техническая политика: глобальные тренды и практики. URL: <https://issek.hse.ru/news/902823763.html>.

1 Концепция развития образования в Кыргызской Республике в 2021–2030 гг. URL: <https://edu.gov.kg/media/files/118d4b79-d6ea-4648-9c1c-56280444e7fd.pdf>.

2 Там же.

3 Там же.

4 Концепция развития науки Кыргызской Республики до 2026 года (проект) URL: <https://igip.naskr.kg/konczepczija-razvitiya-nauki-kyrgyzskoj-respubliki-do-2026-goda-proekt/>.

В исследовании применялись общенаучные методы, а также методы анализа документов и статистического анализа.

Результаты исследования

Оценка интеллектуального потенциала Кыргызстана

Интеллектуальный потенциал считается интегративным понятием, объединяющим «все виды интеллектуальной деятельности и субъектов данной деятельности, а также культуру, науку, образование, инновации, которые создаются системой непрерывного образования» [36]. Обобщение ряда подходов к анализу и оценке интеллектуального потенциала [5; 8; 10–13; 18; 21; 24–26; 28–30; 33] позволило определить интеллектуальный потенциал как комплекс возможностей, условий, ресурсов, средств и одновременно результатов их использования для решения задач инновационного развития страны, получения наукоемкой продукции, материалов, творчества и в итоге – обеспечения научно-технологического суверенитета и международной конкурентоспособности страны. Интеллектуальный потенциал проявляется в способности накапливать, использовать и воспроизводить новые знания и интеллектуальную элиту. Знания в условиях быстрых изменений и ускорения процессов общественного развития выступают главным фактором, ресурсом и источником роста и повышения конкурентоспособности. Обмен, использование и распространение знаний становятся главным направлением инновационного развития страны.

Основным носителем интеллектуального потенциала является интеллектуальная элита. Исследования интеллектуальной элиты достаточно многочисленны и берут свое начало со времен Платона, считавшего, что «человеческое познание делится на знание (доступно интеллекту элиты) и мнение (доступно интеллекту толпы)» [16]. Интеллектуальная элита является основным общественным богатством стран. Тойнби в своих работах дает самую высокую оценку интеллектуальной элите. Он считает, что интеллектуальная элита – хоть и небольшой слой, но самый ценный, так как единственным подлинным творцом всех достижений является интеллект. Интеллект – самое большое богатство страны [28]. В этой связи часть данной статьи посвящена ядру интеллектуальной элиты – научной элите Кыргызстана. Подходы, предлагаемые для оценки интеллектуальной элиты, разнятся в зависимости от целей исследований [1–4; 6; 7; 15–17; 19; 20; 23; 27; 31; 32]. Часть из них была учтена нами, в частности, при оценке научной элиты Кыргызстана и интеллектуального потенциала в целом.

Оценка уровня интеллектуального потенциала не является новой областью науки. Однако в настоящее время не существует единой методики оценки интеллектуального потенциала. В оценке интеллектуального потенциала исследователями используются показатели сфер образования, науки, инноваций и культуры:

- образовательный потенциал – качественная характеристика интеллектуального потенциала, показывает вклад образования в интеллектуальный потенциал;
- научный потенциал – характеристика научной компетенции, творческого потенциала личности;
- инновационный потенциал – характеристика, способствующая преобразованию научного знания в новые виды продуктов, услуг, технологий;
- культурный потенциал – характеристика морально-этического и духовного уровня.

В нашем исследовании оценка интеллектуального потенциала Кыргызстана проведена по следующим группам показателей:

- стандартные показатели интеллектуального потенциала (рейтинги, индексы);
- уровень научного импульса (наличие научной инфраструктуры, научного сообщества и научной элиты);
- расходы на НИОКР;
- образовательная инфраструктура для развития интеллектуального потенциала;
- социокультурная среда развития интеллектуального потенциала.

Стандартные показатели интеллектуального потенциала (рейтинги и индексы развития Кыргызстана)

Согласно Индексу человеческого развития (ИЧР)⁹, Кыргызстан в 2022 г. занимал 117 место (показатель 0,701) из 193 стран и территорий и, согласно методике рейтинга, входил в категорию стран с высоким уровнем человеческого развития. Вместе с тем в рейтинге Глобального инновационного индекса (ГИИ) Кыргызстан занимает 81 место из 132 стран¹⁰. ГИИ Кыргызстана в 2023 г. составил 20.2, что ниже, чем в 2022 г. (21.1)¹¹. Это создает определенные вызовы для страны. Низкие баллы показывают слабую способность страны создавать инновации и недостаточность внутренних структур и институтов для этого. Несомненно, в стране есть отдельные инновационные центры. Но они недостаточны для высокой инновационной деятельности в стране. Кроме того, западные аналитики отмечают проблемы с регулированием интеллектуальной собственности в Кыргызстане. Несмотря на то, что законодательство Кыргызской Республики защищает интеллектуальную собственность и в стране действует Государственная служба интеллектуальной собственности и инноваций («Кыргызпатент» – уполномоченный орган,

9 ИЧР оценивает три измерения человеческого развития: долгая и здоровая жизнь, доступ к знаниям и достойный уровень жизни. См. подробнее: Human development summary capturing achievements in the HDI and complementary metrics that take into account gender gaps, inequality, planetary pressures and multidimensional poverty. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/specific-country-data#/countries/KGZ>.

10 Казахстан занял 81 место в Глобальном инновационном индексе 2023 года. URL: <https://digitalbusiness.kz/2023-10-02/kazakhstan-zanyal-81-mesto-v-globalnom-innovatsionnom-indekse-2023-goda/>.

11 Global Innovation Index by Country. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/global-innovation-index-by-country>.

осуществляющий сертификацию интеллектуальной собственности), по мнению западных аналитиков, за всю историю Кыргызской Республики не было ни одного успешного судебного преследования за нарушение прав интеллектуальной собственности¹².

Еще одним показателем развития интеллектуального потенциала являются международные рейтинги вузов. Мы весьма скептически относимся к этим рейтингам. Но с учетом того, что правительство Кыргызстана ставит вузам задачу продвижения в этих рейтингах, рассмотрим их показатели.

Среди кыргызских вузов наилучшие позиции в рейтинге QS World University Rankings занимают Кыргызско-Российский Славянский университет (851–900 место в рейтинге), Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (901–950 место в рейтинге), Кыргызский государственный технический университет (1201–1400 место в рейтинге)¹³. В Мировой рейтинг университетов 2024 г. входит Кыргызско-Турецкий университет «Манас»¹⁴.

Согласно ранжированию EduRank, позиции кыргызстанских вузов таковы: Университет Центральной Азии (1477 место в Азии и 4269 место в мире), Американский университет (2070 в Азии, 5661 в мире), Кыргызская государственная медицинская академия (2242 в Азии, 6047 в мире), Ошский государственный университет (2328 в Азии, 6233 в мире), Кыргызский государственный технический университет (2386 в Азии, 6335 в мире), Кыргызский государственный университет (2440 в Азии, 6454 в мире)¹⁵. На сайте рейтинга (edurank.org) можно ознакомиться и с позициями других вузов, которые отстают от названных университетов. В Шанхайском рейтинге вузов кыргызских университетов не найдено¹⁶.

С 2023 г. существует Национальный рейтинг вузов Кыргызской Республики. Оператор Рейтинга – Общественный фонд «Агентство по гарантии качества в сфере образования EdNet» (далее – EdNet). Методика оценки и рейтингования описана на сайте Агентства¹⁷. В первую пятерку рейтинга входят Кыргызская государственная медицинская академия, Международный университет Ала-Тоо, Кыргызский государственный технический университет, Ошский государственный университет, Кыргызско-Российский Славянский университет. По оценкам работодателей, в первую пятерку лучших вузов Кыргызстана входят: Кыргызская государственная медицинская академия, Кыргызский государственный технический университет, Кыргызский национальный университет, Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Кыргызско-Российский Славянский университет.

12 Выводы отчета об инвестиционном климате Госдепартамента США «2024 Investment Climate Statements» см. подробнее: 2024 Investment Climate Statements. URL: <https://www.state.gov/reports/2024-investment-climate-statements/>.

13 QS World University Rankings 2025: Top global universities. URL: <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings?tab=indicators&search=kyrgyz>.

14 World University Rankings 2025. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/latest/world-ranking#!/length/25/locations/KGZ/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats.

15 EduRank. URL: <https://edurank.org/geo/kg/>.

16 ShanghaiRanking. URL: <https://www.shanghairanking.com/>.

17 Первый Национальный рейтинг вузов Кыргызской Республики. URL: <https://rating.kg/news/26>

Обзор рейтингов показывает, что вузы Кыргызстана оцениваются в системе международного образовательного пространства и являются частью этой системы, хотя занимают невысокие позиции. Международный потенциал университетов Кыргызстана оценивался нами ранее [9] и характеризуется как недостаточный для того, чтобы вузы становились самостоятельными международными акторами.

Интеллектуальный потенциал косвенно показывают и индексы Хирша. Рассмотрим Национальный рейтинг Хирша Кыргызстана, направленный на оценку научной продуктивности ученых, исследовательских групп и организаций Кыргызстана на основе консолидированного индекса Хирша¹⁸. В пятерку лидеров Национального рейтинга Хирша Кыргызстана входят два национальных учреждения (Кыргызская государственная медицинская академия и Национальная академия наук) и три вуза с зарубежной компонентой (зарубежные учредители, собственники, инвесторы и т.п.)¹⁹: Кыргызско-Турецкий университет «Манас»; Университет Центральной Азии; Американский университет в Центральной Азии.

Таким образом, опираясь на наиболее значимые рейтинги и индексы, мы приходим к выводу о среднем уровне развития интеллектуального потенциала Кыргызстана. Рассмотрим следующие показатели.

Наличие научного импульса – научного сообщества, научной инфраструктуры

На сайте Министерства образования и науки указаны 84 научно-исследовательских учреждения²⁰, из них 24 – научные институты при Национальной академии наук (далее – НАН), 16 – научные центры при Министерстве здравоохранения, 38 – научно-исследовательские институты при вузах, 4 – НИУ при министерствах (1 – при Министерстве юстиции, 1 – при Министерстве обороны, 1 – при Министерстве транспорта, 1 – при Министерстве экономики) и 2 библиотеки (Государственная патентно-техническая библиотека Кыргызской Республики и Национальная библиотека КР). На другом ресурсе Министерства образования и науки представлена несколько иная информация, но число научных институтов и центров при НАН примерно такое же²¹. Отдельно представлен перечень 39 научно-исследовательских институтов при вузах Кыргызстана²², часть которых имеет по факту статус центров, а не институтов.

18 Рейтинг учитывает суммарный индекс Хирша научных учреждений Кыргызстана, обращаясь к информации из наукометрических баз данных и платформ, таких как Scopus, Web of Science, Google Scholar. На основе этих данных формируется показатель Национального рейтинга H-index и соответствующая ему ранжированная позиция в рейтинге (Position).

19 Kyrgyz National H-index Ranking 2024. URL: <https://kg.h-index.com/en>.

20 Научные учреждения Кыргызской Республики. URL: <https://edu.gov.kg/organizations/3/pages/87/>.

21 Научно-исследовательские учреждения Кыргызской Республики URL: <https://edu.gov.kg/organizations/3/pages/87/>.

22 Научно-исследовательские институты при вузах КР. URL: <https://edu.gov.kg/organizations/3/pages/88/>.

Подавляющее большинство тем НИОКР касается медицинских, сельскохозяйственных, математических, технических наук. В 2022 г. был представлен перечень более 60 новых тем НИОКР и 130 продолжающихся тем²³.

Инновационных научных кластеров, где могли бы развиваться научные сообщества, в стране нет, но есть небольшие лаборатории в Национальной академии наук. Национальная академия наук имеет статус высшего государственного научно-учреждения. Институциональные основы кыргызстанской науки были заложены в советское время путем образования Академии наук Киргизской ССР. В 1993 г. Академия наук Киргизской Республики была преобразована в Национальную академию наук Кыргызской Республики. В настоящее время НАН является базовым центром воспроизводства научной элиты страны.

В целом, для развития научного потенциала страны создана достаточная инфраструктура. Проблема ее эффективности заключается в недостаточно квалифицированном кадровом обеспечении (с точки зрения потребностей инновационного развития современных обществ и научного знания) и отсутствии современных форматов организации с новейшим материально-техническим обеспечением и доступом к передовым научным знаниям.

Научная элита как импульс развития интеллектуального потенциала страны

Считается, что доля интеллектуальной элиты обычно не превышает 7% общества²⁴. Ядро интеллектуальной элиты составляет научная элита. Ее качество и количество обеспечивает конкурентоспособность страны²⁵. Научная элита хранит и ретранслирует имеющиеся знания, воспроизводит интеллектуальный ресурс общества, создает новые знания и технологии, генерирует ценности общества, идеологию и символическую политику.

С социальной точки зрения научная элита – это группа людей, занятых умственным трудом в сфере научных проектов, чьи интеллектуальные достижения признаются обществом и способствуют его развитию. Это высокообразованная, но не всегда высокостатусная группа, занимающаяся производством и распространением знаний и интеллектуальных ценностей. К научной элите относятся научные работники, преподаватели, могут быть высококвалифицированные инженеры, создающие и передающие знания. С экономической точки зрения это группа людей, получающих доходы преимущественно от использования своего интеллекта. С политической точки зрения это группа людей в страновой структуре элит, без которых воспроизводство

политической системы крайне затруднительно, так как именно научная элита дает экспертные заключения для принятия управленческих решений и разработки стратегий развития. Таким образом, научная элита обеспечивает научно-технологический, информационный и идеологический суверенитет страны.

Анализ научной элиты Кыргызстана проводился на основе статистических данных об академическом сообществе, в частности, о профессорско-преподавательском составе и научных сотрудниках НАН.

Как уже было отмечено выше, на сайте Статистического комитета Кыргызстана нет самостоятельного раздела о науке и научной деятельности, поэтому определить количество ученых в стране затруднительно. Анализ строки «Профессиональная, научная и техническая деятельность» в разделе «Численность занятого населения по видам экономической деятельности и по территории» (ГКЭД) показывает снижение числа занятых в этой сфере. В 2020 г. было 1,3 тыс. чел., занятых профессиональной, научной и технической деятельностью, в 2021 г. – 1,1 тыс. чел., в 2022 г. – 0,9 тыс. чел., в 2023 г. – 0,8 тыс. чел.²⁶

По данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, в 2022 г. научную деятельность в НАН осуществляли 1 235 работников, из которых 125 человек – доктора наук и 280 человек – кандидаты наук. В общей численности работников 52% составили женщины²⁷.

В 2022 г. в республике насчитывалось 69 научных организаций, из которых на долю сектора высшего образования пришлось 33% и академического сектора – 32%. В общем объеме выполненных в 2022 г. научно-технических работ наибольшее их количество (более 67%) пришлось на организации академического сектора. Выполнением научных исследований и разработок было занято более 7 тыс. человек, включая научно-педагогических работников высших профессиональных учебных заведений. В общей численности работников, выполняющих научные исследования и разработки, более 78% составляют специалисты-исследователи, 41% из которых – доктора и кандидаты наук. При этом их гендерное соотношение в целом складывается в пользу женщин, составляя около 60%²⁸.

В 2020-е гг. в Кыргызстане прозвучали предложения о реформировании НАН, которые, на наш взгляд, привели бы к снижению научного потенциала Кыргызстана и поставили бы под вопрос научный суверенитет страны. В 2023 г. президент НАН К.А.Абдрахматов в интервью «Российской газете» отметил: «...Речь идет о стартовавшей в Кыргызстане реформе, в результате которой наши научно-исследовательские институты интегрируют с высшими учебными заведениями республики»²⁹. По

23 Перечень тем НИОКР. URL: <https://edu.gov.kg/organizations/3/pages/263/>.

24 Casas, Tomas and Cozzi, Guido, Elite Quality Report 2023: Country Scores and Global Rankings (April 25, 2023). Zurich: Seismo. 2023. <https://doi.org/10.33058/seismo.30882.0001>. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4418550>.

25 Индекс качества элит: как они влияют на экономическое и политическое развитие? // Московская школа управления СКОЛКОВО. URL: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/indeks-kachestva-elit-kak-oni-vliyayut-na-ekonomicheskoe-i-politicheskoe-razvitiye/>.

26 Занятость. Оперативная информация // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://www.stat.gov.kg/ru/statistics/zanyatost/>.

27 Наука в Кыргызской Республике: цифры и факты. URL: <https://stat.gov.kg/ru/news/nauka-v-kyr-gyzskoj-respublike-cifry-i-fakty/>.

28 Наука в Кыргызской Республике: цифры и факты. URL: <https://stat.gov.kg/ru/news/nauka-v-kyr-gyzskoj-respublike-cifry-i-fakty/>.

29 Как и чем живет наука Кыргызстана. URL: <https://rg.ru/2023/06/07/pro-akademiiu-ot-prezidenta.html>.

мнению президента НАН, проводя оценку по индексу Хирша (The Kyrgyz National H-index Ranking), НАН с Национальным индексом Хирша 32 занимает третье место в республике после Кыргызской медакадемии и Кыргызско-Турецкого университета. Университеты, к которым собираются присоединить НАН, имеют индекс Хирша в два-три раза меньший, чем академия. Например, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына имеет Национальный индекс Хирша 18, Ошский государственный университет – 13, Кыргызский национальный аграрный университет имени К.И.Скрябина – 12, Кыргызский государственный технический университет имени И.Раззакова – 9³⁰. К.А.Абдрахматов отметил, что «...в республике есть 79 научных организаций, только 20 из которых относятся к Академии наук. Остальные находятся при министерствах, вузах. Чем они занимаются, мы не знаем. Хотя должны. Потому что, скажу еще раз, согласно Конституции, НАН КР – высшее научное учреждение в Кыргызстане, которое осуществляет координацию научных исследований в стране. Вот где надо навести порядок». По сути, президент НАН в своем интервью охарактеризовал качество научной инфраструктуры и научной элиты страны.

Обращаясь к научному потенциалу вузов, рассмотрим численность профессорско-преподавательского состава. В 2022 / 2023 уч.г. из общего количества (12 039 человек) ученую степень кандидата наук имели только 28% преподавателей, доктора наук – 7%, ученое звание доцента – 18% профессора – 5% (таблица 1).

Таблица 1. Профессорско-преподавательский состав в образовательных организациях высшего профессионального образования (на начало учебного года, человек)
Table 1. Teaching staff in educational institutions of higher professional education (at the beginning of the academic year, people)

	2022/2023 г.
Численность основного (штатного) персонала	12 039
из них имеют ученую степень:	
доктора наук	787
кандидата наук	3 413
ученое звание профессора	651
доцента	2 116
Численность преподавателей, работавших на условиях штатного совместительства	3 055

Источник: [14, с. 174]
Source: [14, p. 174]

Если посмотреть на возраст, то будет видна закономерность: научная элита Кыргызстана преимущественно 60+.

30 Там же.

Общее количество аспирантов вузов и НИУ КР (бюджетное обучение) в 2021 г. составило 1 277 чел., в том числе 1 102 аспиранта в вузах (341 обучались очно и 761 заочно) и 175 аспирантов в НИУ (115 очно и 60 заочно)³¹. Больше всего аспирантов было сосредоточено в вузах Бишкека³².

В ближайшей перспективе существенного роста научного потенциала Кыргызстана не ожидается. Численность аспирантов за пять лет уменьшилась на 10% и в 2022 г. составила 2,2 тыс. человек. Из 614 аспирантов, выпущенных в 2022 г., лишь 16 человек (2,6%) защитили диссертации. Несмотря на то, что за последние пять лет увеличилась численность докторантов в 1,6 раза и в 2022 г. составила 236 человек, процент их защит низкий. Из 12 докторантов, выпущенных в 2022 г., защитили диссертации 3 человека.

В целом численность научно-педагогических работников, выполнявших научные исследования и разработки наряду с педагогической деятельностью, составляет около 2 тыс. чел. Включенность университетов в научные исследования невысока. Из 69 организаций, выполняющих научные исследования и разработки, 23 находятся в секторе высшего образования (21 – в предпринимательском секторе, 25 – в государственном секторе). В общем объеме научных исследований и разработок, выполненных в 2022 г., наибольшая доля (около 69%) пришлась не на университетский, а на государственный сектор деятельности.

Расходы на НИОКР

Согласно Закону Кыргызской Республики «О науке и об основах государственной научно-технической политики», Положению о порядке финансирования научной, научно-технической и инновационной деятельности за счет республиканского бюджета», утвержденного постановлением Правительства Кыргызской Республики от 6 августа 1999 г. № 429, Министерством образования и науки Кыргызской Республики ежегодно проводится конкурс на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по государственному заказу. Расходы государственного бюджета на научные исследования и опытно-конструкторские разработки в 2022 г. составили 0,1% ВВП и 0,3% к общим расходам государственного бюджета. В 1990 г. доля средств, которые были получены от научно-технических работ, в ВВП составляла 0,7%. Снижение началось в 1998-2001 гг. (тогда доля уменьшилась до 0,21%).

Отметим некоторые показатели НИОКР Кыргызстана, зафиксированные Глобальным инновационным индексом³³:

- научные исследования и разработки (НИОКР) (111 место в рейтинге);
- валовые расходы на НИОКР, % ВВП ≈ 0,1 (106 место в рейтинге);

31 Аспирантура и докторантура. URL: <https://edu.gov.kg/organizations/3/pages/97/>.
32 Там же.
33 Global Innovation Index by Country. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/global-innovation-index-by-country>.

- глобальные корпоративные инвесторы в исследования и разработки, топ-3, млн долларов США (40 место);
- рейтинг университетов QS, топ-3 (71 место).

По группе показателей объемов производства знаний и технологий Кыргызстан занимает 96 место, в частности:

- создание знаний (75 место);
- патенты в разбивке по происхождению / млрд долл ВВП по ППС (паритет покупательной способности) (30 место);
- патенты РСТ в разбивке по происхождению / млрд. долл. ВВП по ППС (101 место);
- научно-технические статьи / млрд долл. ВВП по ППС (88 место);
- индекс Хирша цитируемых документов (116 место);
- влияние знаний (125 место);
- высокотехнологичное производство (110 место);
- распространение знаний (86 место);
- доходы от интеллектуальной собственности, % от общего объема торговли (75 место);
- экспорт высокотехнологичных товаров, % от общего объема торговли (61 место);
- экспорт услуг ИКТ, % от общего объема торговли (112 место).

Таким образом, мы можем говорить о недостаточности государственной поддержки развития науки и интеллектуального потенциала Кыргызстана.

Образовательная инфраструктура для развития интеллектуального потенциала

Стратегическое видение развития системы образования представлено в Программе развития образования на 2021–2040 гг. В Программе отмечается, что система образования в 2040 г. позволит человеку раскрыть свой интеллектуальный, творческий и эмоциональный потенциал в любом возрасте³⁴. С этой целью в стране развивается инфраструктура образовательных учреждений. В 2023 г. в Кыргызстане было 2 377 школ и 58 вузов³⁵, в т.ч. 42 государственных (таблица 2).

34 Программа развития образования на 2021–2040 гг. URL: <https://edu.gov.kg/programs/1/>.
35 5.03.01.01 Число образовательных организаций по видам. Динамические таблицы «Образование и культура» // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/obrazovanie/>. Альтернативная информация – Список вузов Кыргызской Республики (по состоянию на 1.04.2023) // Национальный Erasmus+ Офис в Кыргызстане. URL: <https://erasmusplus.kg/higher-education-in-kyrgyz-republic/list-of-kyrgyz-heis/>.

Таблица 2. Число образовательных организаций по видам (единиц)
Table 2. Number of types of educational organizations (units)

Наименование показателей	2022	2023
Дошкольные организации	1 834	1 912
Общеобразовательные организации	2 350	2 377
Начальные (1–4 классы)	135	133
Основные (1–9 классы)	224	227
Средние (1–11 классы)	1 973	1 999
Для детей со специальными нуждами	18	18
Образовательные организации начального профессионального образования	100	100
Образовательные организации среднего профессионального образования	142	135
Образовательные организации высшего профессионального образования	61	58

Источник: составлено автором по материалам Национального статистического комитета Кыргызской Республики URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/naselenie/>
Source: compiled by the author on the materials of the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/naselenie/>

Таблица 3. Образовательные организации высшего образования по формам собственности (на начало учебного года)
Table 3. Educational organizations of higher education by types of ownership (at the beginning of the academic year)

	2022 г.	2023 г.
Число организаций	61	58
В том числе: государственные	43	42
Частные	18	16 27,5% от общего числа вузов
Численность студентов (человек) ³⁶	227 582	222 940
В том числе в: государственных	195 522	190 562
Частных	32 060 14,1% от общего числа студентов	32 378 14,5% от общего числа студентов

Источник: составлено автором по материалам Национального статистического комитета Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/naselenie/>
Source: compiled by the author on the materials of the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/naselenie/>

36 Следует иметь в виду, что в эту статистику входят и иностранные студенты вузов. В 2022/2023 уч.г. в Кыргызстане обучались 71,7 тыс. иностранных студентов, в 2023/2024 учебном году – 55,8 тыс.

Интеллектуальный потенциал страны формируют, как правило, люди с высшим образованием. Поэтому сосредоточимся на анализе структуры высшего образования. В таблице 3 представлены образовательные организации высшего образования по формам собственности.

Распределение государственных и частных вузов неравномерное. 19 государственных вузов из 42 находятся в Бишкеке, 4 – в Оше и по 1 вузу во всех других областях Кыргызстана, кроме Чуйской области. В Чуйской области государственных университетов нет. Такой дисбаланс местные эксперты объясняют сосредоточением наиболее квалифицированных преподавательских кадров именно в Бишкеке³⁷.

Примерно половина выпускников основной школы (9 классов) продолжают обучение и заканчивают среднюю (полную) школу (11 классов). Заметно передвижение выпускников в крупные города – число выпускников вузов Бишкека и Оша превышает число выпускников школ в этих городах (таблица 4).

Таблица 4. Распределение вузов и выпускников школ и вузов по территории Кыргызстана
Table 4. Distribution of universities and graduates of schools and universities across the territory of Kyrgyzstan

	Число вузов		Число выпускников основной школы (9 кл.) в 2023 г.	Число выпускников средней (полной) школы (11 кл.) в 2023 г.	Число выпускников вузов ³⁸ в 2023 г.
	2022 г.	2023 г.			
Баткенская область	1	1	9,2	5,1	0,9
Джалал-Абадская область	4	4	21,0	10,2	3,1
Иссык-Кульская область	1	1	9,1	5,1	0,7
Нарынская область	1	1	5,2	3,5	0,6
Ошская область	0	0	22,2	11,7	0
Таласская область	1	1	5,2	2,7	0,4
Чуйская область	5	3	18,4	7,7	1,4
г. Бишкек	44	43	17,3	8,8	23,3
г. Ош	4	4	6,7	2,3	9,9

Источник: составлено автором по материалам Национального статистического комитета Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/naselenie/>

Source: compiled by the author on the materials of the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/naselenie/>

Доступность вузов. Анализ распределения студентов на бюджетной основе показывает, что обучение в Кыргызстане практически платное – 89% (201 858 человек) от общего числа студентов обучаются на платной основе. Тем не менее число выпускников вузов растет. Однако ежегодно снижается их доля в расчете на 10 000 занятого населения (2022 г. – 136 чел.). Возможно, это связано с миграционным оттоком населения.

³⁷ Индекс доверия населения. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/indeks-doveriya-naseleniya/>.

³⁸ Следует иметь в виду, что в эту статистику входят и иностранные студенты вузов.

Асимметричность среды для развития интеллектуального потенциала страны отмечается и в контексте распределения населения по территории Кыргызстана (таблица 5).

Таблица 5. Численность постоянного населения на начало года³⁹ (тыс. человек)
Table 5. Permanent population at the beginning of the year (thousand people)

Наименование показателей	2023	2024
Кыргызская Республика	7 037,6	7 161,9
Баткенская область	570,9	583,4
Джалал-Абадская область	1 311,0	1 335,8
Иссык-Кульская область	538,4	544,4
Нарынская область	308,4	312,1
Ошская область	1 460,4	1 490,1
Таласская область	273,5	277,1
Чуйская область	1 068,7	1 086,8
г. Бишкек	1 145,0	1 165,5
г. Ош	361,3	366,7

Источник: составлено автором по материалам Национального статистического комитета Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/naselenie/>

Source: compiled by the author on the materials of the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/naselenie/>

Для развития научных исследований и воспроизводства научной элиты необходима среда и коммуникации в научном сообществе. Прощу говоря, общение с себе подобными. В ряде стран специально создаются территориальные концентрации научных элит – научно-технологические кластеры, наукограды и др. Известно, что пять крупнейших в мире научно-технических кластеров расположены в Восточной Азии⁴⁰. Перечень и карта крупнейших российских инновационных кластеров представлены на сайтах Министерства экономического развития РФ и Российской кластерной обсерватории Высшей школы экономики. Информация о наукоградах России представлена на сайте Министерства науки и высшего образования РФ.

В Кыргызстане пока нет опыта формирования специальных территориальных образований и кластеров для развития научного потенциала страны. Исходя из опыта России, к таким территориальным образованиям относятся:

- территории (населенные пункты, кластеры и др.) с долей научных работников более 15% населения города⁴¹. Обычно это наукограды. Особенности наукогра-

³⁹ Данные пересчитаны от итогов переписи населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2022 г.

⁴⁰ Science and Technology Cluster Ranking 2023. URL: <https://www.wipo.int/web/global-innovation-index/2023/science-technology-clusters>.

⁴¹ Салюткова Л. Наукограды в России и их особенности. URL: <https://zaochnik-com.com/spravochnik/ekonomika/mezhdunarodnye-ekonomicheskie-otnosheniya/naukogrady-v-rossii/>.

дов регулируются Федеральным законом «О статусе наукограда Российской Федерации»⁴²;

• территории с высокой концентрацией университетов и научных центров (наибольшая концентрация – Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск)⁴³. В Кыргызстане это Бишкек.

Таким образом, можно сделать вывод об асимметричности образовательной и научной среды Кыргызстана. Речь идет об асимметричности условий и возможностей развития научных коммуникаций, наиболее распространенными формами которых являются коллективные научные исследования, лаборатории, научные мероприятия и др.

Социокультурная среда развития интеллектуального потенциала

Развитие интеллектуального потенциала осуществляется в определенной социокультурной среде, и ее отсутствие (или недостаточность) неизбежно приводит к снижению интеллектуального потенциала. Через создание среды осуществляется и управление развитием интеллектуального потенциала. Любая социальная среда представляет собой систему влияний и условий формирования личности, возможностей для саморазвития, содержащихся в ее окружении. Например, превалирование доступных для детей домов технического творчества над литературными кружками с большой долей вероятности приведет к развитию интереса к техническим специальностям. Большие возможности найти работу по техническим специальностям и их престиж также стимулируют интерес к ним. Наличие доступного образования по данным специальностям закрепляет мотивацию выбора профессии. На этом примере мы показали, как совпадение условий, возможностей и мотиваций способствует выбору направления профессионального развития.

В целом развитию интеллектуального потенциала страны (безотносительно его содержательной структуры) способствуют развитая сеть культурных учреждений (библиотек, музеев, театров, кинотеатров), домов творчества, интеллектуальных кружков, клубов. Назовем это первичной средой развития интеллектуального потенциала. Вторичные среды формируются в профессиональных сообществах, наиболее важными из которых являются образовательная и научная среды.

Оценка первичной среды развития инновационного потенциала проводилась на основе официальных статистических данных Кыргызстана. Сводные данные, составленные автором, представлены в таблице 6.

42 Федеральный закон «О статусе наукограда Российской Федерации» от 07.04.1999 № 70-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22630/.
43 Тургель И.Д., Бугров К.Д., Ойхер А.Д. Университетские города России: ожидания vs реальность // Высшее образование в России. 2023. № 5. С. 89–111. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-89-111>; В каком городе больше всего вузов. Где находится лидер России по количеству университетов. URL: <https://telegra.ph/V-kakom-gorode-bolshe-vsego-vuzov-Gde-nahoditsya-lider-Rossii-po-kolichestvu-universitetov-07-11>.

Таблица 6. Число культурных учреждений по видам с уточнением динамики пользователей услугами
Table 6. Number of cultural institutions by type with clarification of the dynamics of service users

Наименование показателей	Количество (в ед.)	
	2006 г.	2023 г.
Общедоступные библиотеки В 2023 г. библиотеки посещало 1 636 600 чел. ⁴⁴ Согласно статистическим данным, число пользователей библиотеками за последние годы несколько возросло. Наибольший рост посетителей отмечается в Джалал-Абадской области (468,2 тыс. чел.), а наибольшее падение числа посетителей – в г. Бишкеке.	1 038	1 055
Клубные учреждения В 2023 г. клубные учреждения посещало 17,8 тыс. чел. ⁴⁵ По сравнению с предыдущими годами число участников клубных учреждений снижается. Наибольшее снижение отмечается в Джалал-Абадской и Ошской областях. Незначительный рост посещений клубных учреждений отмечается лишь в Иссык-Кульской и Чуйской областях.	691	720
Театры В 2023 г. театры посетили 262 тыс. чел. ⁴⁶ По сравнению с предыдущими годами число посещений уменьшилось. Наибольшее снижение отмечается в г. Ош и Ошской области. Вместе с тем отмечен рост посетителей театров в Таласской и Нарынской областях.	18	21
Музеи В 2023 г. число посетителей музеев составило 952 тыс. чел. ⁴⁷ Отмечается небольшой рос числа посетителей по сравнению с предыдущим периодом. Наибольший рост зафиксирован в г. Ош, а наибольшее снижение – в Джалал-Абадской области.	59	69
Кинотеатры В 2023 г. число посетителей кинотеатров составило 3 309 500 ⁴⁸ . Годовой прирост составил более 1 млн человек. Но преимущественно это в городе Бишкек (2 687 600 чел.). В г. Ош число посетителей составило около 313 тыс. чел. В остальных областях – еще меньше	53	42
Источник: составлено автором по материалам Национального статистического комитета Кыргызской Республики. URL: https://stat.gov.kg/ru/statistics/naselenie/ Source: compiled by the author on the materials of the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. URL: https://stat.gov.kg/ru/statistics/obrazovanie/		

44 Численность пользователей общедоступных библиотек // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/opendata/category/5498/>.
45 5.03.02.03 Численность посетителей, зрителей культурных учреждений по территории. Динамические таблицы. Образование и культура // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/obrazovanie/>.
46 5.03.02.05 Численность театральных зрителей. Динамические таблицы. Образование и культура // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/obrazovanie/>.
47 Музеи Кыргызстана посетили почти 1 млн человек в прошлом году // Economist. 17 мая 2024 г. URL: <https://economist.kg/novosti/2024/05/17/muziei-kyrgyzstana-posetili-pochti-1-mln-chieloviek-v-proshlom-ghodu/>.
48 Возрождение кыргызского кинематографа: в Кыргызстане рекордное количество проданных билетов и небывалый интерес зрителей // Интернет-портал СНГ. 25.07.2024. URL: <https://e-cis.info/news/567/119864/>.

Рассмотрим сводные данные о числе учреждений по городам и областям Кыргызстана (таблица 7).

Таблица 7. Число культурных учреждений по территории (единиц)
Table 7. Number of cultural institutions in different territories (units)

Наименование показателей	Всего КР		Баткенская область		Джалал-Абад-ская область		Иссык-Кульская область		Нарынская область	
	2003 г.	2023 г.	2003 г.	2023 г.	2003 г.	2023 г.	2003 г.	2023 г.	2003 г.	2023 г.
Общедоступные библиотеки	1 038	1 055	73	80	192	190	144	154	144	154
Клубные учреждения	691	720	54	54	103	117	122	117	97	98
Театры	18	21	1	1	1	2	1	1	2	2
Музеи	59	69	3	4	12	12	4	7	5	6
Кинотеатры	53	43	4	3	10	4	5	2	4	5

Источник: составлено автором по материалам Национального статистического комитета Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/naselenie/>

Source: compiled by the author on the materials of the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/obrazovanie/>

Таблица 7 (продолжение). Число культурных учреждений по территории (единиц)
Table 7 (continued). Number of cultural institutions in different territories (units)

Наименование показателей	Ошская область		Таласская область		Чуйская область		Г. Бишкек		Г. Ош	
	2003 г.	2023 г.	2003 г.	2023 г.	2003 г.	2023 г.	2003 г.	2023 г.	2003 г.	2023 г.
Общедоступные библиотеки	176	183	75	75	213	210	27	28	13	4
Клубные учреждения	110	125	31	43	170	162	3	3	1	1
Театры	1	1	-	1	-	-	9	10	3	3
Музеи	5	8	4	5	4	7	19	17	3	3
Кинотеатры	12	3	1	2	6	8	10	10	1	6

Источник: составлено автором по материалам Национального статистического комитета Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/naselenie/>

Source: compiled by the author on the materials of the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/obrazovanie/>

Если сравнить данные по областям и городам, то видно, что претендовать на качественную первичную среду для развития интеллектуального потенциала может только город Бишкек. Очевидно, что условия для формирования интеллектуальной элиты созданы только здесь.

Выводы

Интеллектуальный потенциал представляет собой комплекс возможностей, условий, ресурсов и средств для решения задач инновационного развития страны, получения наукоемкой продукции и материалов, творчества, и в итоге – обеспечения ее научно-технологического суверенитета и международной конкурентоспособности. Интеллектуальный потенциал проявляется в способности накапливать, использовать и воспроизводить новые знания. Проведенный анализ показал, что наиболее проблемными зонами интеллектуального потенциала Кыргызстана являются:

- недостаточность и асимметричность социокультурной среды развития интеллектуального потенциала, начиная с детского возраста (культурный центр смещен в столицу страны – г. Бишкек; инфраструктура массовой культуры доминирует над инфраструктурой, стимулирующей познавательные способности; выявлена крайне слабая развитость сети интеллектуальных клубов и др.);

- асимметричность образовательной инфраструктуры (смещение вузов и квалифицированных кадров в столицу страны – г. Бишкек), невысокая доступность высшего образования (почти 90% образования является платным), недоукомплектованность вузов высококвалифицированными кадрами (особенно в областях), отставание большинства национальных вузов от зарубежных вузов в стране по показателям научной активности;

- невысокий уровень научного импульса, о чем свидетельствуют статистические данные и международные рейтинги Кыргызстана (отсутствие научно-технологических кластеров, национальных возможностей для развития научного сообщества, слабое воспроизводство научной элиты и др.);

- недостаточная государственная поддержка науки (прежде всего расходы на НИОКР), исходя из задач, поставленных перед научным сообществом в стратегиях развития страны; слабое внедрение научных разработок в практику народно-хозяйственной деятельности.

Особую ответственность за сложившуюся ситуацию несет государство, в частности, за поддержку и развитие научных школ и приоритетное финансирование исследований, программы эффективной поддержки молодых ученых после защиты ими кандидатских и докторских диссертаций, связи с соотечественниками за границей для создания совместных научных и научно-технических исследовательских программ.

Уязвимым местом является слабость институциональной базы единой научной политики и отсутствие четко определенных актуальных стратегических приоритетов и целей развития научной сферы, а также тактики и ресурсной базы для их достижения. Было бы неправильным говорить, что правительство и академическое сообщество Кыргызстана не озабочены решением указанных проблем, но еще предстоит большая работа на основе грамотных расчетов и подходов.

Список источников

- Аксенов П.В. Методологические проблемы исследования интеллектуальной элиты: культурологический ракурс [Methodological problems of studying the intellectual elite: a cultural perspective] // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 18. С. 56–65.
- Антохонова И.В. Формирование элиты регионального сообщества в условиях внешних и внутренних вызовов [Formation of the elite of the regional community in the context of external and internal challenges] // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3–1. С. 138–139.
- Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: монография [Elitology: history, theory, modernity: monograph] / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. философии. М.: МГИМО-Университет, 2010. 600 с.
- Губанов Н.Н. Роль образования в воспроизводстве интеллектуальной элиты как основного субъекта рационального знания [The role of education in the reproduction of the intellectual elite as the main subject of rational knowledge] // Гуманитарный вестник. 2024. № 1(105). С. 84–97. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2024-1-889>.
- Докторович А.Б. Социологический анализ и методика оценки развития интеллектуального потенциала [Sociological analysis and methods of assessing the development of intellectual potential] // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2012. № 1. С. 143–154.
- Карабущенко Н.Б., Иващенко А.В. Элита: психологическая сущность, критерии, типологические особенности [Elite: psychological essence, criteria, typological features] // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2010. № 4(61). С. 93–104.
- Кислицын С.А., Черкасова Т.П., Кондратенко Е.П. Взаимодействие научной элиты, контрэлиты и интеллектуальной фронды в процессах трансформации советского общества в 1921–1991 гг. [The Interaction of the Scientific Elite, Counter-Elite, and Intellectual Fronde in the Processes of Transformation of Soviet Society in 1921–1991] // Власть. 2021. № 5(29). С. 139–150. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8549>.
- Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения [A Global Theory of Intellectual Change] / пер. с англ. Н.С.Розова и Ю.Б.Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.
- Комлева В.В., Таалайбек Кызы Ж. Университеты как субъекты международных отношений: потенциал Кыргызстана [Universities as subjects of international relations: the potential of Kyrgyzstan] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. 94–117. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-94-117](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-94-117). EDN FASRMH
- Кочербаева А.А., Бакиров Е.А. Формирование и развитие интеллектуального потенциала регионов Кыргызстана в условиях цифровизации [Formation and development of the intellectual potential of the regions of Kyrgyzstan in the context of digitalization] // Известия Иссык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии. 2021. № 2(33). С. 243–252. EDN: LKSVQK.
- Лосева О.В., Дресвянников В.А. Методология оценки интеллектуального потенциала региона в условиях инновационного развития [Methodology for assessing the intellectual potential of a region in the context of innovative development] // Экономика и управление народным хозяйством. 2014. № 6. С. 37–49.
- Морозова Н.Н. Методологические подходы к оценке рынка труда и интеллектуального потенциала его субъектов в условиях цифровой экономики [Methodological approaches to assessing the labor market and the intellectual potential of its entities in the context of the digital economy] // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь: сборник научных трудов. Вып. 24. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2022. С. 99–117. EDN MSXNQG.
- Научно-техническая политика: глобальные тренды и практики [Scientific and technical policy: global trends and practices] / М.А.Гершман (рук. авт. кол.), Ф.Х.Брамбила Мартинес, С.В.Бредихин, Л.М.Гохберг и др.; под ред. Л.М.Гохберга, М.А.Гершмана; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024.
- Образование и наука в Кыргызской Республике, 2018–2022: стат. сбор. [Education and Science in the Kyrgyz Republic, 2018–2022: statistical collection] Бишкек, 2023. 154 с.
- Орлов М.И. Социальные функции интеллектуальной элиты [Social Functions of the Intellectual Elite] // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10. № 4. С. 26–30. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2010-10-4-26-30>.
- Платон. Государство [A State] // Соч.: в 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 116–261.
- Римбер П. Интеллектуальная буржуазия: наследственная элита [Intellectual bourgeoisie: hereditary elite] // Мир дипломатии. 2020. URL: <https://ru.mondediplo.com/2020/08/article764.html>.
- Русина А.Н. Особенности формирования интеллектуального потенциала для регионов сырьевой направленности [Features of the formation of intellectual potential for regions with a raw material focus] / Сибирский федеральный университет, Институт управления бизнес-процессами и экономики. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. 132 с. ISBN 978-5-7638-4583-9. EDN BKLXDT.
- Салова Т.Л. Интеллектуальная элита и homo intellectualis информационной цивилизации [Intellectual elite and homo intellectualis of the information civilization] // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. № 1. С. 131–137. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-1-131-137>.
- Соколова Т.Д. К вопросу о популизме, меритократии и интеллектуальной элите [On the issue of populism, meritocracy and the intellectual elite] // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 242–248. <https://doi.org/10.17223/1998863X/74/21>.
- Суворова В.В., Андросова Е.М. Теоретико-методологические аспекты оценки структурных элементов интеллектуального потенциала на основе модели результатов научной деятельности [Theoretical and methodological aspects of assessing the structural elements of intellectual potential based on the model of the results of scientific activity] // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 3. С. 39–44.
- Тойнби А. Постижение истории [A study of history]. Избранное. М.: Айрис-Пресс: Рольф, 2001. 637 с.
- Фурс С.П., Федосеев А.А. Определение индекса качества элиты как новый тип социальных исследований [Definition of the elite quality index as a new type of social research] // Культура и безопасность. 2021. № 4. <https://doi.org/10.25257/KB.2021.4.5-10>.
- Хабибуллина Л.Р. Оценка интеллектуального потенциала высшего учебного заведения с позиций формирования возможностей его инновационного развития [Assessment of the intellectual potential of a higher educational institution from the standpoint of forming opportunities for its innovative development]: дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05. Уфа, 2021. 183 с. EDN QZVPOC.
- Хаджалова Х.М. Интеллектуальный потенциал: методика комплексной оценки [Intellectual potential: a comprehensive assessment methodology] // РППЭ. 2022. № 11(145). С. 114–125. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2022-11-114-125>.
- Хаджалова Х.М. Теоретико-методические подходы к оценке категорий «образовательный потенциал» и «интеллектуальный потенциал» [Theoretical and methodological approaches to assessing the categories of «educational potential» and «intellectual potential»] // Индустриальная экономика. 2022. Т. 6. № 3. С. 517–522. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2022_3_6_517. EDN UFRKJV.
- Чимитова И.З., Васюткин Г.А. Особенности интеллектуальной элиты [Features of the intellectual elite] // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2023. № 3. С. 11–18. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2023-3-11-18>.
- Шугрина Е.С. Специфика создания и развития городов с высокой концентрацией интеллектуального и научно-технического потенциала [Specifics of the creation and development of cities with a high concentration of intellectual and scientific-technical potential] // Планирование развития современного городского пространства: проблемы и тенденции / Московский государственный юридический университет имени О.Е.Кутафина (МГЮА); Центр компетенций «Геоправо». М.: РГ-Пресс, 2023. С. 249–267. EDN LOSJLA.
- Bovens M., Wille A. Diploma Democracy. The Rise of Political Meritocracy. Oxford University Press, 2017.
- Dabić M., Huck N., Meissner D., Zaichenko S. Opening the Black Box: Measuring the Performance of Research Organization // IEEE Transactions on Engineering Management. 2024. Vol. 71. Pp. 10066–10090. <https://doi.org/10.1109/TEM.2023.3314370>.
- Elites, crises, and the origins of regimes / M. Dogan, J. Higley (Eds.). Rowman & Littlefield publishers inc. Lanham etc., 1998.
- Lawrence P.K., Szelényi I. Theories of the New Class. Intellectuals and Power. Minneapolis, University of Minnesota Press. 2004. URL: https://www.researchgate.net/publication/340442514_Analysis_of_Intellecutal_Potential_and_its_Impact_on_the_Social_and_Economic_Development_of_European_Countries.
- Muminov N. The role of intellectual potential in the innovative development of the national economy: Theoretical and historical approach // Library. 2023. № 21(4). P. 27–29. URL: <https://inlibrary.uz/index.php/archive/article/view/22353>.

Информация об авторе

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Профессор. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Адрес: Российская Федерация, 119571, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. komleva@nicrus.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 3 октября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 20 октября 2024 г. Принята к публикации: 30 ноября 2024 г. Опубликовано: 4 декабря 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

- Aksenov P.V. Methodological problems of studying the intellectual elite: a cultural perspective. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]. 2012; 18:56–65 [In Russian].
- Antokhonova I.V. Formation of the elite of the regional community in the context of external and internal challenges. Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo [Greater Eurasia: development, security, cooperation]. 2020; 3-1:138–139 [In Russian].
- Ashin G.K. Elitology: history, theory, modernity: monograph / Moscow state institute of international relations (university) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, department of philosophy. Moscow: MGIMO-University, 2010:600 [In Russian].
- Gubanov N.N. The role of education in the reproduction of the intellectual elite as the main subject of rational knowledge. Gumanitarny vestnik [Humanitarian Bulletin]. 2024; 1(105):84–97 [In Russian]. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2024-1-889>.
- Doktorovich A.B. Sociological analysis and methods of assessing the development of intellectual potential. Vestnik Moskovskogo universiteta. [Bulletin of Moscow University]. Series 18. Sociology and political science. 2012; 1:143–154 [In Russian].
- Karabushchenko N.B., Ivaschenko A.V. Elite: psychological essence, criteria, typological features. Vestnik Rossijskogo humanitarnogo nauchnogo fonda [Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation]. 2010; 4(61):93–104 [In Russian].
- Kislitsyn S.A., Cherkasova T.P., Kondratenko E.P. The Interaction of the Scientific Elite, Counter-Elite, and Intellectual Fringe in the Processes of Transformation of Soviet Society in 1921-1991. Vlast' [Vlast]. 2021; 5(29):139–150 [In Russian]. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8549>.
- Collins R. Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change / trans. from English by N.S.Rozova and Yu.B.Wertheim. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2002:1280 [In Russian].
- Komleva V.V., Taalaibek Kyzy Zh. Universities as subjects of international relations: the potential of Kyrgyzstan. Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Scientific Dialogue]. 2023; 4(10):94–117 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-94-117](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-94-117). EDN FASRMH.
- Kocherbaeva A.A., Bakirov E.A. Formation and development of the intellectual potential of the regions of Kyrgyzstan in the context of digitalization. Izvestiya Issyk-Kul'skogo foruma buhgalterov i auditorov stran Central'noj Azii [News of the Issyk-Kul Forum of Accountants and Auditors of Central Asian Countries]. 2021; 2(33):243–252 [In Russian]. EDN: LKSVQK.
- Loseva O.V., Dresvyannikov V.A. Methodology for assessing the intellectual potential of a region in the context of innovative development. Ekonomika i upravlenie narodnym hozyajstvom [Economy and Management of the National Economy]. 2014; 6:37–49 [In Russian].
- Morozova N.N. Methodological approaches to assessing the labor market and the intellectual potential of its entities in the context of the digital economy. Nauchnye trudy Akademii upravleniya pri Prezidente Respubliki Belarus' [Scientific works of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus]: collection of scientific papers. Issue 24. Minsk: Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, 2022:99–117 [In Russian]. EDN MSXNQG.
- Scientific and technical policy: global trends and practices / M.A.Gershman (head of the author's team), F.H.Brambila Martinez, S.V.Bredikhin, L.M.Gokhberg, et al., ed. L.M.Gokhberg, M.A.Gershman; Nat. res. Univ. "Higher School of Economics". Moscow: ISSEK HSE, 2024 [In Russian].
- Education and Science in the Kyrgyz Republic, 2018-2022: statistical collection. Bishkek, 2023:154 [In Russian].
- Orlov M.I. Social Functions of the Intellectual Elite. Izvestiya Saratovskogo universiteta. [Bulletin of the Saratov University]. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2010; 10 (4):26–30 [In Russian]. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2010-10-4-26-30>.
- Plato. State. Works: in 4 volumes. M., 1994; 3:116–261 [In Russian].
- Rimbert P. Intellectual bourgeoisie: hereditary elite. Mir diplomatii [The world of diplomacy]. 2020. Available from: <https://ru.mondediplo.com/2020/08/article764.html> [In Russian].
- Rusina A.N. Features of the formation of intellectual potential for regions with a raw material focus / Siberian Federal University, Institute of Business Process Management and Economics. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2022:132 [In Russian]. ISBN 978-5-7638-4583-9. EDN BKLXDT.
- Salova T.L. Intellectual elite and homo intellectualis of the information civilization. Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta [Bulletin of the Maikop State Technological University]. 2022; 1:131–137 [In Russian]. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-1-131-137>.
- Sokolova T.D. On the issue of populism, meritocracy and the intellectual elite. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. Philosophy. Sociology. Political Science. 2023; 74:242–248 [In Russian]. <https://doi.org/10.17223/1998863X/74/21>.
- Suvorova V.V., Androsova E.M. Theoretical and methodological aspects of assessing the structural elements of intellectual potential based on the model of the results of scientific activity. Vestnik ekonomiki, prava i sociologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology]. 2017; 3:39–44 [In Russian].
- Toynbee A. A study of history. Selected works. Moscow: Iris-Press: Rolf, 2001:637 [In Russian].
- Furs S.P., Fedoseyev A.A. Definition of the elite quality index as a new type of social research. Kul'tura i bezopasnost' [Culture and Security]. 2021;4 [In Russian]. <https://doi.org/10.25257/KB.2021.4.5-10>.
- Khabibullina L.R. Assessment of the intellectual potential of a higher educational institution from the standpoint of forming opportunities for its innovative development: Theses ... CandSc (Economic): 08.00.05. Ufa, 2021:183 [In Russian]. EDN QZVPOC.
- Khadzhalova H.M. Intellectual potential: a comprehensive assessment methodology. Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional problems of economic transformation]. 2022; 11(145):114–125 [In Russian]. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2022-11-114-125>.
- Khadzhalova H.M. Theoretical and methodological approaches to assessing the categories of "educational potential" and "intellectual potential". Industrial'naya ekonomika [Industrial Economy]. 2022; 6(3):517–522 [In Russian]. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2022_3_6_517. EDN UFRKJV.
- Chimitova I.Z., Vasyutkin G.A. Features of the intellectual elite. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University.] Philosophy. 2023; 3:11–18 [In Russian]. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2023-3-11-18>.
- Shugrina E.S. Specifics of the creation and development of cities with a high concentration of intellectual and scientific-technical potential [Planning the development of modern urban space: problems and trends] / Moscow State Law University named after O.E.Kutafin (MSAL); Competence Center "Geopravo". Moscow: RG-Press, 2023:249–267 [In Russian]. EDN LOSJLA.

29. Bovens M., Wille A. Diploma Democracy. The Rise of Political Meritocracy. Oxford University Press, 2017 [In English].
30. Dabić M., Huck N., Meissner D., Zaichenko S. Opening the Black Box: Measuring the Performance of Research Organization. IEEE Transactions on Engineering Management. 2024; 71:10066–10090 [In English]. <https://doi.org/10.1109/TEM.2023.3314370>.
31. Elites, crises, and the origins of regimes / M.Dogan, J.Higley (Eds.). Rowman & Littlefield publishers inc. Lanham etc., 1998 [In English].
32. Lawrence P.K., Szelényi I. Theories of the New Class. Intellectuals and Power. Minneapolis, University of Minnesota Press. 2004 [In English]. Available from: https://www.researchgate.net/publication/340442514_An_Analysis_of_Intellecutal_Potential_and_its_Impact_on_the_Social_and_Economic_Development_of_European_Countries.
33. Muminov N. The role of intellectual potential in the innovative development of the national economy: theoretical and historical approach. Library. 2023; 21(4):27–29 [In English]. Available from: <https://inlibrary.uz/index.php/archive/article/view/22353>.

About the author

Valentina V. KOMLEVA. DSc. (Sociol.). Professor. Deputy Director for Scientific Work, National Research Institute for the Communications Development. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Address: building 1, 22, Korobeynikov lane, Moscow, 119571, Russian Federation. komleva@nicrus.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: October 3, 2024. Approved after review: October 20, 2024. Accepted for publication: November 30, 2024. Published: December 4, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 1:304.5

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-151-163](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-151-163)

Гибридизация религиозных институтов как индикатор духовно-нравственного кризиса

Павел Александрович Барахвостов✉

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Белоруссия
barakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

Аннотация. В статье явление духовно-нравственного кризиса рассмотрено в рамках институционального подхода, дополненного теорией институциональных матриц (ИМ). Показано, что кризис социальной системы представляет собой неустраняемый дисбаланс в институциональной матрице, обуславливающий невозможность продолжать свое развитие по прежней траектории. Установлено существование исторически инвариантного индикатора кризиса социокультурной подсистемы – гибридизации религиозных институтов. Данное явление детально обсуждается на примере кризисов в эпоху Средневековья в Византии и Западной Европе. Установлено, что независимо от типа ИМ христианство в эпоху кризиса сталкивается с гибридизацией дохристианскими практиками и элементами религий контактных общественных систем (в частности, ислама). Целью подобной гибридизации, которая может инициироваться как «сверху» (властью), так и «снизу» (силами общества), является укрепление как доминирующих (определяющих социальную идентичность общества), так и комплементарных (выполняющих компенсаторную функцию) институтов в институциональной матрице. Показано, что при укреплении доминирующих институтов в институциональной матрице с целью преодоления кризиса нельзя их абсолютизировать путем практически полного искоренения комплементарных институтов. Кроме того, институциональный гибрид более устойчив, и его формирование способствует долгосрочному разрешению кризиса только тогда, когда процесс гибридизации учитывает географические условия, в которых живет общество. Изученная в статье гибридизация указывает на то, что

религии в своем развитии взаимопроникали друг в друга намного больше, чем принято признавать, и опыт подобной гибридизации является наиболее прочным фундаментом плодотворного межконфессионального диалога.

Ключевые слова: общественная система, институты, институциональная матрица, кризис, религия

Для цитирования: Барахвостов П.А. Гибридизация религиозных институтов как индикатор духовно-нравственного кризиса // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 151-163, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-151-163](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-151-163)

Original Article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-151-163](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-151-163)

Hybridization of Religious Institutions as Indicator of Spiritual and Moral Crisis

Pavel A. Barakhvostov✉

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

barakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

Abstract. In this paper, the phenomenon of social crisis is studied within the framework of the institutional approach supplemented with the theory of institutional matrices (IM). It is shown that the crisis of the social system constitutes an irreparable disbalance in the institutional matrix, which leads to its inability to develop along the established trajectory. The existence of a historically invariant indicator of the crisis of the sociocultural subsystem has been established - the hybridization of religious institutions. This phenomenon is discussed in detail using the example of crises during the Middle Ages in Byzantium and Western Europe. Christianity, when in crisis, is determined to face, independently of the matrix type, hybridization with pre-Christian practices and elements of the religions of the societies in contact (in particular, Islam). The purpose of such hybridization, initiated either from the above (by the authorities) or from the below (by the grass roots), is in strengthening the dominant (determining the social identity of society) or the complementary (performing the compensatory function) institutions in the institutional matrix. It is shown that upon strengthening the dominant institutions in the institutional matrix with the aim of overcoming the crisis the complementary institutions cannot be totally eradicated. Besides, the formed institutional hybrid is more sustainable and its formation helps to solve the crisis in the long run only when the process of hybridization takes into account the geographical factors of the environment in which society lives. The hybridization, studied in this paper, indicates that religions in their development interpenetrated each other much more than is commonly recognized, and the experience of such hybridization is the most solid foundation for fruitful interfaith dialogue.

Keywords: social system, institutions, institutional matrix, crisis, religion

For citation: Barakhvostov P.A. Hybridization of Religious Institutions as Indicator of Spiritual and Moral Crisis. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 4(14):151-163. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-151-163](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-151-163)

Введение

На протяжении нескольких десятилетий страны постсоветского пространства находятся в состоянии глубинной трансформации. Радикальные изменения потрясли социальную сферу, характер взаимоотношений между людьми, что позволяет говорить о духовно-нравственном кризисе, наблюдаемом в обществе. Это актуализировало исследования кризисных явлений [2; 4; 7; 10; 12; 13].

Отдельные аспекты кризиса описываются и анализируются социологами, историками, политологами, экономистами [3; 9; 15]. Как правило, внимание акцентируется на временном отрезке, охватывающем последнее столетие. Однако кризис – явление не уникальное, а характерное для исторического развития. Это проявление объективного хода истории, обусловленного динамичностью социальных систем [1], их способностью к трансформации вследствие «различия между состоянием социальной системы в определенный момент и состоянием той же самой системы в другой момент, на другом отрезке времени» [14, с. 455]. Возникает вопрос: существует ли некий исторически инвариантный индикатор кризиса общественной системы и, в частности, ее наиболее трудно описываемой количественно социокультурной сферы? Рассмотрению данной проблемы и посвящена настоящая работа.

Материалы и методы

Методологической основой исследования является институциональный подход, дополненный теорией институциональных матриц (ИМ), в соответствии с которым состоящая из взаимосвязанных подсистем (экономической, политической и социокультурной) общественная система регулируется сложной системой институтов, понимаемых в самом широком смысле как «правила игры, определяющие социальное действие» [18]. Среди них можно выделить образующие институциональную матрицу базовые институты – «глубинные, исторически устойчивые и постоянно воспроизводящиеся социальные отношения, обеспечивающие интегрированность разных типов обществ, исторические инварианты, которые позволяют обществу выживать, сохранять свою целостность и развиваться в данной ему материальной среде» [6, с. 56].

Различают два основных типа базовых институтов: редистрибутивные (общественная собственность, редистрибуция (аккумулирование – согласование – перераспределение) с задействованием центра, централизованное политическое устройство, иерархическая вертикаль власти, коммунитарное мировоззрение, эгалитаризм) и рыночные (частная собственность, купля-продажа как институт обмена, прибыль как институт саморегуляции экономики, конкуренция, самоуправление и субсидиарность, индивидуалистское мировоззрение), присутствующие в ИМ любого общества одновременно, но на условиях доминантности – комплементарности [6, с. 74].

При доминировании редистрибутивных институтов институциональная матрица относится к X-типу («незападному»), рыночных – к Y-типу («западному»). Доминирование институтов определенного типа в институциональной матрице определяет их доминирование в институциональной среде в целом.

Результаты исследования

Для каждой общественной системы характерен определенный сложившийся баланс между редистрибутивными и рыночными институтами. Однако диалектика развития обуславливает динамичность социальной системы, что отражается в изменчивости ее институциональной матрицы под влиянием как эндогенных, так и экзогенных факторов (вследствие диффузии или преднамеренной трансплантации институтов извне [11]). Изменения ИМ могут происходить постепенно и скачкообразно [5, с. 228]. Первый случай соответствует эволюционному этапу развития. Однако именно в данный период происходит нарастание внутреннего неравновесия институциональной матрицы, конфликта между «каркасом» ИМ и ее новыми элементами, следствием чего является зарождение и развитие кризисных явлений. При определенных условиях в результате нарастания кризиса система приближается к «точке бифуркации», в которой эволюционный путь разветвляется и где осуществляется скачкообразный переход в одно из возможных состояний. Таким образом, сущность кризиса – в преобразовании институциональной матрицы с целью придания ей нового качества.

Неустранимое нарушение сложившегося баланса между доминантными и комплементарными институтами вызывает трансформацию общественного сознания, важным элементом которого является религия. Таким образом, с неизбежностью кризис проявляется в изменении религиозных институциональных форм. Проанализируем характер этих изменений на примере кризисов, которые наблюдались в общественных системах различных типов.

В качестве классической общественной системы, где складывалась институциональная матрица X-типа, можно рассматривать Византию. Для окруженной неисчислимыми врагами Византии первоочередной задачей была защита от внешней агрессии. Эту функцию могло выполнить только сильное, предельно централизованное государство. Таким образом, необходимым условием выживания социума в данном случае было доминирование в институциональной матрице редистрибутивных институтов.

Восточнохристианская церковь стремилась сохранять определенный демократизм (в институциональном понимании – «рыночность») внутри себя, выполняя тем самым компенсаторную функцию [16]. Решения, касавшиеся церковной жизни, принимались большинством голосов и имели обязательную силу для всех. В раннесредневековой Византии в работе соборов наряду с клиром участвовали и миряне. Жизнь церкви между соборами регулировалась на основании достижения консенсуса патриархами при отсутствии строгой иерархии между ними.

В середине VII в. Византия столкнулась с невиданной прежде угрозой. Объединившиеся арабские племена захватили Египет, Палестину, Сирию, что привело к катастрофическим изменениям в экономике. Были утрачены главные житницы империи, что способствовало ее быстрой деурбанизации. Главной опорой государства стала крестьянская община с ее коллективной ответственностью (укрепление редистрибутивности в экономической и социокультурной сфере).

Обусловленные внешним натиском трансформации в экономической сфере вызвали изменения в политической подсистеме общества. Римская аристократия, прежде равномерно распределенная по провинциям, постепенно превратилась в церковную и правительственную служебную элиту, стремившуюся осесть в Константинополе, поближе к императору. Уменьшилась экономическая мощь и независимость верхних слоев общества при соответствующем укреплении императорской власти: социальная иерархия определялась теперь не столько земельной собственностью, сколько близостью к трону. Изменился принцип территориально-административного деления: на смену провинциям, в которых военная и гражданская ветви власти были разделены, с целью лучшего реагирования на растущие угрозы пришли фемы, управляемые стратегами, обладавшими всей полнотой власти. Всё это свидетельствовало об укреплении редистрибутивности в политической сфере.

Необходимость жить в условиях постоянной военной угрозы (особенно на азиатских окраинах империи), ухудшающееся экономическое положение, трансформации в политической сфере обусловили рост недовольства, упадок культуры и всплеск суеверий. Возникло «кризисное» мироощущение: на смену представлениям о Византии как о Новом Риме – могучей державе, несущей свой свет во все уголки мира, появилась идея Нового Иерусалима – островка подлинной веры, окруженного врагами. Социальные противоречия приобрели острую форму, при которой стало невозможным стабильное, устойчивое развитие общества. Византия вошла в кризисный период.

Происходящие изменения общественной системы нашли отражение в религиозных институциональных формах. При этом наблюдаются два тренда. Первый из них связан с откликом масс на кризис и проявляется в абсолютизации роли религиозных реликвий (на грани идолопоклонства, характерного для язычества) и порождении религиозной «многоголосицы», когда каждый регион чествует своего святого как главного защитника. В условиях цементирования редистрибутивных институтов это было стихийной попыткой («снизу») адаптации общества к кризису, заключавшейся в укреплении рыночных элементов в единственной доступной массам сфере – религиозном культе.

Второй тренд (инициированный «сверху») связан с императором Львом III Исавром, начавшим осуществление в начале VIII в. реформ, основу которых составляло иконоборчество, представлявшее распространение редистрибутивности на религиозную сферу. Император объявил иконы ложными идолами, поклонение которым вызвало Божий гнев и, как следствие, победы арабов над византийцами. Аргу-

ментированное тем, что Христа невозможно правильно изобразить, поскольку он не является человеком в обычном смысле, иконоборчество представляет собой гибридизацию христианских институтов с элементами ислама, не признающего иконы, – религии общества, чье давление Византия испытывала.

С институциональной точки зрения иконоборчество порождало жесткую вертикаль, ранее не характерную для православия, во главе не с патриархом, а с императором, по своему усмотрению определяющим религиозную доктрину. Сын и приемник Льва III Исавра Константин V ужесточил вмешательство в духовную жизнь империи, законодательно запретив, помимо икон, поклонение святым и Богородице [17]. Путь к индивидуальному спасению, на которое ранее подданные империи могли рассчитывать, поклоняясь иконам у себя дома, теперь лежал только через храм и священников, одобренных императором.

Поскольку в Средневековье религия была неотделима от права, гибридизация религиозных институтов неизбежно отразилась в правовой системе. Лев III принял «Эклогу» – новый кодекс, который дополнил существовавшие правовые нормы христианской моралью, гибридизированной элементами ислама. В большинстве случаев смертная казнь заменялась на телесные наказания и не применяемое ранее, но широко используемое у арабов членовредительство, под которое в Византии подводилось уже христианское обоснование: Бог является совершенным существом, создавшим человека по своему подобию, а, уродуя преступника, византийцы отдаляли его от Бога и давали ему время на покаяние и божественное прощение [19].

Ценой значительных усилий иконоборчество, вводимое в Византии с двух попыток, продержалось чуть более столетия и все-таки было отторгнуто обществом. Окончательную точку поставил принятый в конце IX в. Львом VI Мудрым кодекс «Василики», который закрепил иконопочитание. В «Василиках», составивших основу правовой системы Византии до самого ее падения, сохранилось смешение религиозных и правовых норм, но с существенным добавлением рыночности: судьи получили определенную автономию в принятии решений (в случае противоречия буквы закона и местного обычая судьи могли выбирать сами, чему следовать).

Рассмотрим далее проблему духовно-нравственного кризиса XIV – начала XVI в. в Западной Европе, объединяющей страны с формировавшейся Y-матрицей. Его предпосылкой стал, прежде всего, закат эпохи крестовых походов, начавшийся с падения Иерусалима в 1187 г. и финализированный в утрате Акры в 1291 г. Крестовые походы сыграли огромную роль в развитии Западной Европы, вызвав мощный экономический рывок, стимулировавший зарождение капитализма. Произошли политические изменения: возросла роль папства, европейские королевства усилили влияние на Ближнем Востоке. Наблюдались преобразования в социальной сфере: крестовые походы открывали социальные «лифты» (сыновья, которые в силу примогенитуры не являлись наследниками, неимущие слои общества могли надеяться разбогатеть). Закат эпохи крестовых походов и, как следствие, разрыв торговых связей с Восточным Средиземноморьем нанесли удар по экономике Западной Европы.

Далее, под натиском монголов исчезает Арабский Халифат. Теперь главной внешней угрозой для Европы становятся османы, в XIV в. проникшие на Балканы. Османская экспансия, пик которой пришелся на XVI в., когда турки осадили Вену, а их авангард достиг Баварии, вызвала панику и апокалиптическое настроение в Европе.

Следующей предпосылкой духовного кризиса в Западной Европе явилось Авиньонское пленение пап. Западноевропейская политическая модель со времен варварских королевств базировалась на дихотомии двух равновеликих центров силы: светской и духовной ветвей власти. Эти центры силы стали основой для доминирования рыночных институтов в политической подсистеме и формирования институциональной матрицы Y-типа. Однако в XIV в. сложившийся баланс был нарушен в сторону резкого усиления светской власти и соответственно редистрибутивных институтов в институциональной матрице стран Западной Европы, что проявилось в Авиньонском пленении пап, когда главы католической церкви фактически назначались французскими королями. Одновременно происходило усиление жесткой вертикали (редистрибутивных элементов) во внутренней структуре церкви.

Наконец, предпосылкой духовного кризиса в Западной Европе стала эпидемия чумы, приведшая к невиданной смертности: (по разным оценкам, от чумы в Европе умерло от 30% до 60% населения).

Экономические последствия заката крестовых походов, натиска внешних врагов и эпидемии чумы и политические трансформации, проявившиеся в Авиньонском пленении пап, обусловили крайнее обострение социальных противоречий. Дисбаланс институциональной матрицы приобрел критический характер, вследствие чего стало невозможным стабильное, устойчивое развитие общества. Западная Европа вступила в эпоху кризиса, который нашел свое отражение, в частности, в духовно-нравственной сфере. Как его результат, возник ряд новых религиозных институтов.

Среди них – предложенная «сверху» идея реанимации крестовых походов, вылившаяся в Северный крестовый поход против прибалтийских язычников. Данный крестовый поход отличался от крестовых походов в Святую землю. Для христианской традиции в целом было не характерно распространение веры мечом. Религиозная доктрина определяла миссионерскую деятельность как предпочтительный инструмент распространения Христова учения, допуская насильственные методы лишь в случае, если язычник принял истинную веру, а потом от нее отказался, или если неверные захватили исконно христианские земли. Прибалтийские язычники не попадали ни под одно классическое обоснование для начала крестового похода. Северный крестовый поход представляет собой гибридизированную идею газавата («джихада меча»), направленную на укрепление редистрибутивности в институциональной матрице.

Еще одним новым институтом, возникшим как отклик на духовно-нравственный кризис, являлось санкционированное «сверху» паломничество – это путешествие к местам, имеющим сакральное значение для христианской веры и связанным с Христом, апостолами, Богородицей. По своим целям (освобождение от греха) палом-

ничество подобно хаджу у мусульман, что свидетельствует о диффузии в Западную Европу арабских религиозных институтов.

Другим институтом, возникшим в кризисную эпоху и предложенным «сверху», являлась испанская инквизиция. Как таковая инквизиция зародилась на два с половиной столетия раньше (в 1215 г.), как церковный суд для борьбы с ересью. Однако испанская инквизиция представляла собой принципиально новый религиозный институт, поскольку подчинялась напрямую испанским монархам, которые были объявлены «наиболее католическими» монархами. Если у турок, например, султан являлся в то же время и халифом, т.е. одновременно главой и светской, и духовной власти, для Европы это был первый прецедент, когда духовная и светская власть открыто объединялась в одном лице в светском монархе, что можно считать обретенной в ходе Реконксты институциональной гибридизацией, в результате чего сформировалась модель, по своим свойствам подобная той, что встречалась на Востоке.

Новым институтом, предложенным «сверху», явилась также охота на ведьм. Инквизиция прибегала к методам дохристианских времен (испытание огнем, водой и проч.) и, следовательно, представляла собой гибридизацию христианства язычеством.

Кроме того, среди новых религиозных институтов – францисканство, возникшее «снизу», в массах, еще на ранних стадиях формирования кризиса – до окончания эпохи крестовых походов, но после утраты Иерусалима. Нищенствующие монашеские ордена, проповедовавшие аскетизм, иногда в крайних формах (цистерианцы, камальдулы), существовали и ранее, однако они не всегда жили по провозглашаемым принципам, были «привязаны» к нахождению в определенном монастыре с жесткой дисциплиной и иерархией и представляли собой путь спасения, доступный не всем (что позволяет говорить о наличии в них редистрибутивных признаков). Проповедовавшее индивидуальный путь к спасению, необходимость чтения Евангелия всем, призывавшее вернуться к демократическим идеалам раннего христианства, к эпохе апостолов, странствующее францисканство обладало характеристиками рыночного института и являлось институциональным гибридом восточного института дервишей.

К новым религиозным институтам особого типа, возникшим в эпоху кризиса и инициированным «снизу», можно отнести также гуманизм. По своей сути, гуманизм представлял собой своеобразную идеологию, но в ту эпоху любая идеология была неотделима от религии. Гуманизм зародился в эпоху Авиньонского пленения в Италии, когда папы ее практически не контролировали. Впервые со времен Античности в центр мироздания был поставлен человек, сам определяющий свое место в мире, на первый план выдвигались этические проблемы, провозглашались идеи о безграничных творческих возможностях личности, наделенной разумом, бессмертной душой, свободой в своих поступках и помыслах. Таким образом, гуманизм представляет собой институциональный гибрид католицизма времен Средневековья античными ценностями.

Лютеранство – новый религиозный институт, зародившийся в эпоху кризиса «снизу». Его доктринальной особенностью является тезис о том, что человек достигает спасения души не через церковь, а индивидуально, при помощи веры, даруемой

ему непосредственно Богом. Примечательно, что лютеране не признают икон, у них нет культа Богородицы, святых и ангелов, обосновывая это тем, что поскольку человек оправдывается только верою в Христа, через которую он входит в непосредственное общение с ним, ему для представительства перед Христом не нужны посредники. В этом проявляется гибридный характер лютеранства – это есть результат гибридизации христианства элементами ислама, также отрицающего иконы и святых.

Обсуждение результатов

Проведенный исторический анализ свидетельствует о том, что кризис обусловлен возникновением существенного дисбаланса доминантных и комплементарных институтов в институциональной матрице.

Возможны различные пути адаптации общественной системы к нему: предложенные «сверху» или «снизу». В случае Византии к первым относятся реформы иконоборчества, направленные на распространение редистрибутивности на религиозную сферу, ко вторым – иконопочтение (чествование в различных регионах своих святых, что порождало религиозную «многоголосицу» в религиозной сфере и способствовало укреплению рыночных элементов в единственной доступной массам сфере – религиозном культе). В обоих случаях были предложены гибридные институты: иконопочтение, граничащее с идолопоклонством, есть гибридизация христианства язычеством; иконоборчество попыталось трансплантировать в христианство элементы ислама. Таким образом, гибридизация религиозных институтов (наделение их новыми характеристиками, присущими доминантным либо комплементарным институтам в ИМ) является одним из индикаторов духовно-нравственного кризиса и механизмов его преодоления.

Согласно фундаментальному принципу отражения психики, сформулированному А.Н.Леонтьевым, «приспособление организмов, которое всегда ... является своеобразным отражением ими свойств среды, приобретает также форму отражения воздействующих свойств среды в их объективных связях и отношениях» [8, с. 176]. Следовательно, религиозные институты являются отражением свойств среды обитания, человеку свойственно придавать представлению о Боге или богах черты окружающего мира, что подтверждается результатами исследований нового научного направления – география религий [20–22]. Отрицание визуальных изображений пророков и святых, которое можно рассматривать как религиозный институт, зародилось у арабских племен в Аравийской пустыне, и его следует связать с визуальной скудностью местного ландшафта. Поскольку пейзаж Аравии предельно минималистичен, арабам в момент становления их религии было сложно придать своему представлению о Боге какую-либо визуальную форму. Византия же, отличавшаяся намного более пышными средиземноморскими пейзажами, восприняла уничтожение икон с большим трудом, потому что это противоречило исконным представлениям ее жителей о Боге, порожденным географическими факторами.

Падение иконоборчества, несмотря на блистательные военные и административные успехи иконоборческих императоров, позволяет сделать следующие выводы. При укреплении (в целях преодоления кризиса) доминантных институтов в институциональной матрице нельзя их абсолютизировать путем практически полной ликвидации комплементарных институтов. Институциональный гибрид является более устойчивым, а его формирование способствует долгосрочному выходу из кризиса только в том случае, если в процессе гибридизации учитываются географические условия, в которых находится социум.

История Западной Европы также подтверждает, что духовно-нравственный кризис является следствием существенного дисбаланса институциональной матрицы, и демонстрирует два варианта отклика на него, которые нашли отражение в религии: «сверху» – укрепление комплементарных институтов в ИМ, и «снизу» – укрепление доминантных институтов в институциональной матрице. Такое отличие от случая обществ Х-типа связано с тем, что религия выполняет компенсаторную функцию в общественной системе и сглаживает возникающие институциональные дисбалансы при их несбалансированном крене в сторону редистрибутивности или рыночности. В данном случае также наблюдается явление гибридизации религиозных институтов, что может служить индикатором попытки общественной системы адаптироваться к кризису.

Выводы

Таким образом, проведенный в работе анализ подтверждает, что духовно-нравственный кризис является следствием дисбаланса институциональной матрицы общественной системы (сложившегося соотношения между доминантными и комплементарными институтами, обеспечивающими устойчивое развитие общества). Индикатором кризиса является гибридизация религиозных институтов, в первую очередь, элементами религии общественной системы, внешнее давление которой испытывает кризисное общество.

При укреплении (в целях преодоления кризиса) доминантных институтов в институциональной матрице нельзя их абсолютизировать путем практически полной ликвидации комплементарных институтов. Кроме того, институциональный гибрид является более устойчивым, а его формирование способствует долгосрочному выходу из кризиса только в том случае, если в процессе гибридизации учитываются географические условия, в которых находится социум.

Изученная в статье гибридизация указывает на то, что религии в своем развитии взаимопроникали друг в друга намного больше, чем принято признавать, и опыт подобной гибридизации является наиболее прочным фундаментом плодотворного межконфессионального диалога.

Список источников

1. Вильданов И.Э., Падерин В.К. Кризис как показатель назревших социальных изменений [Crisis as an indicator of urgent social changes] // Ученые записки Казанского университета. 2008. Т. 150. Кн. 4. С. 201–207.
2. Волков Ю.Г., Дакоро М.А., Сагалаева Е.С., Таланова К.С. Духовно-нравственный кризис в России: статические характеристики [Spiritual and moral crisis in Russia: static characteristics] // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 12. С. 7–13.
3. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы: исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек [Cycles, crises, traps of the modern world system: study of kondratieff, juglar and secular cycles, global crises, malthusian and post-malthusian traps]. М.: Издательство ЛКИ, 2012.
4. Грызунова Е.А. Концепции кризиса социальной системы: сравнительный анализ [Concepts of social system crisis: comparative analysis] // Вестник МГИМО университета. 2012. № 4. С. 270–276. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-270-276>.
5. Добренев В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 6. Социальные деформации [Fundamental sociology. Vol. 6. Social deformations]. М.: ИНФРА-М, 2005.
6. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y теорию [Institutional matrices and Russia's development: An introduction to X-Y theory]. СПб.: Нестор-История, 2014.
7. Курило С.Н. Духовно-нравственный кризис человека как следствие переходного этапа общества: постановка проблемы [The spiritual and moral crisis of man as a consequence of the transitional stage of society: statement of the problem] // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 2. С. 137–140.
8. Леонтьев А.Н. Возникновение и эволюция психики [The emergence and evolution of the psyche] // Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I. М.: Педагогика. 1983. С. 143–279.
9. Летняков Д.Э. Политико-идеологические тренды постсоветских обществ: попытка обобщения [Political and ideological trends in post-Soviet societies: an attempt of generalization] // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 129–142.
10. Малая А.В. Социально-экономический кризис: сравнительный анализ и пути его преодоления [Socio-economic crisis: comparative analysis and ways to its overcome] // Стратегия и тактика управления предприятием в переходной экономике. Астрахань, 2017. С.29–30.
11. Рожественская И.А., Тамбовцев В.Л. Импорт институтов и диффузия идей [Import of institutions and diffusion of ideas] // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 468–479. <http://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-3.14>.
12. Сухов А.Н. Социально-экономический кризис: теоретический аспект [Socio-economic crisis: theoretical aspect] // Человеческий капитал. 2018. № 2. С. 94–99. <https://doi.org/10.25629/НС.2018.02.11>.
13. Таланова К.С. Теоретические проблемы социологического исследования духовно-нравственного кризиса в современной России [Theoretical problems of sociological research of the spiritual and moral crisis in modern Russia] // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 12. С. 328–333.
14. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества [Sociology. Analysis of modern society]. М.: Логос. 2005.
15. Щипков А.В. Системный кризис общества и состояние посткапитализма [Systemic crisis of society and the state of post-capitalism] // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 40–49.
16. Barakhvostov P.A. The Compensatory Function of Religious Institutions in the Society's Institutional Matrix // Mir Rossii, 2023. V. 32, № 4. P. 56–70. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-4-56-70>.
17. Bréhier L. Le Monde Byzantin, Tome 1: Vie et Mort de Byzance. Paris: Albin Michel, 1947.
18. North D.C. Institutions // Journal of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5. № 1. P. 97–112.
19. Freshfield E. A Manual of Roman Law: The Ecloga. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1926.
20. Harris E.J. Utilizing the Theology of Religions and Human Geography to Understand the Spatial Dimension of Religion and Conflict // Religions. 2022. Vol. 13. No. 6. P. 496. <https://doi.org/10.3390/rel13060496>.
21. Richardson M. Geographic Roots, Anthropological Routes: New Avenues in Geographies of Religions // Geography Compass. 2022. Vol. 16. No. 3. P. e12613. <https://doi.org/10.1111/gec3.12613>.

22. Voigt S. Determinants of Social Norms I–The Role of Geography // Journal of Institutional Economics. 2024. Vol. 20. P. e5. <http://doi.org/10.1017/S1744137423000310>.

Информация об авторе

БАРАХВОСТОВ Павел Александрович. Кандидат политических наук. Доцент. Доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета. <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Адрес: Белоруссия, 220070, г. Минск, Партизанский проспект, 26. barakhvostov@yandex.by

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 августа 2024 г. Одобрена после рецензирования: 7 октября 2024 г. Принята к публикации: 30 ноября 2024 г. Опубликовано: 4 декабря 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Vildanov I.E., Paderin V.K. Crisis as an indicator of urgent social changes. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta [Scientific notes of Kazan University]. 2008; 150(4):201–207 [In Russian].
2. Volkov Yu.G., Dakoro M.A., Sagalaeva E.S., Talanova K.S. Spiritual and moral crisis in Russia: static characteristics. Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]. 2014; 12:7–13 [In Russian].
3. Grinin L.E., Korotaev A.V. Cycles, crises, traps of the modern world system: study of kondratieff, juglar and secular cycles, global crises, malthusian and post-malthusian traps. Moscow: Izd-vo LKI, 2012 [In Russian].
4. Gryzunova E.A. Concepts of social system crisis: comparative analysis. Vestnik MGIMO [MGIMO Review of International Relations]. 2012; 4:270–276 [In Russian]. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-270-276>.
5. Dobren'kov B.I., Kravchenko A.I. Fundamental sociology (in 5 vols). Vol. 6. Social deformations. Moscow: INFRA-M, 2005 [In Russian].
6. Kirdina S.G. Institutional matrices and Russia's development: An introduction to X-Y theory. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014 [In Russian].
7. Kurilo S.N. The spiritual and moral crisis of man as a consequence of the transitional stage of society: statement of the problem. Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl' [Historical and socio-educational thought]. 2015; 7(2):137–140 [In Russian].
8. Leontiev A.N. The emergence and evolution of the psyche. Izbrannye psihologicheskie proizvedenija (in 2 vols), Vol. 1. Moscow: Pedagogika, 1983:143–279 [In Russian].
9. Letnyakov D.E. Political and ideological trends in post-Soviet societies: an attempt of generalization. Polis. Politicheskije issledovanija [Polis. Political Studies]. 2018; 1:129–142 [In Russian].
10. Malaya A.V. Socio-economic crisis: comparative analysis and ways to its overcome. Strategija i taktika upravljenija predprijatiem v perehodnoj jekonomike. Astrakhan, 2017:29–30 [In Russian].

11. Rozhdestvenskaya I.A., Tambovtsev V.L. Import of institutions and diffusion of ideas. AlterEconomics. 2019; 16(3):468–479 [In Russian]. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-3.14>.
12. Sukhiv A.N. Socio-economic crisis: theoretical aspect. Chelovecheskij kapital [Human capital]. 2018; 2:94–99 [In Russian]. <https://doi.org/10.25629/HC.2018.02.11>.
13. Talanova K.S. Theoretical problems of sociological research of the spiritual and moral crisis in modern Russia. Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]. 2014; 12:328–333 [In Russian].
14. Shtompka, P. Sociology. Analysis of modern society. Moscow: Lagos, 2005 [In Russian].
15. Shchipkov A.V. Systemic crisis of society and the state of post-capitalism. Voprosy filosofii [Questions of philosophy]. 2019; 9:40–49 [In Russian].
16. Barakhvostov P.A. The Compensatory Function of Religious Institutions in the Society's Institutional Matrix. Mir Rossii. 2023; 32(4):56–70 [In English]. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-4-56-70>.
17. Bréhier L. Le Monde Byzantin, Tome 1: Vie et Mort de Byzance. Paris: Albin Michel, 1947 [In French].
18. North D.C. Institutions. Journal of Economic Perspectives, 1991; 5(1):97–112 [In English].
19. E. A Manual of Roman Law: The Ecloga. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1926 [In English].
20. Harris E.J. Utilizing the Theology of Religions and Human Geography to Understand the Spatial Dimension of Religion and Conflict. Religions, 2022; 13(6):496 [In English]. <https://doi.org/10.3390/rel13060496>.
21. Richardson M. Geographic Roots, Anthropological Routes: New Avenues in Geographies of Religions. Geography Compass. 2022; 16(3):e12613 [In English]. <https://doi.org/10.1111/gec3.12613>.
22. Voigt S. Determinants of Social Norms I–The Role of Geography. Journal of Institutional Economics., 2024; 20:e5 [In English]. <https://doi.org/10.1017/S1744137423000310>.

About the author

Pavel A. BARAKHVOSTOV. CandSc. (Polit.). Associate Professor. Associate Professor of the Department of Political Science, Belarusian State Economic University, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Address: 26, Partizansky Prospekt, Minsk, 22070, Belarus, barakhvostov@yandex.by

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: August 15, 2024. Approved after review: October 7, 2024. Accepted for publication: November 30, 2024. Published: December 4, 2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Борьба с манипулированием и поощрением деструктивного поведения как элемент политико-правовой культуры

Сергей Викторович Базавлук^{1a}, Андрей Андреевич Ковалев^{2b}

¹Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, Москва, Россия

²Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

^a bazavluk@nicrus.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9739-2594>

^b kovalev-aa@ranepa.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Аннотация. Духовно-нравственное воздействие как один из способов информационного противостояния в рамках гибридной войны рассматривается в качестве угрозы национальной безопасности современной России. Данная угроза реализуется через воздействие на политико-правовую культуру россиян и конкретизируется с помощью ряда определенных проявлений данной угрозы, среди которых манипулирование и поощрение деструктивного поведения. Цель исследования – представить систему мер по противодействию угрозе духовно-нравственного воздействия, выраженной в манипулировании и поощрении деструктивного поведения. В качестве основного метода выбран аксиологический метод. Так, манипулирование рассматривается как часть военной стратегии противников современной России в лице коллективного Запада, при этом поощрение деструктивного поведения является узнаваемым элементом политики вестернизации культуры, под влиянием которой Россия находится уже несколько

десятилетий. В статье акцентируется внимание на том, что противодействие данной угрозе должно носить комплексный характер и базироваться на совокупных политических и правовых мерах. Особое внимание уделено рассмотрению мер по преодолению тех элементов духовно-нравственного воздействия, которые были выбраны в качестве предмета настоящего исследования, а именно – последствий манипулирования и поощрения деструктивного поведения среди россиян. Отдельно выделены политические меры и правовые инициативы, в качестве субъектов последних названы Совет Федерации РФ, Государственная Дума РФ и Общественная палата РФ. Отмечается, что выбор политико-правовой культуры россиян в качестве основного элемента военного противостояния обусловлен тем, что деградация культуры неизбежно приведет к вырождению нации, утрате ее национального облика, самоидентичности, суверенности и опор в процессе жизнедеятельности. Таким образом, только совместные усилия и солидарная ответственность государства и общества способны привести к положительному результату в процессе борьбы с манипулированием и поощрением деструктивного поведения и стать полноценным элементом развитой и зрелой политико-правовой культуры.

Ключевые слова: воздействие, духовно-нравственная сфера, противодействие, информационная война, вестернизация, инициативы, общество, государство

Для цитирования: Базавлук С.В., Ковалев А.А. Борьба с манипулированием и поощрением деструктивного поведения как элемент политико-правовой культуры // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 164-181, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-164-181](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-164-181)

Original Article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-164-181](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-164-181)

Combating Manipulation and Encouraging Destructive Behavior as an Element of Political and Legal Culture

Sergey V. Bazavluk^{1a}, Andrey A. Kovalev^{2b}

¹National Research Institute for the Development of Communications, Moscow, Russia

²Northwestern Institute of Management – branch of RANEPa, Saint-Petersburg, Russia

^a bazavluk@nicrus.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9739-2594>

^b kovalev-aa@ranepa.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Abstract. Negative spiritual and moral impact can be one of the manifestations of information confrontation within the framework of a hybrid war and can become a threat to the national security of modern Russia. This can be an impact on the political and legal culture of Russians through manipulation and encouragement of destructive behavior. The purpose of the study is to propose a system of measures to counter the threat of negative spiritual and moral impact. The axiological method was chosen as the

main research method. Manipulation is considered as part of the strategy of opponents of modern Russia represented by the collective West, the encouragement of destructive behavior is a recognizable element of the policy of Westernization of culture, under the influence of which Russia has been for several decades. Counteraction to this threat should be comprehensive and based on both political and legal measures. Particular attention is paid to the consideration of measures to overcome the consequences of manipulation and encouragement of destructive behavior among Russians. Political measures and legal initiatives of the Federation Council of the Russian Federation, the State Duma of the Russian Federation and the Public Chamber of the Russian Federation are separately highlighted. The degradation of culture will inevitably lead to the degeneration of the nation, the loss of its national image, self-identity, sovereignty and support in life. Only joint efforts and responsibility of the state and society can lead to a positive result in the fight against manipulation and the encouragement of destructive behavior and form a developed and mature political and legal culture.

Keywords: impact, spiritual and moral sphere, counteraction, information war, Westernization, initiatives, society, state

For citation: Bazavluk S.V., Kovalev A.A. Combating Manipulation and Encouraging Destructive Behavior as an Element of Political and Legal Culture. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 4(14): 164-181, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-164-181](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-164-181)

Введение

Безопасность современного государства зависит от множества различных факторов, одним из которых является развитое политико-правовое сознание. Однако в условиях гибридных войн, которые базируются на информационно-психологических атаках, политико-правовое сознание и культура в целом подвергаются деструктивному воздействию, приводящему к их деградации. Так нарушается стабильность и устойчивость общества.

Важно отметить, что в политико-правовой культуре кроме материальных аспектов существуют еще нематериальные (духовные), которые в большей степени в настоящее время подвергаются деструктивному воздействию. Таким образом, в современной России реализуется масштабная операция по достижению такого состояния политико-правовой культуры, которое можно назвать духовно-нравственным упадком. Такое негативное влияние осуществляется разными способами, в контексте настоящего исследования будут рассмотрены психологическое манипулирование как один из эффективных методов информационной войны и поощрение деструктивного поведения как элемент политики вестернизации, позиционируемые как угроза национальной безопасности. При этом важно отметить, что особое внимание должно быть уделено мерам, способствующим преодолению последствий данной угрозы, а также мерам превентивного характера.

Материалы и методы

В настоящее время духовная безопасность и ее место в политико-правовой культуре является темой многих научных исследований. Она раскрывается в работах Н.М.Добрынина [5; 7], Т.Марзала [30], Н.И.Матузова [12], М.В.Сальникова [16–20], Т.Эй-строупа [26] и других авторов.

Ключевым методом исследования является аксиологический метод. С помощью него удалось показать духовный аспект политико-правовой культуры и его защите как значимую часть политики обеспечения национальной безопасности современной России.

Цель исследования – представить систему мер по противодействию угрозе духовно-нравственного воздействия, выраженной в психологическом манипулировании и поощрении деструктивного поведения.

Задачи исследования: 1) рассмотреть политико-правовую культуру современной России как объект угрозы информационной войны; 2) предложить систему политико-правовых мер по противодействию представленной угрозе.

Результаты исследования

Угроза политико-правовой культуре

Гибридная война стала важной частью стратегии коллективного Запада против современной России. Эту войну можно дифференцировать по различным направлениям ее реализации, одним из которых являются операции, направленные на духовно-нравственное воздействие и признанные угрозой российской национальной безопасности. Итак, в рамках настоящего исследования будут рассмотрены следующие проявления рассматриваемой угрозы: психологическое манипулирование и поощрение деструктивного поведения. При этом главной мишенью при использовании таких военных методик, как психологическое манипулирование и поощрение деструктивного поведения, становится политико-правовая культура россиян.

В основе манипулирования лежат психологическое воздействие и психологическое влияние, которые являются ключевым способом ведения информационно-психологической войны, угрожающей национальной безопасности современной России. Так, под психологическим воздействием следует понимать процесс по изменению психики человека (группы) и его (их) поведения, который реализуется в ходе взаимодействия двух и более сторон с использованием разнообразных средств, в том числе и психологических [25, с. 277]. При этом ключевой целью влияния является стремление существенно изменить смысловые образования, установки, ценности, ценностные ориентации, а также поведенческую активность человека. Тем самым в основу психологического манипулирования закладывается выполнение задачи,

направленной на изменение фундаментальной сущности противника не с целью его уничтожения, а с целью управления и контроля [29, р. 599].

Поощрение деструктивного поведения и его одобрение стали прямым следствием проводимой в России в последние несколько десятилетий политики вестернизации культуры, которая приобрела характер колонизации [1, с. 66]. В 1990-е гг. приверженность этому пути развития казалась естественной и единственно возможной для России, однако в настоящее время становится очевидным, что вестернизация для незападных обществ оказалась губительной. Поэтому наиболее оптимальным способом перейти на следующую ступень развития для современных национальных государств является вступление в стадию модернизационного развития, которую можно охарактеризовать как становление гуманистической цивилизации в пространстве многополярного мира [22].

Таким образом, информационно-психологическое воздействие является ключевым способом ведения войны в XXI в., которая базируется преимущественно на информационно-психологических манипуляциях. Цель их проведения – дезинформация, устрашение, эмоционально-волевое подавление, распространение слухов и проч. [9, с. 27]. В ходе проведения подобных операций деформируется национальная идентичность, подрываются основы нации и государства как устойчивого и исторически обусловленного образования, а также подвергается несанкционированным корректировкам политико-правовая культура.

Важно отметить, что культура – это не статичный элемент, характеризующий ту или иную нацию, это подвижный, меняющийся со временем, адаптивный конструкт, благодаря которому общество может не только, оглядываясь на свое прошлое, иметь устойчивую основу существования, но также и осознавать собственное место в настоящем и независимо от внешних сил конструировать свое будущее. При этом в культуре как комплексном явлении материальный и нематериальный аспекты имеют большое значение, а в условиях информационных и ментальных войн нематериальная сторона культуры, ее развитие, сохранение и поддержание все интенсивнее выдвигаются на передний план. Культура должна иметь «достаточные условия для развития и раскрытия духовного и творческого потенциала каждой личности» [4, с. 16].

В современной России духовно-нравственная сторона развития общества стала предметом повышенного внимания не только на быденном уровне, но и на правовом. Так, в 2022 г. был принят Указ о защите традиционных духовно-нравственных ценностей¹, раскрывающий некоторые положения Стратегии национальной безопасности РФ 2021 г.² и ряда других нормативных актов. Также большое значение для

развития и укрепления политико-правовой культуры россиян имеют Указ Президента РФ «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности»³ и конкретизирующее и дополняющее его распоряжение Правительства РФ о перечне стран, навязывающих россиянам деструктивные, чуждые ценности⁴. Такую политико-правовую инициативу справедливо можно назвать смелой, так как при конституционно установленном идеологическом плюрализме и запрете на официальную идеологию подобная фиксация на одном предмете становится намеком на формирование официальной государственной идеологии. Однако, по нашему мнению, такой ответственный шаг своевременен и актуален, и, возможно, в будущем он, наряду с другими факторами, может стать поводом для конституционной реформы.

Современная Россия осознала, что политико-правовое пространство, ориентирующееся на плюрализм, стало жертвой либеральных веяний последних десятилетий, поэтому усилием политической воли сделала многообещающий «русский поворот» в политико-правовом дискурсе, который ориентируется на «импортозамещение» и в идеологической сфере. Тем самым «российскому народу, как, впрочем, и элите, необходимо стратегическое видение будущего России. И речь идет не столько о ближайшем будущем, сколько о принципиальной стратегии. Можно сказать, это экзистенциальный вопрос, вопрос смысла, предназначения» [16, с. 197].

В настоящее время становится очевидным, что суверенитет государства и народа зависит от сохранения политико-правовой традиции, под которой следует понимать «специфический механизм передачи от поколения к поколению социальных ценностей» [17, с. 78]. В систему этих ценностей наряду с понятием справедливости, добра и зла входят также духовно-нравственные идеалы, этические и моральные принципы. Таким образом, эти ценности ложатся в основу политико-правовой культуры, они становятся образцами сознания и поведения, а также получают юридическое воплощение в системе позитивного права. Однако в условиях информационно-психологического давления, оформившегося в полноценную некинетическую войну, возникают различные угрозы, оказывающие негативное влияние на политико-правовую культуру [10]. В контексте рассматриваемой проблематики особый исследовательский интерес представляет угроза духовно-нравственного воздействия, которая может иметь различные проявления, например, через психологическое манипулирование и поощрение деструктивного поведения. С помощью высокого уровня развития информационно-коммуникационных технологий угроза такого воздействия воплощается в реальность и требует незамедлительного реагирования [28, р. 14].

¹ Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.

³ Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности: Указ Президента Российской Федерации от 19.08.2024 г. № 702 // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51035>.

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 сентября 2024 г. № 2560-р // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200036?index=1>.

По справедливому мнению доктора юридических наук Н.М.Добрынина, деформация массового сознания россиян является основной причиной трудной реализуемости на практике конституционных идеалов и ценностей [6, с. 45]. Это означает, что правопорядок, законопослушность, развитая политико-правовая культура и зрелое гражданское общество должны не навязываться вместе с навязыванием чуждых идеалов и смыслов, а стать естественным следствием «взросления» народа на почве духовно-нравственных устоев. В настоящее время все острее встает вопрос о качественном диалоге, сотрудничестве между государством и обществом, которые наравне должны быть заинтересованы в сохранении субъектности государства и его народа, а также независимости и дальнейшем многостороннем развитии России. Таким образом, самым оптимальным, рациональным и жизнеспособным сценарием дальнейшего существования России является сочетание традиции и инновации (в самом широком смысле) при взаимодействии государства и общества. В настоящем контексте также уместно говорить о формировании электронной политико-правовой культуры, ориентированной при этом на традиционные ценности.

Помимо признания угрозы духовно-нравственного воздействия и ее конкретных проявлений в виде психологического манипулирования и поощрения деструктивного поведения от современной России требуется адекватный ответ на эту угрозу. Такое сопротивление можно признать элементом развитой политико-правовой культуры, которая воплощает в себе готовность отстаивать собственный суверенитет, самостоятельность во внутренних и внешних делах, а также способность к диалогу всех заинтересованных сторон. Этому вопросу в настоящей статье уделено отдельное внимание.

Комплексные меры по преодолению элементов угрозы духовно-нравственного воздействия

Психологическое манипулирование справедливо признано основой информационно-психологических войн [13, с. 89], которые не являются спонтанными и стихийными. Напротив, это явление представляет собой результат слаженной и трудоемкой работы противоборствующей стороны. Пример тому – современная Украина [23]. Там на протяжении длительного времени формировалась внешняя идеология управления в информационном пространстве, развернутая и контролируемая коллективным Западом. Такое внутриполитическое положение является проявлением настоящей психологической войны, провоцирующей деструктивное поведение.

Тем самым манипулирование становится повсеместным и приобретает масштабы угрозы. Психологическое манипулирование стало визитной карточкой настоящего времени. Оно повсюду – в личной и общественной жизни, в политике, в рекламе, на телевидении, в Интернете [11, с. 70] и т.д. Этот феномен можно объяснить тем, что современным человеком, более или менее социализированным, управляет страх неудач. Соответственно, этот самый страх и выступает основой для манипулирования.

Страх неудач – это прямое следствие капитализма и западного образа жизни. Люди стремятся добиться успеха во всем, однако они не всегда осознают возможные трудности и риски. Страх неудач – главный инструмент манипулирования людьми и побуждения к саморазрушительному поведению. Регулировать нюансы этой ситуации необходимо на уровне школьного образования, создавая условия для обеспечения детям эмоционального благополучия и помогая им учиться справляться с возможными неудачами в раннем периоде жизни для адаптации уже во взрослом возрасте.

Для преодоления этой угрозы нужно ориентироваться на повышение социальных и профессиональных связей людей (так манипуляции лучше видны и им проще сопротивляться) и выработку терпимости к неудачам (так формируется устойчивость), снижающей предрасположенность к саморазрушающему поведению и принятию манипуляций. К сожалению, во многих современных обществах утрачивается способность сопротивляться неудачам, которые публично преподносятся и воспринимаются индивидуально как крах. При этом столь распространенные в настоящее время социальные сети являются средоточием обезличенных и незаметных, но при этом весьма эффективных техник манипуляций. То есть современное информационное пространство и способы коммуникации между людьми являются идеальной манипулятивной средой.

Вообще борьба с угрозой психологического манипулирования и поощрения деструктивного поведения может быть успешной только в том случае, когда она будет проводиться на основе просвещения, развития культуры, распространения продуктивной интернет-информации, в том числе полезной и познавательной для повседневной жизни.

Очевидно, что чем менее просвещен человек и чем ниже его уровень образования, духовности и в целом культурного развития, тем легче манипулировать его сознанием, волей и поведением. Сила воли, сила духа, душевный настрой и разумный подход к природе, обществу и человеку зависят от того, какое мировоззрение и культуру воспитало в личности общество.

Если раньше, в XX в., знания о том, что происходит в мире, приходили из газет, журналов, радио, телевидения, то сегодня эту информацию легче всего получить через Интернет, социальные сети и видеоканалы. То есть система просвещения перенесена в сферу интернет-пространства: социальные сети, каналы, сайты, электронную почту, платформы и т.п. Именно там, в виртуальном мире, люди могут легко, по запросу, получать любую информацию, узнавать о событиях в мире, о настроениях, взглядах, предпочтениях, проблемах социума, а также подвергаться воздействию пропаганды и информационных диверсий. Именно в этой среде диверсантами используется подложная, деструктивная, фейковая информация, а также информация, которая нацелена на формирование узкого, ограниченного самосознания, легко поддающегося манипулированию [15]. Все это проводится в целях ведения когнитивных, ментальных и поведенческих войн, пагубно влияющих на политико-правовую культуру общества.

Литература, кинематограф, театр, выставки, публицистика, телешоу, мини-режиссура в социальных сетях, обучающие игры, виртуальный мир в целом, метавселенная, – все это поле деятельности для воспитания духовно-нравственных ценностей, заложенных в основу развитой политико-правовой культуры, то есть направленных на устранение и минимизацию угрозы психологического манипулирования и публичного одобрения (поощрения) деструктивного поведения. Тем самым для устранения последствий данной угрозы необходимо преодолеть деформацию национального культурного кода, принижение роли национальных культурных традиций, нацеленность на воспитание прагматично и рационально настроенного человека-потребителя, социально атомизированного индивида и такой личности, которая понимает свободу как произвол и вседозволенность, на воспитание космополита без патриотического сознания и пацифиста в условиях войны.

Исследование мировоззрения современной молодежи в больших городах показало, что уровень патриотического настроения существенно снизился. Значительная часть молодых людей считает, что Родина – там, где комфортно и хорошо платят [8]. Такое восприятие нарушает целостность ядра политико-правовой культуры современной молодежи, что, в свою очередь, является грозным проявлением проблем с национальной безопасностью России [14].

Также здесь негативную роль играет подражание, когда возведенные в культ персонажи, феномены или явления порождают не просто возникновение деструктивного поведения, но и его поощрение. Например, в современной российской молодежной среде романтизируется образ колумбайнеров [21]. К сожалению, данный культ уже давно вышел за виртуальные рамки и стал частью российской действительности. В процессе преодоления данного негативного явления серьезная роль отводится системе образования и воспитания, то есть качественной работе с детьми и молодежью по профилактике деструктивного поведения. При этом важно отметить, что особое внимание необходимо уделять тем молодым людям, которые находятся в группе риска [24].

Необходимо четко понимать, что устойчивый к психологическому манипулированию человек осознает разрушительный характер деструктивного поведения, которое вредит не только обществу как слаженной системе сосуществования людей между собой и во взаимоотношениях с государством, но также и самому человеку. Только у зрелой и самостоятельной личности срабатывает критическое мышление и происходит ментальное сопротивление и противодействие психологическому манипулированию, навязыванию и возведению в культ (романтизации) деструктивного поведения. Именно знание и осознание культуры и истории своей страны становятся сильным оружием в противостоянии чужому внешнему влиянию на содержание внутреннего мира, менталитет и поведение личности.

Для воспитания таких качеств в личности необходимо популяризировать в СМИ тему правильного понимания личности как такой индивидуальности, которая не может быть оторвана от культуры своей страны и народа. Здесь необходимо продемонстрировать, что полноценная личность всегда представляет культуру своей

страны, это не атомизированная единица, нацеленная только на свое благополучие, напротив, она является истинным представителем своего народа.

Тема психологического манипулирования в контексте военной безопасности приобрела особую актуальность в период проведения СВО, так как в настоящее время потоки непроверенной и недостоверной информации многократно увеличились, а это, в свою очередь, является прямым следствием стремления усилить попытки манипулирования массовым сознанием россиян. При этом с помощью использования психологического манипулирования можно добиться приобщения людей (особенно молодежи) к деструктивной идеологии, следование которой поощряется и одобряется [3].

Минимизировать эту угрозу можно только через противопоставление, а именно активное освещение через школу, СМИ и Интернет здоровых человеческих отношений, проверенных веками и устоявшихся в традиционных культурах народов России. К сожалению, ни на российском телевидении, ни на радио в настоящее время нет регулярных передач, посвященных жизни этнических регионов.

Также необходимо укреплять межличностные связи. Ведь люди мало знают о том, что происходит у их близких и дальних соседей, как и чем они живут. Таких передач в прайм-тайм нет. Есть на радиостанции «Радио России» познавательная программа Николая Мамулашвили «Кавказский акцент». По аналогии можно создать похожие программы о Поволжье, Крайнем Севере, Сибири, Дальнем Востоке и других регионах нашей страны.

Важным моментом в преодолении рассматриваемой угрозы является укрепление сплоченности россиян как единой нации, представленной всеми народами России. Так, показательным, по нашему мнению, является общение ведущих «Радио России» со своей аудиторией 4 ноября 2021 г. (в День народного единства). Слушатели через мессенджеры задались вопросом о том, почему ведущие ставят зарубежную музыку даже в День народного единства. Вместо нее они просили поставить музыку народов России, которую называли музыкой нашей страны. Однако ведущие не поняли посыл (причем весьма справедливый и уместный) написавших, которые просили включить в эфир популярные песни на татарском, башкирском, чувашском, чеченском и других языках народов России. К сожалению, эта просьба жителей этнических регионов осталась не услышанной, так как столичные журналисты даже не поняли ее суть. Этот разрыв в мировоззрении существует, он очевиден и никак не способствует ретрансляции менталитета россиян как единой нации.

А если нация дробится по тем или иным характеристикам (например, по признаку многонациональности), то и единство ее ослабевает, становясь объектом различных угроз национальной безопасности. Поэтому наличие четких морально-нравственных ориентиров, способствующих формированию личной гражданской сознательности, может стать действенным средством противодействия психологическому манипулированию и пропаганде деструктивного поведения [27, р. 381]. Формирование ценностных ориентиров может осуществляться в рамках общенациональной идеологии.

Такие инициативы, как движение «Россия – страна возможностей», должны стать в государстве наиболее популярными, массовыми и быть многоуровневыми (муниципальными, региональными, всероссийскими), чтобы дать возможность гражданам разных возрастов воспользоваться различными лифтами: социальным, управленческим, научным, творческим и др.

Также в качестве мер по ликвидации последствий рассматриваемой угрозы можно предложить: 1) жесткое законодательное регулирование в информационной политике государства; 2) широкую пропаганду и стимулирование различных положительных поведенческих форм и образов, в том числе и в рамках патриотического воспитания молодежи; 3) возрождение молодежных организаций на государственном уровне, создание их отделений в учебных заведениях и, возможно, на предприятиях.

Чтобы противодействовать психологическому манипулированию и поощрению деструктивного поведения, важно в системе детского и подросткового воспитания и образования:

- 1) поощрять игровое познание, стимулирующее терпение и труд;
- 2) противодействовать детской компьютерной игромании, контролировать все игры, содержащие аморальное воспитание (например, начисление денег или игровых бонусов за убийства, нанесение увечий живому организму и проч.);
- 3) создавать жесткую цензуру относительно детских компьютерных игр, детской литературы;
- 4) вернуть в систему семейного и общественного воспитания понятие «труд» (пропагандировать необходимость труда, осуществлять поощрение за труд и т.д.);
- 5) восстановить в обществе уважение к творчеству, созиданию, служению другим людям, подвигу, служению Отчизне, патриотизму;
- 6) воспитывать отрицательное отношение к разрушению, преступлению, лени, эгоизму, тунеядству, бессмысленной трате времени на кеши, баллы, «выигрыши», спекуляции и т.п.;
- 7) создать жесткую цензуру в рекламе в любых ее видах;
- 8) поощрять создание художественных произведений, посвященных вышеуказанным идеям, в том числе произведений в новом формате с использованием новых электронных технологий, показа их в электронных сетях. Этому поощрению могут быть посвящены конкурсы, гранты, благотворительные фонды, при этом сами люди должны принимать в этих мероприятиях активное участие, в том числе в качестве инициаторов и организаторов, а не только участников.

Важно понимать, что успех политико-психологического манипулирования и навязывания с его помощью деструктивного поведения зависит от того, насколько качественно было произведено изучение (узнавание) массового сознания противника, составными элементами которого выступают идеология, политические установки, уровень правосознания, стереотипы и политико-правовые ориентации [2, с. 23]. Это означает, что и противостояние угрозе психологического манипулирования должно быть основано на осознании характеристик этих составляющих. Напри-

мер, неядовитым является желание слепо и бескомпромиссно уповать на традиционные российские ценности, которые должны быть в менталитете современных россиян, не сопоставив их состояние с реалиями сегодняшнего дня. Важно понимать, что традиции, олицетворяя в целом консервативную составляющую жизни каждого народа, все же подвержены трансформациям, непрерывно проходя процесс актуализации в соответствии с реалиями того или иного времени. Также на изменчивость традиций и массового сознания влияют внешние воздействия (и не всегда позитивные). Так, социологические опросы последних лет убедительно демонстрируют, что традиционно присущий россиянам коллективизм трансформировался в свою противоположность – индивидуализм и даже эгоизм. И чем младше опрашиваемые, тем чаще они отвечали, что личные интересы превыше всего и их нельзя ничем ограничивать⁵. Такое мировоззрение наглядно продемонстрировали и мужчины призывного возраста, массово покинувшие Россию в период объявления и проведения частичной мобилизации осенью 2022 г.

К такому исходу привело неправильное понимание и практическая реализация либерально-демократической идеологии в России с 1990-х гг., когда шло активное развитие первой части (либерализма) и полное игнорирование второй (демократии). Так в России возник либерализм без демократии или «страна напуганных атомов»⁶. Именно поэтому решением данной проблемы, которая усугубляет рассматриваемую угрозу, может стать развитие второго элемента – демократии – через узнавание (изучение) народа, повышение уровня доверия к нему со стороны власти и наоборот, а также развитие гражданского общества как активного политического субъекта.

Итак, в раскрытии идеи усовершенствования политико-правовой культуры россиян немаловажное значение имеет правовой аспект, который в контексте настоящего исследования выражается в изучении инициатив органов власти и общественных институтов, способных противостоять угрозе психологического манипулирования и поощрения деструктивного поведения. Так, в рамках своих полномочий:

- Совет Федерации иницирует разработку и принятие законов, направленных на защиту граждан от информационно-психологических угроз. Законодательные меры направлены на регулирование деятельности СМИ, социальных сетей и других платформ, где возможно совершение действий по манипуляции сознанием. Например, должны ужесточаться требования к контенту, распространяемому через данные каналы, с усилением мер по борьбе с фейковыми новостями и дезинформацией. Также Совет Федерации обладает полномочиями по контролю за исполнением уже принятых законов. В данной сфере он способен усилить надзор за соблюдением законодательных норм, касающихся защиты информации и предотвращения распространения деструктивного контента, особенно среди молодежи. Верхняя палата

⁵ Федоров В. Ценности современного российского общества // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2022-07-20_Cennosti_sovremennogo_rossijskogo_obshchestva_Fedorov.pdf.

⁶ Юдин Г. Страна напуганных атомов // Новая газета. 19.12.2018. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/12/18/78978-strana-raspavshayasya-na-atomy>.

Парламента РФ выступает в качестве представителя регионов, поэтому координирует усилия субъектов Федерации в вопросах ментальной безопасности. Ее полномочия предусматривают разработку региональных программ по профилактике деструктивного поведения и поддержке психологического здоровья населения. Дополнительной мерой может стать организация Советом Федерации круглых столов, слушаний и общественных дискуссий по вопросам ментальной безопасности. Такие мероприятия помогают привлечь внимание к проблеме, выработать эффективные меры и вовлечь экспертов для обсуждения возможных решений;

● Государственная Дума инициирует создание законодательной базы, направленной на регулирование деятельности онлайн-платформ и социальных сетей. Такие законы включают в себя обязательные механизмы проверки и маркировки контента, а также алгоритмы выявления и блокировки деструктивного поведения и манипуляций в сети. В ведении Нижней палаты российского Парламента находится законотворческая деятельность, благодаря которой она может совершенствовать административные законы и уголовный кодекс с целью усиления ответственности за деструктивную деятельность, оказывающую отрицательное воздействие на ментальную безопасность россиян. Речь может идти, например, об ужесточении ответственности за пропаганду насилия или суицида. Посильный вклад в процесс противодействия угрозе психологического манипулирования и поощрения деструктивного поведения также могут внести парламентские партии и каждый парламентарий в отдельности. Так, партии могут инициировать разработку и запуск образовательных проектов, различных молодежных программ, в том числе по борьбе с интернет-буллингом. Также парламентские партии могут в рамках проводимых ими информационных кампаний повышать осведомленность своих избирателей о рисках психологического манипулирования, деструктивного поведения и их последствиях;

● Общественная палата может стать инициатором независимых экспертиз законов РФ с целью обнаружения тех из них, которые негативно влияют на ментальную безопасность россиян. Такая деятельность направлена на минимизацию рисков в этой сфере, а в случае обнаружения таковых – на разработку предложений, направленных на защиту ментального благополучия граждан от манипулятивных и деструктивных практик. В рамках своих полномочий Общественная палата может всерьез заняться этическим обеспечением информационного пространства, например, с помощью введения рекомендательных правил и стандартов по приемлемому освещению блогерами, журналистами и администраторами социальных сетей важных тем. Такие меры способны снизить уровень агрессии в сфере коммуникации и пресекать распространение дезинформации. В сферу ответственности Общественной палаты входит проведение регулярного мониторинга уровня ментальной безопасности в обществе, по результатам которого составляются аналитические отчеты, доклады, выдвигаются соответствующие предложения и проекты по улучшению текущей ситуации, становящиеся базой для дальнейших законодательных инициатив. На институты гражданского общества возлагается не менее ответственная роль. Так, они могут реализовывать различные просветительские программы, повышающие

уровень осведомленности россиян в вопросах минимизации рисков психологических манипуляций и последствий деструктивного поведения. Тем самым с помощью тренингов, семинаров, мастер-классов, онлайн-обучения у участников формируются навыки критического мышления, необходимого для преодоления угрозы духовно-нравственного воздействия.

Выводы

Политико-правовая культура является важнейшим элементом национальной безопасности современной России. Неслучайно именно культура была выбрана в качестве ключевого объекта воздействия, ведь деградация культуры неизбежно приведет к вырождению нации, утрате ее национального облика, самоидентичности, суверенности и опор в процессе жизнедеятельности. В настоящем исследовании раскрыты основные направления и способы деструктивного воздействия на политико-правовую культуру, среди них психологическое манипулирование и поощрение деструктивного поведения, а также меры противодействия им. Успех проводимых мероприятий зависит от совместной вовлеченности и заинтересованности в положительном результате как российской властной элиты, так и самих россиян. Только их слаженные и согласованные усилия смогут сделать борьбу с угрозой духовно-нравственного воздействия действительно эффективной.

Список источников

1. Алексеенко О.В. Вестернизация как одна из тенденций развития современного мирового пространства [Westernization as one of the trends in the development of modern global space] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2009. № 4. С. 65–70.
2. Андросова И.Г., Стрижова Е.В. Особенности объекта политико-психологического манипулирования в современной России [Features of the object of political-psychological manipulation in modern Russia] // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 7(109). С. 21–26.
3. Гогиберидзе Г.М. Профилактика вовлечения подростков в деструктивные секты [Prevention of adolescent involvement in destructive sects] // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2019. № 2. С. 240–247.
4. Гомбоева Л.В. Развивающая культура: этико-политико-правовые основы [Developing culture: ethical, political, and legal foundations] // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 1. С. 16–24.
5. Добрынин Н.М. О сущности правового нигилизма и правового идеализма: антропология права и взгляды Н.И.Матузова [On the essence of legal nihilism and legal idealism: anthropology of law and the views of N.I.Matuzov] // Государство и право. 2015. № 12. С. 80–92.
6. Добрынин Н.М. О сущности российского конституционализма [On the essence of Russian constitutionalism] // Российский юридический журнал. 2020. № 4(133). С. 40–51. <https://doi.org/10.34076/2071-3797-2020-4-40-51>.
7. Добрынин Н.М. Размышления о российском конституционализме и политико-правовом режиме в государстве: правовая аксиология и авторский взгляд [Reflections on Russian constitutionalism and the political-legal regime in the state: legal axiology and author's perspective] // Государство и право. 2017. № 2. С. 41–52.
8. Дудина М.М., Смирнова Н.А., Смирных А.Ю. Представления о городском патриотизме среди молодежи как субкультурный индикатор вектора муниципальных перемен [Representations of urban patriotism among young people as a subcultural indicator of municipal

- changes] // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4(37). С. 34–39. <https://doi.org/10.22394/2304-3385-2021-4-34-40>.
9. Касюк А.Я. Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве [Information-psychological impact in information confrontation] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 1(842). С. 22–34. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_1_842_22.
 10. Коданева С.И. «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие [«Hybrid threats» to Russia's security: identification and counteraction] // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 44–71. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-3>.
 11. Курилкин А.В. Проблемы информационно-психологического манипулирования в пространстве сети Facebook [Problems of information-psychological manipulation in the Facebook network] // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2019. № 2. С. 69–72.
 12. Матузев Н.И. Правовой идеализм как специфическая форма деформации общественного сознания [Legal idealism as a specific form of deformation of public consciousness] // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4(93). С. 19–27.
 13. Пирогова С.В. Манипулирование как основа информационно-психологической войны [Manipulation as the basis of information-psychological warfare] // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2016. Т. 7. № 3(25). С. 86–92.
 14. Погосян Л.А., Веселая Т.В. Политическая культура как фактор формирования социальной активности молодежи: политико-правовой анализ [Political culture as a factor in shaping social activity of youth: political-legal analysis] // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 6(79). С. 62–65.
 15. Полищук С.В., Григорьев С.М. Формирование информационно-правовой культуры обучающихся военных вузов в условиях фейкодемии [Formation of information-legal culture among military university students in the context of the «fake pandemic»] // Человеческий капитал. 2021. № 3(147). С. 220–226. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.03.20/>
 16. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе [The “Russian turn” in political-legal discourse] // Ученые записки юридического факультета. 2015. № 38(48). С. 192–198.
 17. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях [National-ethnic values in legal culture and political-legal traditions] // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 3. С. 1096–1100.
 18. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей [Legal culture and political-legal traditions in the context of absolute values] // Юридическая мысль. 2014. № 4(84). С. 70–86.
 19. Сальников М.В. Политико-правовая традиция и правовая культура общества: соотношение в теоретическом правоведении и юридической практике [Political-legal tradition and legal culture of society: correlation in theoretical jurisprudence and legal practice] // Мир политики и социологии. 2013. № 9. С. 169–186.
 20. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий [Political-legal tradition, legal culture, and legal system: correlation of categories] // Мир политики и социологии. 2012. № 9. С. 153–156.
 21. Сапрыкин В.А. Деструктивное поведение молодежи в условиях информационной войны: колумбайн-вызовы и меры преодоления [Destructive behavior of youth in the context of information warfare: Columbine challenges and measures for overcoming] // Теория и практика общественного развития. 2019. № 1(131). С. 18–21.
 22. Тихонова В.А. Культура в контексте противоречий глобализационного процесса [Culture in the context of the contradictions of the globalization process] // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2(88). С. 22–29. <https://doi.org/10.24411/1997-0803-2019-10202/>.
 23. Хабаров А.А. Техники лингвокогнитивного манипулирования в реалиях информационно-психологического противоборства [Techniques of linguistic-cognitive manipulation in the realities of information-psychological confrontation] // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. С. 72–82.
 24. Хребина С.В., Никулина С.А., Воронкина Л.Б. Влияние деструктивных паттернов поведения в средствах массовой коммуникации на повышение выраженности уровня агрессии у аудитории [Influence of destructive behavior patterns in mass communication media on the increase in aggression levels among the audience] // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2022. № 1(57). С. 121–129.

25. Шарафутдинова Н.В. Воздействие, психологическое воздействие, влияние, психологическое влияние: научные определения понятий [Impact, psychological impact, influence, psychological influence: scientific definitions of concepts] // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 4. С. 276–279. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-4-276-279/>
26. Aistrophe T. Popular Culture, the Body, and World Politics // European Journal of International Relations. 2020. № 26. P. 163–186. <https://doi.org/10.1177/1354066119851849>.
27. Chester D.S., Lasko E.N. Construct Validation of Experimental Manipulations in Social Psychology: Current Practices and Recommendations for the Future // Perspectives on Psychological Science. 2020. № 16. P. 377–395. <https://doi.org/10.1177/1745691620950684>.
28. Gray C.M., Chen J., Chivukula S., Qu L. End User Accounts of Dark Patterns as Felt Manipulation // Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. 2020. № 5. P. 1–25. <https://doi.org/10.1145/3479516>.
29. Lau S. The Good, the Bad, and the Tradecraft: HUMINT and the Ethics of Psychological Manipulation // Intelligence and National Security. 2022. № 38. P. 592–610. <https://doi.org/10.1080/02684527.2022.2129159>.
30. Marzal T. et al. Between Integration and the Rule of Law: EU Law's Culture of Lawful Messianism // German Law Journal. 2023. № 24. P. 718–734. <https://doi.org/10.1017/glj.2023.43>.

Информация об авторах

БАЗАВЛУК Сергей Викторович. Кандидат политических наук. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК). <http://orcid.org/0000-0002-9739-2594>. Адрес: Российская Федерация, 119571, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. bazavluk@nicrus.ru

КОВАЛЕВ Андрей Андреевич. Кандидат политических наук. Доцент. Доцент кафедры государственного и муниципального управления. Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). <http://orcid.org/0000-0002-7760-5732>. Адрес: Российская Федерация, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43. kovalev-aa@ranepa.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 4 октября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 25 октября 2024 г. Принята к публикации: 30 ноября 2024 г. Опубликовано: 4 декабря 2024 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Alekseenko O.V. Westernization as one of the trends in the development of modern global space. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov [RUDN Journal of Political Science]. Seriya: Politologiya. 2009; 4:65–70 [In Russian].

2. Androsova I.G., Strizhova E.V. Features of the object of political-psychological manipulation in modern Russia. *Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura* [Ethnosocium and Interethnic Culture]. 2017; 7:21–26 [In Russian].
3. Gogiberidze G.M. Prevention of adolescent involvement in destructive sects. *Gercenovskie chteniya: psichologicheskie issledovaniya v obrazovanii* [Herzen Readings: Psychological Research in Education]. 2019; 2:240–247 [In Russian].
4. Gomboeva L.V. Developing culture: ethical, political, and legal foundations. *Gumanitarnyj vektor* [Humanities Vector]. 2017; 12(1):16–24 [In Russian].
5. Dobrynin N.M. On the essence of legal nihilism and legal idealism: anthropology of law and the views of N.I. Matuzov. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. 2015; 12:80–92 [In Russian].
6. Dobrynin N.M. On the essence of Russian constitutionalism. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal* [Russian Law Journal]. 2020; 4(133):40–51 [In Russian]. <https://doi.org/10.34076/2071-3797-2020-4-40-51>.
7. Dobrynin N.M. Reflections on Russian constitutionalism and the political-legal regime in the state: legal axiology and author's perspective. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. 2017; 2:41–52 [In Russian].
8. Dudina M.M., Smirnova N.A., Smirnykh A.Yu. Representations of urban patriotism among young people as a subcultural indicator of municipal changes. *Municipalitet: ekonomika i upravlenie* [Municipality: Economics and Management]. 2021; 4:34–39 [In Russian]. <https://doi.org/10.22394/2304-3385-2021-4-34-40>.
9. Kasiuk A.Ya. Information-psychological impact in information confrontation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences]. 2021; 1:22–34 [In Russian]. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_1_842_22.
10. Kodaneva S.I. "Hybrid threats" to Russia's security: identification and counteraction. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law]. 2020; 13(2):44–71 [In Russian]. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-3>.
11. Kurilkin A.V. Problems of information-psychological manipulation in the Facebook network. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology]. 2019; 2:69–72 [In Russian].
12. Matuzov N.I. Legal idealism as a specific form of deformation of public consciousness. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii* [Bulletin of Saratov State Law Academy]. 2013; 4:19–27 [In Russian].
13. Pirogova S.V. Manipulation as the basis of information-psychological warfare. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANHiGS* [Scientific Works of the North-West Institute of Management of the RANEPa]. 2016; 7(3):86–92 [In Russian].
14. Pogosyan L.A., Veselaya T.V. Political culture as a factor in shaping social activity of youth: political-legal analysis. *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki* [Humanities and Socio-Economic Sciences.] 2014; 6:62–65 [In Russian].
15. Polishchuk S.V., Grigoriev S.M. Formation of information-legal culture among military university students in the context of the "fake pandemic". *Chelovecheskij kapital* [Human Capital]. 2021; 3:220–226 [In Russian]. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.03.20>.
16. Salnikov V.P., Romanovskaya V.B., Salnikov M.V., Romanovskaya L.R. The "Russian turn" in political-legal discourse. *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta* [Scientific Notes of the Law Faculty]. 2015; 38:192–198 [In Russian].
17. Salnikov V.P., Salnikov M.V. National-ethnic values in legal culture and political-legal traditions. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University]. 2014; 19(3):1096–1100 [In Russian].
18. Salnikov V.P., Salnikov M.V. Legal culture and political-legal traditions in the context of absolute values. *Yuridicheskaya mys'l* [Legal Thought]. 2014; 4:70–86 [In Russian].
19. Salnikov M.V. Political-legal tradition and legal culture of society: correlation in theoretical jurisprudence and legal practice. *Mir politiki i sociologii* [World of Politics and Sociology]. 2013; 9:169–186 [In Russian].
20. Salnikov M.V. Political-legal tradition, legal culture, and legal system: correlation of categories. *Mir politiki i sociologii* [World of Politics and Sociology]. 2012; 9:153–156 [In Russian].
21. Saprykin V.A. Destructive behavior of youth in the context of information warfare: Columbine challenges and measures for overcoming. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. 2019; 1:18–21 [In Russian].
22. Tikhonova V.A. Culture in the context of the contradictions of the globalization process. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Moscow State

- University of Culture and Arts]. 2019; 2:22–29 [In Russian]. <https://doi.org/10.24411/1997-0803-2019-10202>.
23. Khabarov A.A. Techniques of linguistic-cognitive manipulation in the realities of information-psychological confrontation. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics]. 2021; 4:72–82 [In Russian].
24. Khrebina S.V., Nikulina S.A., Voronkina L.B. Influence of destructive behavior patterns in mass communication media on the increase in aggression levels among the audience. *Gumanitarnye nauki (g. Yalta)* [Humanities (Yalta)]. 2022; 1:121–129 [In Russian].
25. Sharafutdinova N.V. Impact, psychological impact, influence, psychological influence: scientific definitions of concepts. *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti* [Psychology and Pedagogy of Service Activities]. 2020; 4:276–279 [In Russian]. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-4-276-279>.
26. Aistrophe T. Popular Culture, the Body, and World Politics. *European Journal of International Relations*. 2020; 26:163–186 [In English]. <https://doi.org/10.1177/1354066119851849>.
27. Chester D.S., Lasko E.N. Construct Validation of Experimental Manipulations in Social Psychology: Current Practices and Recommendations for the Future. *Perspectives on Psychological Science*. 2020; 16:377–395 [In English]. <https://doi.org/10.1177/1745691620950684>.
28. Gray C.M., Chen J., Chivukula S., Qu L. End User Accounts of Dark Patterns as Felt Manipulation. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. 2020; 5:1–25 [In English]. <https://doi.org/10.1145/3479516>.
29. Lau S. The Good, the Bad, and the Tradecraft: HUMINT and the Ethics of Psychological Manipulation. *Intelligence and National Security*. 2022; 38:592–610 [In English]. <https://doi.org/10.1080/02684527.2022.2129159>.
30. Marzal T. et al. Between Integration and the Rule of Law: EU Law's Culture of Lawful Messianism. *German Law Journal*. 2023; 24:718–734 [In English]. <https://doi.org/10.1017/glj.2023.43>.

About the authors

Sergey V. BAZAVLUK. CandSc. (Polit.) National Research Institute for the Communications Development (NIIRK). <http://orcid.org/0000-0002-9739-2594>. Address: building 1, 22, Korobeynikov lane, Moscow, 119571, Russian Federation. bazavluk@nicrus.ru

Andrey A. KOVALEV. CandSc. (Polit.). Associate Professor. Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration. Northwestern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPa). <http://orcid.org/0000-0002-7760-5732>. Address: 57/43, Sredny ave. V.O., Saint-Petersburg, 199178, Russian Federation. kovalev-aa@ranepa.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: October 4, 2024. Approved after review: October 25, 2024. Accepted for publication: November 30, 2024. Published: December 4, 2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений
и внешней политики

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations
and Foreign Policy

Несоответствие цифр по мобилизации соединений и по общей численности личного состава польской армии на 1 сентября 1939 г. следует объяснить тем, что... мобилизация не была завершена, а с первых дней войны фактически было потеряно управление войсками.

Гришин Я.Я., Летяев В.А.

Мобилизационные метаморфозы в Польше 1939 г. и развертывание польских вооруженных сил в конце августа – начале сентября

В разное время различные этнические группы переселялись по разным обстоятельствам, некоторые по собственному желанию, некоторые – чтобы получить убежище, а некоторые принудительно были депортированы...

Дакенова Н.А.

Урбанизация Иссык-Кульского региона в XX в.
(на примере города Каракола)

Купирование болевых точек на теле духовно-нравственного состояния населения с помощью репрессивных мер правительства России по искоренению тенденций раскола в христианстве не приносило результатов. Фактически квинтэссенция и основные идеи лжеучений развивали посястороннюю мету хлыстовской аскетики.

Мухамедов Р.А., Кильдюшкина И.Г., Яковлева А.Ю.

«Алатырская» антитеза «латинству»: о чуждой религиозной экспансии раскольников

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Мобилизационные метаморфозы в Польше 1939 г. и развертывание польских вооруженных сил в конце августа – начале сентября

Яков Яковлевич Гришин^{1a}, Валерий Алексеевич Летяев^{2b}

¹ Казанский федеральный университет, Казань, Россия

² Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

^a grishin.42@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9453-6070>

^b valerii@letiaev.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7540-3099>

Аннотация. В статье рассмотрена проблематика мобилизационных мероприятий, проведенных в Польше в 1939 г., и их влияние на развертывание польских вооруженных сил в конце августа – начале сентября и последовавшую «сентябрьскую катастрофу». Авторы обращают внимание на то, что причины поражения Польши в 1939 г. могут быть объяснены, если обратиться к остающейся актуальной проблематике мобилизации польских вооруженных сил накануне войны, уверенностью польских политиков поддержкой страны со стороны Франции и Британии. Оценки роли мобилизационных мероприятий Польши влияют и на оценки причин поражения страны в 1939 г.

Ключевые слова: международные отношения, Польша, Рыдз-Смиглы, планы «Захуд» и «Всхуд», мобилизационные планы

Для цитирования: Гришин Я.Я., Летяев В.А. Мобилизационные метаморфозы в Польше 1939 г. и развертывание польских вооруженных сил в конце августа – начале сентября // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 184-200. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-184-200](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-184-200)

Mobilization Metamorphoses in Poland and Polish Armed Forces Deployment in late August – early September 1939

Iakov Ia. Grishin^{1a}, Valerii A. Letiaev^{2b}

¹ Kazan Federal University, Kazan, Russia

² Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

^a grishin.42@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9453-6070>

^b valerii@letiaev.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7540-3099>

Abstract. The article examines the mobilization measures carried out in Poland in 1939 and their impact on the deployment of the Polish armed forces in late August – early September and the subsequent “September catastrophe”. The authors draw attention to the fact that the reasons for Poland’s defeat in 1939 can be explained if we turn to the current issue of the mobilization of the Polish armed forces on the eve of the war, in the confidence of Polish politicians that the country would be supported by France and Britain. Understanding the role of Poland’s mobilization measures also affects the understanding of the reasons for the country’s defeat in 1939.

Keywords: international relations, Poland, Rydz-Śmigły, “Zahud”, “Wskhud”, mobilization plans

For citation: Grishin Ia.Ia., Letiaev V.A. Mobilization Metamorphoses in Poland and Polish Armed Forces Deployment in late August – early September 1939. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 4(14): 184-200. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-184-200](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-184-200)

Введение

Данная статья является продолжением ранее опубликованной в данном журнале статьи авторов «Против кого на самом деле мобилизовывалась польская армия накануне “сентябрьской катастрофы” 1939 г.?». Обе статьи приурочены к 85-летию со дня начала Второй мировой войны, которое исполняется в 2024 г.

Авторы обращают внимание на подробности «мобилизационных метаморфоз», происходивших в Польше в 1939 г., и их влияние на развертывание польских вооруженных сил в конце августа – начале сентября.

Несмотря на то, что этому посвящено значительное количество научных трудов, в современной литературе вина за начало германской агрессии и за поражение Польши зачастую возлагается на Советский Союз. Авторы полагают, что причины по-

ражения Польши в 1939 г. могут быть объяснены, если обратиться к проблематике мобилизации польских вооруженных сил накануне войны.

В литературе это рассматривалось во многих работах. Авторами были привлечены работы следующих исследователей. На русском языке – работы советских, российских и иностранных ученых: Х.Болдуин [1], Л.Гарт [2], А.Дыбковская [3], З.Залуцкий [5], Л.М.Ламов [6], М.И.Мельтюхов [7], Ю.Мухин [8], Д.М.Прозектор [12; 13], К.Типпельскирх [15], Дж.Ф.С.Фуллер [16], в сборнике «Начальный период войны» [11]. Труды на польском языке: Т.Jurga [19], Т.Machalski [20], W.Pobóg-Malinowski [22], M.Staniewicz [26], немецкого историка Н.Sznajder [27], материалы научной конференции, проходившей по инициативе Министерства национальной обороны Польши в 1959 г. – «Sesia naukowa poświęcona wojnie wyzwolenczej narodu polskiego 1939-1945» [25], и конференции в Польской академии наук в 1966 г. «Wojna wyzwolenicza narodu polskiego w latach 1939–1945. Więzlowe problem» [28].

Вышеперечисленные авторы рассматривали вопросы, связанные с мобилизационными мероприятиями в Польше, на выводы которых опиралось данное исследование, чтобы получить научные результаты в соответствии с заявленной целью. В литературе имеются существенные разночтения в части численности мобилизованных частей польской армии, которые не успели вовремя быть перемещены с востока на запад, что имеет значение при оценке причин поражения Польши.

Целью статьи является определение влияния мобилизационных действий в Польше 1939 г. на ответ польских вооруженных сил на агрессию против нее Германии. Ответ на этот вопрос влияет также и на понимание того, против кого на самом деле была мобилизована польская армия накануне «сентябрьской катастрофы» 1939 г., который ставился в предыдущей статье авторов в данном журнале.

Материалы и методы

Как и в предыдущей статье авторов, опубликованной в данном журнале по результатам исследования этой проблематики, материалами для предлагаемой статьи стали документы. Прежде всего, это издание «Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы», опубликованное в 2-х томах в Москве в 1990 г.¹, а также тексты документов, представленные в опубликованных работах других авторов, прежде всего польских, а также данные немецкого военного журнала «Die Gebirgsgruppe», которые приводил Х.Болдуин [1]); документы опубликованные в издании «Polskie sily zbrojne w drugiej wojnie światowej»²; источники личного происхождения: воспоминания советского дипломата И.М.Майского³, мемуары У.Черчилля⁴, воспоминания Z.Zaremba

1 Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. В 2-х томах. М., 1990.
2 Polskie sily zbrojne w drugiej wojnie światowej. Tom 1. Cz. 1. London, 1951.
3 Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. М., 1987.
4 Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. М., 1997.

(Wojna i konspiracja)⁵; Директивы Браухича о плане нападения 3 июля 1939 г.⁶, опубликованные в «Военно-историческом журнале» в 1969 г., данные о мобилизационном плане Польши, представленные в издании «Wojna wyzwolenicza narodu polskiego w latach 1939–1945» [28]; научная литература, представленная работами советских, российских и зарубежных авторов.

Методология, примененная в исследовании, результаты которого были опубликованы в предыдущей статье авторов, актуальна и в данном контексте, поскольку исследование является целостным, на две статьи разделено только представление его результатов. Так, общенаучные методы анализа и синтеза позволили исследовать базовые документы, источники личного происхождения, для выполнения поставленной авторами цели исследования. Методы систематизации и сравнительный применялись для исследования наличия системности и эффективности деятельности по проведению мобилизации, определения фактов и верификации причин разночтений в численности мобилизованных частей польской армии, содержащихся в разных научных и документальных источниках, а также источниках личного происхождения. Историко-генетический метод использовался для понимания генезиса, причин и характерных черт процесса мобилизации на разных ее этапах, выявления обусловленности исследуемого процесса политическими, идеологическими, экономическими факторами влияния. Применялся также метод SWOT-анализа для оценки внутренних и внешних факторов, которые оказывали влияние на принятие решений в Польше в этот период, позволивший рассмотреть сильные и слабые стороны политики страны, возможности и угрозы, существовавшие для Польши в 1930-е гг. на ее внешних границах.

Результаты исследования

Отправной точкой для нас стала работа М.И.Мельтюхова «Советско-польские войны», в которой автор привел следующие данные: для осуществления польского плана отпора агрессии Германии предусматривалось развернуть 39 пехотных дивизий, 3 горно-пехотных, 11 кавалерийских, 10 пограничных и две бронемоторизованные бригады. Всего 65 соединений [7, с. 336].

У Дж.Фуллера по плану Эдварда Рыдз-Смиглы 6 армий состояли из 30 пехотных дивизий, 10 резервных дивизий и 22 кавалерийских бригад, 62 соединения [16, с. 69]. Грайнер оценивал общий численный состав польских сухопутных сил в 45 пехотных дивизий, 12 кавалерийских бригад и 2 моторизованные бригады, 59 соединений [1, с. 479].

В работе Д.М.Прозектора «Война в Европе 1939–1941 гг.» приведены данные о том, что, согласно плану мобилизации, армия в случае войны должна была иметь:

5 Zaremba Z. Wojna i konspiracja. London, 1957.
6 Директивы Браухича о плане нападения 3 июля 1939 // Военно-исторический журнал. 1969. № 8.

7 командований армий, несколько командований оперативных групп, 39 пехотных дивизий (в том числе 9 резервных), 5 пехотных бригад, 9 крепостных батальонов, 55 батальонов гражданской обороны, 11 кавалерийских бригад, 38 дивизионов артиллерии, 2 моторизованные бригады, 3 танковых батальона, 2 авиабригады главного командования, армейскую авиацию и т.д. [13, с. 37], то есть 57 основных соединений. Это же количество находим и в книге «Начальный период войны» [11, с. 135].

По данным «Die Gebirgstruppe», в начале войны польская армия насчитывала 55 соединений (39 ПД, одну горно-пехотную, 3 горные бригады и 11 КБ и одну моторизованную) [1, с. 479]. Это же количество соединений приводится в документах «Польске силы збройне» [23, с. 306]. Т.Махальский писал о 53 соединениях (42 ПД, из них 14 резервных, 11 КБ) [20, с. 141-142].

Если взять мобилизационный план, то польская армия должна была иметь 6 армий (23 ПД, одну мотобригаду, 8 кавалерийских бригад, 2 горно-стрелковые бригады) и одну оперативную группу «Нарев» (2 ПД и 2 КБ), а также резерв «Вышкув», «Кутно», армию «Прусы», резерв Верховного командования (16 ПД, 2 КБ). В общей сложности было 55 соединений (41 ПД, 11 КБ, 2 горных бригады и 1 мотобригада) [23, с. 306; 28, с. 139].

Согласно же основным положениям мобилизационного плана, отмечает Т.Юрга, намечалось мобилизовать 30 активных ПД, 9 резервных ПД, 11 КБ и 2 бронемоторизованных бригады. Перечисленные 52 соединения вошли в состав так называемых линейных войск [19, с. 284]. Очевидно, на этот мобилизационный план ссылается В.Побуг-Малиновский, указывая на такое же количество соединений [22, с. 36]. На 52 соединения указывает и Л.Гарт (30 кадровых дивизий, 10 резервных, 12 КБ – лишь одна из них моторизованная [2, с. 37].

Упомянутый нами исследователь военной истории Д.М.Прозектор в статье «Германо-польская война», опубликованной в 1959 г., снижает ранее названное число соединений до 49, которое польское командование планировало выставить против Германии (30 кадровых ПД, 7 резервных, 11 КБ, 1 танковую бригаду, 500 танков и 1 200 самолетов) [12, с. 18].

И.М.Майский, советский полпред в Англии, в своих воспоминаниях также касался количественной стороны дела:

Этому страшному удару Польша могла противопоставить лишь 31 дивизию (в том числе только 2 механизированные бригады), 800 самолетов, из которых лишь около половины относилось к современным типам, довольно скромное количество артиллерии и совсем небольшое количество танков. Правда, у Польши имелось 11 бригад кавалерии, но что они могли сделать против танков и броневигов?⁷

Трудно определить, что это за 44 соединения – планируемые или уже находившиеся на передней линии обороны? Но, как бы то ни было, приведенные примеры свидетельствуют об отсутствии точного числа планируемых соединений. Различно

число и тех соединений, которые на 1 сентября были фактически отмобилизованы и готовы к сражениям. Вновь обратимся к Т.Юрге. Он пишет:

...в состав развернутых на позициях и готовых к действиям 1.IX.1939 г. польских сил входили: 21 пехотная дивизия мирного времени, 3 резервные пехотные дивизии, бронемоторизованная бригада, 8 кавалерийских бригад, 3 горнострелковые бригады и 56 батальонов национальной обороны. В состав этих сил входили также немногочисленные отряды обороны побережья и части укрепрайонов. Они составляли в основном первый и второй оперативные эшелоны армий первого эшелона [19, с. 286].

Как видим, вместо планируемых 55 соединений на передней линии оказалось всего лишь 36 соединений. По Т.Махальскому, 1 сентября в момент начала войны все подразделения пограничных и центральных корпусов были уже на месте своего предназначения, за исключением пшемышского и львовского. На северном участке на позициях находилось 4 ПД, центральном – 14 ПД, южном – 6 ПД, то есть 24 ПД и плюс 10 КБ. Всего 34 основных соединения. К ним можно добавить 35 батальонов национальной обороны и 12 батальонов корпуса пограничной охраны [20, с. 158].

У Х.Болдуина общее число фактически мобилизованных частей приближалось к 27–30 дивизиям или эквивалентной им численности [1, с. 23].

У Черчилль пишет о «30 дивизиях, представляющих лишь две трети польской действующей армии, и которые были готовы или почти готовы принять на себя первый удар»⁸.

У Д.М.Прозектора в упоминаемой статье (1959 г.) только 26 польских соединений в момент нападения гитлеровской армии были сосредоточены, но и те не успели занять полностью позиции, 8 сосредоточились частично [12, с. 18]. В своей же монографии (1974 г.) он пишет о сосредоточении только 22 соединений (46,8%) [13, с. 42]. В работе «Начальный период войны» говорится о 24 соединениях, которые закончили сосредоточение, но далеко не все из них успели занять намеченные исходные позиции [11, с. 136]. По З.Залускому, на рассвете 1 сентября в предусмотренных планом районах находились только 66% пехоты, 73% кавалерии и 57% артиллерии [5, с. 36].

А где же были остальные соединения? А они либо еще мобилизовывались, либо находились в железнодорожных эшелонах, двигавшихся в первую очередь с востока на запад.

Утром 1 сентября, как пишет Д.М.Прозектор в своей статье, до одной трети польской армии не было готово к борьбе. К рассвету 15 польских соединений еще не успели сосредоточиться [12, с. 18]. В монографии он говорит о 25 польских соединениях, которые двигались в железнодорожных эшелонах. Речь шла о 13 ПД, 4 КБ, бронемоторизованной бригаде и ряде меньших частей, отсутствовавших в предусмотренных планом районах концентрации [12, с. 42]. Авторы труда «Начальный период войны» указывают, что 23 соединения продолжали в этот момент выдвижение в районы со-

7 Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. М., 1987. С. 438.

8 Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. М. 1997. С. 212.

средоточения и развертывания. Однако массированные удары немецкой авиации по железным дорогам в первый и последующие дни войны серьезно препятствовали завершению сосредоточения и развертывания этих соединений. Так, в период приграничного сражения с 1 по 5 сентября в движении находились 18 соединений и отдельных частей. Из них прибыли в районы назначения в установленные сроки – 10, с опозданием – 3, совсем не прибыли или вынуждены изменить станции выгрузки – 4. Хотя большинство соединений и частей (около 70%) заняло намеченные районы, они вступали в сражение с ходу и были разгромлены [11, с. 136].

Как отмечал Т.Махальский, в движении на железной дороге находилось 7 ПД и 3 КВ. 7 ПД проводили мобилизацию, а 3 ПД ее еще не начинали. В общей сложности 20 соединений (17 ПД и 3 КВ) не было на передней линии фронта [20, с. 158-159]. Не было благополучно и с резервами Верховного командования. Так, по данным Д.М.Проэктора, к началу военных действий 45-я и 11-я пехотные дивизии, предназначенные в качестве резерва армии «Краков», в распоряжение армии еще не прибыли. Части 11-й пехотной дивизии 1 сентября еще находились в районах мобилизации, а из 45-й пехотной дивизии был отмобилизован по тревоге только 156-й пехотный полк без двух батальонов, но и он располагался очень далеко – в Новы-Сонче [12, с. 50]. Не успела сосредоточиться к моменту ввода в сражение и резервная армия «Прусы». 4 сентября в район Пиотркува прибыли только две пехотные дивизии (19-я и 29-я) и Виленская кавалерийская бригада. Эти соединения заняли оборону на широком фронте в значительном отрыве друг от друга. Связь со штабом армии «Лодзь» отсутствовала [12, с. 70]. Только оперативная группа «Вышкув», по данным Т.Юрга, – резерв командующего на северном крыле фронта – имела часть своих сил на месте. Однако 1 сентября 1939 г. боеспособность этой группы приблизительно соответствовала всего лишь одной пехотной дивизии [19, с. 286].

Разночтения в количестве мобилизованных соединений ведут к разночтениям в общем количестве мобилизованных людей. Например, по данным немецкого военного журнала «Die Gebirgsgruppe», которые приводил Х.Болдуин, в начале войны силы польской армии насчитывали 3,5 млн человек. С точки зрения Х.Болдуина, данная цифра завышена [1, с. 479].

Однако, мы встречаем ее также у Т.Арцишевского – первого заместителя министра иностранных дел Польши, когда он беседовал с советским полпредом Н.И.Шароновым в Варшаве 1 сентября 1939 г. Вот что сообщал полпред в Москву:

Немецкие войска там, где они вошли на несколько километров, остановлены и имеется равновесие сил. Польская армия уже имеет 3,5 миллионов, нападения они не ожидали, но в Берлин делегатов посылать не собирались. Это похоже на крупную демонстрацию, а не настоящую войну. Армии у них достаточно, но сырье и вооружение они от нас хотели бы иметь, но потом, кто знает, может быть, и Красную Армию (в ответ на мое замечание, что для них плохо, что Англия и Франция не заключили договора с нами). Почти все члены семей в посольствах выехали из Варшавы⁹.

9 Год кризиса 1938–1939; Документы и материалы. В 2-х томах. М., 1990. Т. 2. Док. 627. С. 358.

Откуда Т.Арцишевский взял эту цифру, сказать трудно. Но ведь он был официальным лицом, заместителем Ю.Бека.

В работе Л.Ламова «Польша и ее армия» говорится, что Польша может выставить 3-миллионную армию [6, с. 109]. Л.Гарт также видел значительные мобилизационные возможности II Речи Посполитой, поскольку она имела около 2,5 млн обученных, готовых к мобилизации резервистов [2, с. 37]. Генерал-лейтенант М.Норвид-Нойгебауэр, как писал Х.Болдуин, оценивал общие польские силы с частично призванными резервистами в 2 200 000 человек [1, с. 479].

В данном случае можно согласиться с Ю.Мукиным, который пришел к выводу, что в вышеназванные цифры трудно поверить. Более реальные цифры, очевидно, от 1,5 до 2 млн [8, с. 130-133]. Дж.Фуллер, по всей видимости, придерживается данной точки зрения, называя наличие в польской армии 1,7 млн солдат и плюс 50 тыс. офицеров [16, с. 70]. Т.Юрга сокращает данное количество: «Намечалось, что в целом вооруженные силы Польши составят около 1,5 млн военнослужащих» [19, с. 284]. В.Побуг-Малиновский допускал, что с началом войны в Польше под ружьем было 1 млн 200 тыс. живой силы в поле [22, с. 37]. На научной сессии, посвященной освободительной войне польского народа в 1939–1945 гг. говорилось об 1 млн человек, включая всех вновь мобилизованных резервистов и военнослужащих, направлявшихся в свои подразделения [25, с. 139, 142]. М.Мельтюхов, В.Дашичев, Т.Юрга (в другом месте) говорят о 840 тыс. (70% от запланированного числа) [7, с. 339; 19, с. 189]. Еще меньшую численность приводил опять В.Побуг-Малиновский, правда, на третий день войны, а следовательно, после потерь и без учета Приморской территории – 686 692 офицера и рядовых [22, с. 38].

Но, пожалуй, самое меньшее число из перечисленных выше приводится на упоминаемой научной сессии: 600 тыс. человек [25, с. 142]. Это те, кто находился 1 сентября в строю.

Как видим, с 3,5 млн солдат и офицеров дошли до 600 тыс. Чтобы выяснить более или менее точное количество личного состава, можно посмотреть на проблему с другой стороны, с наличия потерь и пленных. Вот что пишет на сей счет К.Типпельскирх:

В войне, длившейся 18 дней, польская армия была совершенно уничтожена. 694 тыс. человек попали в плен к немцам, 217 тыс. человек – к русским. Остальные, возможно, около 100 тыс. человек, спаслись бегством через границы Литвы, Венгрии и Румынии. Количество убитых поляков, вероятно, никогда не будет точно установлено [15, с. 27].

Если сложить названные цифры, то получится более 1 млн человек. В примечаниях у Х.Болдуина [1, с. 482], у Дж.Фуллера [16, с. 482] повторяются цифры К.Типпельскирха. По мнению В.Побуг-Малиновского,

разбитая польская армия могла потерять убитыми и тяжело ранеными, наверное, свыше 100 тыс. В плен к немцам попало свыше 400 тыс., к Красной Армии – свыше 200 тыс. В Румынию, Венгрию, а также Литву и Латвию перешло около 85 тыс. [22, с. 51].

Приводимые известным историком данные не соответствуют истине. Он же сам пишет, что в польскую армию было мобилизовано 1 млн 200 тыс. человек, а в данном случае общая цифра составляет 785 тыс. А куда делись остальные более 400 тыс. от всех мобилизованных?

По М.И.Мельтюхову, к русским в плен попало 457 700 человек. Правда, отмечает он, сюда приплюсовываются полицейские, жандармы и все лица, захваченные с оружием в руках [7, с. 549]. У.Ширер пишет о 450 тыс. пленных немцами поляках [17, с. 177], а авторы «Истории Польши» А.Дыбковская, М.Жарын, Я.Жарын – о 300 тыс. (свыше 200 тыс. попали к русским) [3, с. 271].

Несоответствие цифр ни по мобилизации соединений, ни по общей численности личного состава польской армии на 1 сентября 1939 г., скорее всего, объясняется тем, что ни Э.Рыдз-Смиглы, ни его штаб не располагали необходимой, четкой, достоверной информацией по ней, ибо с первых дней ими было фактически потеряно управление войсками.

Расчет на успешное проведение мобилизации при сохранении порядка и дисциплины не удался.

Уже в первые дни ее проведения, – вспоминал очевидец тех дней З.Заремба, – можно было наблюдать наличие слишком большого бездушного бюрократизма. Искусный план сохранения в ходе войны экономической жизни в возможно полном объеме рухнул еще перед ее началом. Мобилизованные подразделения не находили даже обычного пехотного вооружения. Немного знали о состоянии авиации и танковых частей, но и то, что просачивалось из-за стен военной таинственности, вызвало тревогу. Формирование впопыхах подразделений, даже в Варшаве, происходило на местах сбора без полного обмундирования и вооружения. Офицеры резерва, призванные в армию, часто не получали ни оружия, ни карт – должны были по собственной инициативе обеспечивать себя и людей, переданных в их подчинение¹⁰.

Завершая, отметим, что подготовка к войне с СССР вплоть до начала 1939 г. в рамках плана «Всхуд» сыграла с поляками злую шутку. Переброска значительной части соединений с востока на запад на огромные расстояния обошлась им слишком дорого. Ибо она проходила под непрерывными мощными бомбовыми ударами немецкой авиации, которая выполняла соответствующие Директивы Браухича о срыве мобилизации от 3 июля 1939 г. Из них вытекало, что люфтваффе должны а) налетами на польские мобилизационные центры нарушить проведение мобилизации; б) налетами на польские железнодорожные линии воспрепятствовать созданию группировок польских войск¹¹.

Немецкие летчики выполнили вышеуказанную Директиву с немецкой точностью, захватив практически с первого дня войны безраздельное господство в возду-

хе. Им удалось повлиять как на ход мобилизации, так и особенно на концентрацию войск, требующую перегруппировки (преимущественно железнодорожным транспортом) мобилизационных подразделений в определенные районы страны. В частности, бесспорным успехом люфтваффе является факт задержки концентрации южной группировки армии «Прусы» (12 и 36 ПД), 11 ПД армии «Краков» и 24 ПД с южного резерва Смиглы. Задержка концентрации вышеназванных дивизий, по данным самих польских исследователей, являлась одной из важных причин слома плана обороны на южном фланге фронта [28, с. 141].

Конечным же итогом явилось то, как заметил Х.Болдуин, что большинство польских «подразделений никогда не были полностью мобилизованы и сотни тысяч резервистов никогда не дошли до своих призывных центров» [1, с. 479]. В данном случае, ссылаясь на У.Черчилля, можно сказать, что союзниками немцев были «быстрота, с которой развивались события, и энергичное вмешательство германской авиации». Именно это не позволяло «остальной части польских вооруженных сил выйти на передовые позиции, пока все не было кончено, и они приняли участие лишь в последних фазах катастрофы»¹².

Что касается плана «Захуд», то с точки зрения объективности он не выдерживает критики, ибо был не только запоздалым, но, по сути дела, импровизированным, поспешным. Более того, как пишет М.Станевич, согласно общему мнению специалистов, это был план совершенно беспомощный и, вероятнее всего, хорошо известный гитлеровскому командованию (о чем свидетельствуют военные действия в сентябре 1939 г.). В этом нет ничего удивительного. Следует принять во внимание тесную связь германской разведки со 2-м отделом польского Главного штаба. Как показал процесс Добошиньского, эти связи существовали почти до последней минуты. Ведь еще весной 1939 г. 2-й отдел посылал своих людей на переподготовку в Германию [26, с. 209].

Действительно, если взять, скажем, намечаемые контрудары, которые должны были наноситься с помощью резерва, то с ними, как мы видели, положение оказалось катастрофическим.

Не лучше обстояло дело, как мы уже частично писали, с оборонительными укреплениями. Вообще, с точки зрения Л.Гарта, польские руководители пренебрегли обороной¹³, что способствовало успеху вторжения противника [2, с. 50-51].

Действительно, как заявил в 1940 г. генерал В.Сикорский, строительство оборонительной линии на западной границе Польши началось лишь в апреле 1939 г., причем оно «велось нерешительно и робко, хотя война уже стояла на пороге».

В общей сложности, читаем у Х.Болдуина:

Было некоторое количество несплошных и изолированных бетонных и стальных укреплений и укрепленных позиций. Прочные укрепления, частично сооруженные

¹⁰ Zaremba Z., Wojna i konspiracja. London, 1957. S. 90.

¹¹ Директивы Браухича о плане нападения 3 июля 1939 // Военно-исторический журнал. 1969. № 8. С. 48.

¹² Черчилль У. Указ. соч. С. 212.

¹³ К сожалению, Л.Гарт не объясняет причины этого.

более четверти века назад, были разбросаны по стране возле городов Быдгощ, Лодзь, Ченстохов, Катовице, Краков, Млава, Познань, вдоль реки Нарев и также на полуострове Хель и на балтийских подходах к Данцигу и Гдыне. Однако полевые укрепления оказались примитивными и плохо подготовленными – несколько траншей, колючая проволока и ловушки для танков, которые было легко избежать [1, с. 23].

О том, как польское руководство «заботилось» о строительстве оборонительных сооружений на Западе, рассказывал полковник Т.Махальский, который весной 1939 г. провел несколько дней в Париже:

Проезжая германскую границу, видел из окна поезда усиленно проводимую работу. Везде возводились бетонные укрытия, было далеко видно, как вьются противотанковые рвы. На вокзале наблюдалось оживленное движение, везде полно крутилось живо жестикулирующих молодых людей, мелькали черные рубашки и серо-зеленые мундиры. Свеженаписанные таблицы показывали места сбора. Людская масса, толпившаяся на перронах, с полной ненавистью смотрела на пассажиров, выглядывавших из окон международного состава. В воздухе можно было почувствовать грозное напряжение. Настрой общего возбуждения помимо воли передавался всем. Сам был так возбужден, что не мог спокойно ни читать, ни разговаривать. Миновав границу, оказывались как бы в другом мире. В отличие от подготовки, шедшей на германской стороне, здесь было совершенно спокойно. Истинная идиллия, вернувшись в Варшаву, пошел во II отдел, где сообщил то, что видел. Но никто этим не интересовался. Не мог не удивляться беззаботной атмосфере, которая здесь господствовала. Этот покой в отделе коснулся медленно и меня. Они, очевидно, больше знают, чем я, и лучше ориентируются, так что к себе вернулся успокоенным [20, с. 157-158].

Далее Т.Махальский находился в отпуске в Дубровнике. Возвращался через Словакию и здесь видел везде оживленную работу над расширением дорог, возведением мостов, строительством аэродромов.

Все это, – пишет он, – у меня вызвало большие подозрения. Вернувшись в Варшаву, вновь посетил II отдел, чтобы поделиться своими наблюдениями. Смотрели на меня как на маньяка и паникера. Мне сказали: «Войны не будет! Страхи на ляхи!» Успокоенный вернулся на работу [20, с. 158].

Через некоторое время Т.Махальский сопровождал групп`у слушателей венгерской Высшей военной школы. Находясь в Кракове, он повез ее в Закопане. Венгры, осматривая в окна окрестности, хотели чего-то увидеть. Не выдержав, они стали спрашивать его, почему нигде не видно ни одного солдата, ни каких-либо фортификационных работ. Хотели видеть, что делали поляки в отношении намерений Гитлера, который намечал пройти через Венгрию, чтобы занять польское южное крыло.

В марте, – пишет он, – проезжая через западные границы Германии, а в июне через Словакию, видел, как везде скоро работали. Был убежден, что и у нас делается то же самое. Не относился к числу, которым доверяли тайну. Тем не менее, тем, что видел, был поражен. Что за беспомощность. Спасая ситуацию, сделал таинственным лицо и сказал, что здесь много войск и что фортификационные работы идут полным ходом. Но все это так умело замаскировано, что из окон автобуса ничего не видно. А съехать с шоссе в глубь территории невозможно, с точки зрения военной тайны. Поверили мне они или нет, не знаю, но под влиянием растущего беспокойства мне сделалось беспокойно. Действительно, оглядываясь вокруг, не было видно даже захудалых постов на мостах. Отдавал себе отчет о том, что если бы Гитлер ударил в этом месте, то вошел бы как в масло, окружая Краков с юга, и увидел бы перед собой открытый путь в направлении ЦПО, отрезав нас одновременно от поставок союзников, идущих через Румынию. Страшно подумать. В подготовке военных планов не участвовал. Был убежден, что все в порядке. Беззаботная жизнь в Варшаве. Это первое столкновение с действительностью стало пробуждением [20, с. 161].

К впечатлениям Т.Махальского добавим мнение Х.Болдуина. Он, правда, как и Л.Гарт, обходил молчанием, почему такой казус получился с польскими оборонительными сооружениями на Западе, тем не менее метко замечает:

Поляки, подобно французам, непоколебимо верили в свои укрепления и оборону – наследие траншейного выживания Первой мировой войны. Они были горды и слишком самоуверенны, живя прошлым. Многие польские солдаты, пропитанные военным духом своего народа и своей традиционной ненавистью к немцам, говорили и мечтали о «марше на Берлин». Их надежды хорошо отражают слова одной из песен:

...одетая в сталь и броню,
Ведомые Рыдзом-Смиглы,
Мы маршем пойдем на Рейн...

Однако, поляки, как и весь остальной мир, никогда не сталкивались с тактикой «молниеносной войны» [1, с. 26].

Серьезным мотивом плана «Захуд» было и то, что в его основе лежало убеждение, писал Х.Шнайдер, что в случае атаки на Польшу главных сил Германии польская армия без непосредственной военной помощи западных государств, и прежде всего – Франции, не имеет шансов на эффективную оборону [27, с. 206]. Французы должны были начать незамедлительное наступление на Западе против германских войск и разбить их, используя превосходство, полученное в результате нахождения основных сил Германии на польском направлении. Не менее важными должны были стать и удары французской и английской авиации.

Жизнь, очевидно, ничему не учила «санационных» политиков и военных руководителей. Как можно было верить Лондону и Парижу, при попустительстве которых Гитлер растоптал версальские договоренности, скажем, в 1935 г. (введение воинской

повинности) и 1936 г. (ремитилизация Рейнской зоны), которые бросили в топку умиротворения нацистов вначале Австрию, а потом Чехословакию, сорвали московские переговоры и т.д.?

Польское военное командование, как отмечал Д.М.Прозектор, располагало достаточными сведениями и временем, чтобы не быть застигнутым врасплох. И если польская армия все же вступила в войну неотмобилизованной и неготовой, то это было результатом крупного военно-политического просчета польского руководства, связанного, в частности, с недобросовестной политической игрой западных союзников Польши. Подписание 25 августа договора о взаимной помощи между Англией и Польшей заставило Гитлера отменить приказ о вторжении, назначенном на 26 августа. Но в ходе возобновленных переговоров между Германией, с одной стороны, Англией и Францией – с другой, Гитлеру стало предельно ясным, что западные державы, несмотря на свои торжественные обещания Польше, не собираются из-за нее воевать. Между тем польское правительство, надеясь на успех переговоров своих союзников с Германией, не объявляло мобилизации и медлило с приведением вооруженных сил в боеготовность¹⁴. Лишь 29 августа оно решило начать мобилизацию, однако протест английского и французского правительств заставил его отложить мобилизацию еще на двое суток. Потеря времени оказалась роковой. 31 августа Гитлер объявил готовым к вторжению армиям «Директиву № 1 о ведении войны» [13, с. 29].

Этого момента касается и У.Черчилль:

Гордо и высокомерно отвергая германские притязания, поляки, тем не менее, боялись, как бы их не обвинили в провокации, если они проведут мобилизацию заблаговременно, чтобы противостоять накапливавшимся вокруг них силам¹⁵.

Тем не менее они провели четыре скрытых частичных мобилизации до объявления ее открытой. Однако это полякам не помогло. Германский блицкриг дал себя знать. Как отмечал У.Черчилль, к концу второй недели польская армия, «насчитывавшая номинально около двух миллионов человек, перестала существовать как организованная сила»¹⁶.

Выводы

Мобилизационные действия в Польше 1939 г. оказали прямое влияние на эффективность ответа польских вооруженных сил на агрессию против нее Германии. В научных и документальных источниках имеются значительные разночтения в численности мобилизованных частей польской армии.

14 Не совсем верно, ибо, как мы видим, поляки провели скрытную, частичную мобилизацию.
15 Черчилль У. Указ. соч. С. 212.
16 Там же.

Разночтения в количестве мобилизованных соединений ведут к разночтениям в общем количестве мобилизованных людей. Авторы склонны согласиться с Ю.Му-хиным, который пришел к выводу, что в вышеназванные цифры трудно поверить, и назвал более реальные цифры: от 1,5 до 2 млн человек. Можно согласиться, что для определения точной численности мобилизованного личного состава оптимально использовать данные о количестве потерь и пленных. Несоответствие цифр по мобилизации соединений и по общей численности личного состава польской армии на 1 сентября 1939 г. следует объяснить тем, что Э.Рыдз-Смиглы не располагал достоверной информацией, поскольку мобилизация не была завершена, а с первых дней войны фактически было потеряно управление войсками. Переброска значительной части соединений с востока на запад проходила под постоянными бомбежками и обошлась Польше дорогой ценой. А сам план «Захуд», известный немецкому командованию, был то ли запоздалым, то ли поспешным. Отсутствовали резервы, оборонительные сооружения были недостаточны для отражения немецкой агрессии.

Польские политики оказались в плену обещаний Франции и Британии об оказании им военной помощи в случае германской агрессии, они боялись провокаций со стороны Германии и оказались не готовы к отражению ее агрессии, несмотря на проведение скрытой и открытой мобилизации, метаморфозы которой стали одной из основных причин «сентябрьской катастрофы» в Польше 1939 г.

Список источников

1. Болдуин Х. Сражения выигранные и проигранные [Battles won and lost]. М., 1997.
2. Гарт Л. Вторая мировая война [The Second World War]. М., 2002.
3. Дыбковская А. История Польши с древнейших времен до наших дней [History of Poland from ancient times to the present day] / А.Дыбковская, М.Жарын, Я.Жарын; под ред. А.Сухени-Грабовской, Э.Ц.Круля. Варшава: Научное издательство ПВН, 1995. 380 с.
4. Ендрущак Т. Польша перед лицом немецкой угрозы [Poland facing the German threat] // История военного дела в Польше: избранные вопросы: диссертации, очерки. Варшава: Изд-во Министерства национальной обороны Польской Народной Республики, 1970. 594 с.
5. Залуский З. Пропуск в историю [Pass to history]. М., 1967.
6. Ламов Л.М. Польша и ее армия [Poland and its army]. М., 1937.
7. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны [Soviet-Polish wars]. М., 2004.
8. Мухин Ю. Крестовый поход на восток. Жертвы второй мировой войны [Crusade to the East. Victims of World War II]. М., 2004.
9. На освобожденной земле [On the liberated land] // Спутник агитатора. 1939. № 19.
10. На освобожденной земле [On the liberated land] // Спутник агитатора. 1939. № 18.
11. Начальный период войны [The initial period of the war]. М., 1974.
12. Прозектор Д.М. Германо-польская война [German-Polish War] // Военно-исторический журнал. 1959. № 9. С. 15–27.
13. Прозектор Д.М. Война в Европе. 1939–1941 [War in Europe. 1939–1941]. М., 1963.
14. Радецкий Э. Западная Украина и Западная Белоруссия [Western Ukraine and Western Belarus] // Мировое хозяйство и мировая политика. 1939. № 11.
15. Типпельскирх К. История второй мировой войны [History of the Second World War]. Т. 1. СПб., 1996.
16. Фуллер Дж.Ф.С. Вторая мировая война 1939–1945 [Second World War 1939–1945]. М., 1956.
17. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха [The Rise and Fall of the Third Reich]. М., 2003.
18. Duraczyński E. Polska w przedwrześniowej Europie [Poland in Pre-September Europe] // Nowe drogi. 1989. № 8.
19. Jurga T. Obrona Polski. 1939 [Defence of Poland. 1939]. Warszawa, 1990.

20. Machalski T. Pod prąd. Światła i cienie kampanii wrześniowej 1939 roku [With the flow. Lights and Shadows of the September Campaign of 1939]. London, 1964.
21. Peplowski F. Wywiad Polski na ZSRR 1921–1939 [Polish Intelligence in the USSR 1921–1939]. Warszawa, 1996.
22. Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski [The Contemporary Political History of Poland]. T. II. London, 1967.
23. Polskie siły zbrojne w drugiej wojnie światowej [Polish Armed Forces in the Second World War]. Tom 1. Cz. 1. London, 1951.
24. Prąglowski A. Kampania wrześniowa [The September Campaign] // Kultura. Paryż. 1959. № 9.
25. Sesja naukowa poświęcona wojnie wyzwoleniczej narodu polskiego 1939–1945 [Scientific session devoted to the liberation war of the Polish nation 1939–1945]. Warszawa. Wydawnictwo ministerstwa obrony Narodowej, 1959.
26. Staniewicz M. Klęska wrześniowa Klenska wrzesnimowa na tle stosunków międzynarodowych 1938–1939 [The September Klenska in the context of international relations 1938–1939]. Warszawa, 1952.
27. Sznajder H. Gedanken zur operative n lage Polens «Militarwissen szattliche Rundszan» [The experiences of the operative Polish people «Militarwissen szatlische Rundszan»]. 1942. Z. 3.
28. Wojna wyzwolenicza narodu polskiego w latach 1939–1945. Problems of liberation [The liberation war of the Polish nation in the years 1939–1945. Wiewzlowe problems]. Red. Nauk. E.Wiśniewski. Warszawa, 1966.

Информация об авторах

ГРИШИН Яков Яковлевич. Доктор исторических наук. Профессор. Профессор кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, <http://orcid.org/0000-0002-9453-6070>. Адрес: Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Пушкина, 1/55, grishin.42@mail.ru

ЛЕТЯЕВ Валерий Алексеевич. Доктор юридических наук. Кандидат исторических наук. Профессор. Профессор Дипломатической академии МИД России, <https://orcid.org/0000-0001-7540-3099>. Адрес: Российская Федерация, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1, valerii@letiaev.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 августа 2024 г. Одобрена после рецензирования: 5 октября 2024 г. Принята к публикации: 30 ноября 2024 г. Опубликовано: 4 декабря 2024 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Baldwin H. Battles won and lost. Moscow, 1997 [In Russian].
2. Garth L. The Second World War. Moscow, 2002 [In Russian].
3. Dybkovskaya A. History of Poland from ancient times to the present day / A.Dybkovskaya, M.Zharyn, Ya.Zharyn; ed. by A.Sucheni-Grabowska, E.Ts.Krul. Warsaw: Scientific Publishing House PVN, 1995:380 [In Russian].
4. Jedruszczak T. Poland facing the German threat. History of military affairs in Poland: selected issues: dissertations, essays. Warsaw: Publishing House of the Ministry of National Defense of the Polish People's Republic, 1970:594 [In Russian].
5. Załuski Z. Pass to history. Moscow, 1967 [In Russian].
6. Lamov L. M. Poland and its army. Moscow, 1937 [In Russian].
7. Meltyukhov M.I. Soviet-Polish wars. Moscow, 2004 [In Russian].
8. Mukhin Yu. Crusade to the East. Victims of World War II. Moscow, 2004 [In Russian].
9. On the liberated land. Sputnik agitatora [Agitator's companion]. Moscow, 1939; 19 [In Russian].
10. On the liberated land. Sputnik agitatora [Agitator's companion]. Moscow, 1939; 18 [In Russian].
11. The initial period of the war. Moscow, 1974 [In Russian].
12. Proektor D.M. German-Polish War. Voenno-istoricheskij zhurnal [Military History Journal]. 1959; 9:15–27 [In Russian].
13. Proektor D.M. War in Europe. 1939-1941. Moscow, 1963 [In Russian].
14. Radetsky E. Western Ukraine and Western Belarus. Mirovye hozyajstvo i mirovaya politika. [World Economy and World Politics]. 1939; 11 [In Russian].
15. Tippelskirch K. History of the Second World War. Vol. 1. St. Petersburg, 1996 [In Russian].
16. Fuller J.F.S. Second World War. 1939-1945. Moscow, 1956 [In Russian].
17. Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. Moscow, 2003 [In Russian].
18. Duraczyński E. Poland in Pre-September Europe. Nowe drogi [Nowadays]. 1989; 8 [In Polish].
19. Jurga T. Defense of Poland. 1939. Warszawa, 1990 [In Polish].
20. Machalski T. Pod prąd. Światła i cienie kampanii wrześniowej 1939 roku. London, 1964 [In Polish].
21. Peplowski F. Polish Intelligence in the USSR 1921-1939. Warszawa, 1996 [In Polish].
22. Pobóg-Malinowski W. The Contemporary Political History of Poland.. T. II. London, 1967 [In Polish].
23. Polish Armed Forces in the Second World War. Tom 1. V. 1. London, 1951 [In Polish].
24. Prąglowski A. The September Campaign. Kultura. Paris. 1959; 9 [In Polish].
25. Scientific session devoted to the liberation war of the Polish nation 1939-1945. Warsaw. Wydawnictwo ministerstwa obrony Narodowej, 1959 [In Polish].
26. Staniewicz M. The September Klenska in the context of international relations 1938-1939. Warszawa, 1952 [In Polish].
27. Sznajder H. The experiences of the operative Polish people “Militarwissen szatlische Rundszan”. 1942; 3 [In Polish].
28. The liberation war of the Polish nation in the years 1939-1945. Problems of liberation. Ed.E.Wiśniewski. Warsaw, 1966 [In Polish].

About the authors

Iakov Ia. GRISHIN. DSc. (Hist.). Professor of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University. <http://orcid.org/0000-0002-9453-6070>. Address: 1/55, Pushkin str., Kazan, 420111, Russian Federation. grishin.42@mail.ru

Valerii A. LETIAEV. DSc. (Law), CandSc. (Hist.). Professor. Professor of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. <https://orcid.org/0000-0001-7540-3099>. Address: building 1, 53/2, Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russian Federation. valerii@letiaev.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: August 10, 2024. Approved after review: October 5, 2024. Accepted for publication: November 30, 2024. Published: December 4, 2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений и внешней политики

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations and Foreign Policy

Научная статья

УДК 93/94

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-201-211](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-201-211)

Исторические науки

Динамика населения как фактор урбанизации Иссык-Кульского региона (на примере города Каракола)

Насикат Аскатовна Дакенова✉

Институт истории, археологии и этнологии им. Б.Джамгерчинова
Национальной академии наук Кыргызской Республики, Бишкек,
Кыргызская Республика
dakenova.nasikat@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0004-4627-4696>

Аннотация. В статье рассматривается динамика населения как ключевой фактор урбанизации Иссык-Кульского региона на примере города Каракол. Проведен анализ этапов развития города Каракол в регионе Иссык-Куль, динамики населения, его структуры и миграционных процессов, а также влияния этих факторов на развитие городской инфраструктуры и социально-экономическую ситуацию в регионе на протяжении различных исторических периодов. Исследование охватывает период с 60-х гг. XIX в., когда город был основан штабс-капитаном Кульбарсом как военно-административный центр на караванной дороге между долиной реки Чу и Кашгарией, исторической областью на востоке Китая при Российской империи. В статье анализируется влияние политики Советского Союза в XX в. на город и последующие изменения в его структуре и развитии. Рассматриваются последующие события, произошедшие после распада СССР, и их влияние на город Каракол. Статистический анализ позволил выявить объективные процессы, обуславливающие сдвиги в размещении производства, расселении населения, преобразовании среды обитания, урбанизации в целом.

Ключевые слова: город, урбанизация, этапы урбанизации, исторические предпосылки урбанизации, Иссык-Кульский регион, Кыргызская Республика

Для цитирования: Дакенова Н.А. Динамика населения как фактор урбанизации Иссык-Кульского региона (на примере города Каракола) // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 201-211, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-201-211](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-201-211)

Original Article

Historical Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-201-211](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-201-211)

Population Dynamics as an Urbanization Factor in the Issyk-Kul Region (on the Example of the Karakol City)

Nasikat A. Dakenova✉

Institute of History, Archeology and Ethnology named after B.Dzhamgerchinov
National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic
dakenova.nasikat@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0004-4627-4696>

Abstract. The article examines population dynamics as a key factor in the urbanization of the Issyk-Kul region using the city of Karakol as an example. The stages of development of the city of Karakol in the Issyk-Kul region, population dynamics, its structure and migration, the impact of these factors on the development of urban infrastructure and the socio-economic situation in the region are analyzed. The study begins in the 1860s, when the city was founded by Staff Captain Kulbars as a military and administrative center on the caravan road between the Chu River Valley and Kashgar, a historical region in eastern China under the Russian Empire. Then the impact of the Soviet Union on the city in the 20th century and changes in its structure and development are analyzed. The events after the collapse of the USSR and their impact on the city of Karakol are considered. Statistical analysis has revealed objective processes that cause shifts in the location of production, population settlement, habitat transformation, and urbanization.

Keywords: city, urbanization, stages of urbanization, historical background of urbanization, Issyk-Kul region, Kyrgyz Republic

For citation: Dakenova N.A. Population Dynamics as an Urbanization Factor in the Issyk-Kul Region (on the Example of the Karakol City). *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2024; 4(14): 201-211, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-201-211](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-201-211)

Введение

Исторические траектории городов тесно связаны с процессами урбанизации. Исследование развития городов в Иссык-Кульском регионе актуально в контексте создания, роста, переименования и других ключевых событий в развитии общества. Города Каракол, Балыкчы и Чолпон-Ата являются движущими силами политических и социально-экономических процессов в этом регионе. Важность изучения истории городов Иссык-Кульского региона объясняется наличием культурных и исторических богатств, а также потенциалом для инвестиций. Эта тема остается актуальной, поскольку прошлый опыт городов содержит ценные уроки и прогрессивные моменты, которые могут быть изучены и применены в настоящем.

С момента основания города Каракола до сегодняшнего дня произошло очень много исторических событий. Большое значение при этом имеют демографические

(миграционные) процессы. В разное время различные этнические группы переселялись по разным обстоятельствам, некоторые по собственному желанию, некоторые – чтобы получить убежище, а некоторые принудительно были депортированы [6; 9–11]. Первыми переселенцами были русские, украинские, казачьи войска, а также крестьяне из Центральной России [7]. В 1870–1880-х гг. прибывали дунганские, уйгурские повстанцы в Джети-суу, включая г. Каракол, после подавления национально-освободительного движения выступавшие против империи Цинь. Восстание 1916 г. в Средней Азии против политики Российской империи и бегство в Китай сказались на изменении численности населения данного региона, в том числе г. Каракола [8]. Во время насильственного переселения, депортации и раскулачивания при советской власти менялось не только население, но и архитектура, культура и социально-экономическая жизнь города.

В период с 1930-х до 1980-х гг. Каракол стал важным экономическим центром. Индустриализация затронула различные отрасли, включая сельское хозяйство, легкую и пищевую промышленность. В городе развивались предприятия, которые занимались переработкой сельскохозяйственной продукции, производством текстиля и мебели. Это способствовало созданию новых рабочих мест.

С развитием промышленности в Караколе также улучшилось состояние образования. Открывались новые школы и учебные заведения, что способствовало повышению уровня грамотности. В 1950-х гг. в городе было создано несколько профессионально-технических училищ, готовивших кадры для нужд местной экономики. Это, в свою очередь, способствовало социальному и культурному развитию региона.

После распада СССР и выбора своего пути развития в политической, общественной, экономической и культурной жизни Кыргызской Республики произошли кардинальные перемены.

Начиная с 1991 г. системный кризис охватил малые города. Основное производство прекратило свою деятельность, что привело к массовой безработице, к изменению демографии. Несмотря на вышеуказанные проблемы, в городах Иссык-Кульского региона наблюдается рост численности населения [4–5]. Данная тема имеет не только научно-познавательное, но и общественно-политическое, практическое, прикладное значение, к тому же по избранной проблеме недостаточно проведено научных исследований.

Материалы и методы

Цель данного исследования заключается в выявлении и анализе исторических предпосылок, а также в определении этапов урбанизации в период с конца XIX в. до начала XXI в. в Иссык-Кульском регионе Кыргызской Республики, особенно в отношении основания и развития городов данной территории.

Для исследования были использованы отечественные и зарубежные статистические данные и научные публикации.

Методологическая база исследования основывалась на общеизвестных принципах исторического исследования: системности, историзме. При изучении указанной темы использовались общенаучные методы. Исследование урбанизации Иссык-Кульского региона в XX в. на примере г. Каракола базировалось на структурно-диахронном методе: этот метод позволяет анализировать изменения в структуре города и региона с течением времени. Использование статистических данных позволило проанализировать количественную информацию о демографии, экономике и других аспектах развития г. Каракола и Иссык-Кульского региона. Объединение указанных методов позволило провести анализ урбанизации Иссык-Кульского региона и выявить закономерности и факторы, оказавшие влияние на его развитие в XX в.

Результаты исследования

Урбанизация – это процесс роста городов и увеличения доли городского населения в общем числе жителей страны или региона. Он включает в себя как физическое расширение городов, так и социальные, экономические и культурные изменения, связанные с этим ростом. Урбанизация может приводить к улучшению инфраструктуры, увеличению доступности услуг, но также может вызывать проблемы, такие как перенаселенность, загрязнение окружающей среды и т.д.

Основные теории урбанизации зарубежных и российских ученых представлены в таблице 1.

Процесс урбанизации также имеет объективный характер, который представляет собой концентрацию экономической активности в городах и роста городского населения.

Если анализировать процесс урбанизации в городе Караколе, то, как в первой и второй теории говорится, Каракол с самого основания стал центром торговли, местом получения образования по новому методу, просвещения, развития торговли, социально-экономической жизни населения и т.д.

Исторические предпосылки урбанизации в Иссык-Кульском регионе XX в.

Географически Иссык-Кульский регион – это совершенно уникальное место. Научные исследования Иссык-Кульского региона начались в XIX в., окрестности озера Иссык-Куль начинают посещать русские и европейские исследователи, в числе которых были П.П.Семенов-Тянь-Шанский, Н.М.Пржевальский, Г.Н.Потанин, П.К.Козлов, Г.Е.Грумм-Гржимайло, В.И.Роборовский, М.В.Певцов, В.А.Обручев, Ф.Рихтгофен, С.Гедин, К.Футтер, Г.Мерцбахер и многие другие.

31 мая 1869 г. из г. Верного вышла военно-научная экспедиция в составе штабс-капитана Каульбарса, топографов О.Рейнгардта и Ф.Петрова, строителей, «толмача», проводника, а также группы сопровождения из числа семиреченских ка-

Таблица 1. Основные теории урбанизации зарубежных и российских ученых
Table 1. The main urbanization theories by foreign and Russian scientists

№ п/п	Наименование теории	Основоположники, годы	Содержание теории
1	Теория центральных мест	Вальтер Кристиан фон Тюнен (1826 г.)	Теория объясняет распределение и функционирование городов и поселений на основе отношений между центральными и окружающими его сельскими районами. Предполагается, что города являются центрами, обеспечивающими необходимые товары и услуги для окружающего сельского населения, а также обслуживающими другие города
2	Теория социального центра	Эмиль Дюркгейм (первая половина XX в.)	Теория утверждает, что города играют центральную роль в формировании и поддержании социальной структуры общества. Городские центры обеспечивают место для встречи людей, обмена идей, культурного разнообразия и кооперации, что способствует укреплению социальной связности и развитию общества в целом
3	Теория центров хаоса	Олег Гриценко (1999 г.)	Теория утверждает, что в развитии городов часто возникают центры хаоса, которые являются зонами социального, экономического и географического разрыва. Центры хаоса характеризуются повышенным уровнем преступности, безработицей и неблагополучием и требуют специальных мер для их преодоления и стабилизации
4	Теория урбанизации на постсоветском пространстве	Ричард Саква, Жан-Луи Альберт, Дмитрий Трубин и др. (1990-е гг. и позднее)	Исследователи, работающие в области урбанизации на постсоветском пространстве, предлагают различные теории для объяснения своеобразия и специфики городов в данном контексте. Они исследуют такие аспекты, как приватизация жилья, смена функций и социальный состав городов, процессы обновления городской среды и формирование новой городской идентичности
5	Теория городской агрегации	Чарльз Хоттингер, Эдвард Глезер, Джозеф Гебва и др. (1960-е гг. и позднее)	Теория предлагает следующее объяснение феномена сосредоточения населения, предприятий и ресурсов в городах и их окрестностях: такое сосредоточение происходит из-за преимуществ, которые предоставляют города, таких как доступность рынков, инфраструктура, инновации, культурная и социальная жизнь. Теория городской агрегации уделяет внимание роли экономических масштабных выгод, притока рабочей силы и возможностей для взаимодействия и кооперации между предприятиями
6	Теория секторов и концентрических кругов	Эрнест Бёргер (1925 г.)	Теория описывает процесс формирования и развития города в виде концентрических кругов и секторов. Предполагается, что города развиваются по радиальным линиям от центра к периферии, и различные секторы города имеют разные функции и социальный состав населения

Источник: составлено автором
Source: compiled by the author

заков. Задача перед исследователями была поставлена сложная – решить для пользы Российской империи тайну гигантского высокогорного треугольника, ограниченно-го хребтами Ферганским, Терской, Алатау и Кокшалтау, приблизиться на востоке к Меридианальному хребту с высочайшей и недоступной вершиной Хан-Тенгри, определить высоты пунктов маршрута, произвести съемку путей сообщения с Кашгаром и Кульджой, дать географическое описание пройденных местностей.

В задачу экспедиции входило также выбрать место для нового центра управления Иссык-Кульским уездом, коим в 1864–1869 гг. служило отбитое у кокандцев укрепление Аксу. И к 1 июля 1869 г. на караванной дороге из Чуйской долины в Кашгарию было найдено место, распланированы улицы и площади, гостинный двор и караван-сарай. Вместе с уездным начальником майором А.П.Чайковским А.Каульбарс исправил ошибку своих предшественников. «Рисовалась в нашем воображении, – писал он, – картина прибрежного города с пристанями, пароходами, прекрасными купальнями, обслуживающими чудный по климатическим условиям курорт»¹. Это выбранное место было названо по имени реки – Караколом, что в дословном переводе с кыргызского означает «Черная рука». 1 июля 1869 г. стало считаться днем рождения г. Каракола.

В 1888 г. российский географ и натуралист, почетный член Императорского Русского географического общества Н.М.Пржевальский умирает здесь во время подготовки к очередной экспедиции и завещает похоронить его на берегу Иссык-Куля, около г. Каракола. 11 марта 1889 г., учитывая вклад Н.М.Пржевальского в научное изучение Центральной Азии и Иссык-Кульского региона, город переименовывают в Пржевальск². Вскоре, в 1922 г., городу возвратили название Каракол. Спустя семнадцать лет, в 1939 г. в связи со столетием со дня рождения великого путешественника его вновь переименовали в город имени Пржевальского. 21 ноября 1939 г. г. Пржевальск становится административным центром Иссык-Кульской области, преобразованной из округа (территориально представляющей собой обширную котловину озера Иссык-Куль и высокогорные районы, прилегающие к ней с юга) [2]. С 1992 г. по сей день город носит свое первоначальное название – Каракол.

Демографические процессы и индустриализация г. Каракола

Первое время город рос медленно, и многие думали, что он разделит судьбу Ак-Суу. Но уже в 1872 г. в нем насчитывалось 150 жителей [8], преимущественно татар и узбеков, выходцев из Ташкента и других городов Туркестанского края. Русских поселенцев, кроме военных – батальона пехоты, двух сотен казаков и горной батареи, – было всего двадцать человек. Основное занятие жителей – торговля товарами первой необходимости, которые охотно покупались дехканами (зажиточными крестьянами) из окрестных кыштак (сельских поселений).

¹ Проскурина В.Н. Меридианный круг барона Каульбарса (Русский перевод с немецкого оригинала в газете «Freundschaft» впервые опубликован в газете «Deutsche Allgemeine Zeitung», 16 января 1993 г.). URL: <https://vernoye-almaty.kz/studies/kaulbars.shtml>.

² Меридианный круг Барона Каульбарса. 08.10.2023. URL: <https://vernoye-almaty.kz/studies/kaulbars.shtml>.

После того как китайские власти разгромили национально-освободительное движение в провинциях Шэньси и Ганьсу в Восточном Туркестане, многие дунганские повстанцы были вынуждены бежать в Семиречье. Дунгане из Ганьсу во главе с Дасифу переправились через перевалы Бедель и Кашка-Суу, и в начале ноября 1877 г. в Каракол прибыло 1 166 человек [12].

С 1890 г. в Караколе начали селиться переселенцы с Украины, из губерний Черномоземного Центра и Поволжья. Но особенно большой приток переселенцев в котловину озера Иссык-Куль, в том числе и в Каракол, был после неурожая в ряде губерний европейской части России в начале 1890-х гг. В результате в 1897 г. в городе насчитывалось уже 8 108 жителей, а к 1913 г. число их почти удвоилось.

В Кыргызстане промышленность в городах и сельских населенных пунктах формировалась параллельно с сельским хозяйством в конце XIX – начале XX в. К примеру, жители Каракола занимались в основном хлебопашеством, скотоводством, садоводством, пчеловодством, торговлей, лесным и другими промыслами. Вследствие этого были развиты кустарно-промышленные предприятия, которые занимались переработкой продуктов животноводства и растениеводства. В 1910 г. Каракол являлся одним из крупных промышленных центров по Семиреченской области. По сведениям Семиреченского областного статистического комитета, в 1913 г. в городе Караколе работали 2 пивоваренных завода, 18 маслодельных заводов, 13 кожевенных заводов, 7 мыловаренных, 5 свечносальных, 2 лесопильных заводов, 12 водяных мукомольных мельниц, имелись также три канатных предприятия, 1 кишечное и 2 предприятия искусственных вод. В основном эти предприятия были небольшими – кустарного и полукустарного типа [10].

С 1913 по 1926 г. численность населения почти не менялась. Низкий прирост был связан с Народно-освободительным восстанием против царской власти 1916 г., которое сопровождалось экономическим кризисом, голодом и массовым бегством в Китай. Еще одной причиной, сократившей прирост населения, была гражданская война.

С 1926 по 1939 г. темпы роста города несколько увеличились. Это связано было с модернизацией города, проводимой советской властью, развитием инфраструктуры, транспортной системы и туризмом. С 1926 г. на озере Иссык-Куль стал развиваться водный транспорт, так как была построена пристань Каракол. В том же году на воды озера Иссык-Куль был спущен первый пароход. В это время развивались торговые отношения с Китаем. На пароходах из Рыбачье в Каракол доставляли различные товары и нефтепродукты, а обратно – шерсть, шкуры и другое сельскохозяйственное сырье, которое отправлялось в Китай³. В 1940 г. грузооборот Иссык-Кульского пароходства составил 78,8 тыс. тонн, было перевезено 27,9 тыс. пассажиров⁴.

³ Информационный портал. Пароходы как появились на Иссык-Куле. 09.11.2023. URL: <http://infomir.kg/2021/01/21/parohody-na-issyk-kule-kak-oni-poyavilis/>.

⁴ ЦГА Кирг. ССР, ф.105, оп.16, д.74, л.22. // Промышленный прогресс в Киргизской ССР. Ф., 1963. С. 8.

В 1930–1931 гг. был высокий прирост населения из-за сильного голода в Казахстане. Люди переселялись в Северную часть Кыргызстана. С 1933 по 1938 г. казахи возвращались в Казахстан. Раскулачивание, депортации, репрессии в 1930–1940 гг. XX в. значительно повлияли на демографические процессы в г. Караколе, как и в других регионах Советского Союза. По данным статистического ежегодника «Народное хозяйство СССР», в 1939 г. численность городского населения Киргизской ССР составляло 270 000 человек⁵, из них 20 520 проживали в городе Пржевальске⁶. А в 1959 г. общее городское население Киргизской ССР составляло 696 000 человек, из них 32 565 проживали в городе Пржевальске. По данным переписи населения 1959 г., население г. Каракола превысило 32 000 человек⁷ благодаря индустриальному развитию. В течение следующих десяти лет происходил естественный прирост населения, что характеризовалось уменьшением миграционных перемещений через границы республики, но это не имело каких-либо негативных экономических последствий. Численность населения в г. Караколе на 2023 г. составляет 79 700 человек. Таким образом, по данным переписей и статистических сборников⁸, численность населения города Каракола значительно выросла (таблица 2).

Таблица 2. Динамика населения города Каракола от основания до 2023 г.
Table 2. Population dynamics of the Karakol city from its foundation up to 2023

№ п\п	Годы переписи	Численность, чел.
1	1872	150
2	1897	8 108
3	1926	13 366
4	1939	20 520
5	1959	32 565
6	1970	42 262
7	1979	50 830
8	1989	62 617
9	1999	65 360
10	2009	60 998
11	2023	79 700

Источник: составлено автором на основе статистических и архивных данных
Source: compiled by the author on the basis of statistical and archival data

⁵ Исторические материалы. Территория и население СССР. Часть I. 07.10.2023. URL: <https://istmat.org/node/207>.

⁶ Демоскоп Weekly. Всесоюзная перепись населения 1939 года. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_39_ra.php?reg=1391.

⁷ Демоскоп Weekly. Всесоюзная перепись населения 1959 года. 07.09.2023. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg2.php.

⁸ Народное хозяйство Киргизской ССР в 1967 году // Статистический сборник. Ф., 1968.

Выводы

Динамика населения города Каракола с 1872 г. по 2023 г. показывает заметное увеличение населения. Начиная с основания города в 1872 г. с 150 жителями, он постепенно «дорос» до 79 700 жителей Каракола в 2023 г. Эта динамика отражает историческое развитие города, включая периоды роста и стагнации, и одновременно указывает на потенциал урбанизации города.

Предпринятый анализ статистических данных г. Каракола Иссык-Кульского региона подчинен задаче более глубокого понимания закономерностей территориальной организации общества в современных условиях. В свою очередь, более глубокое проникновение в существо объективных процессов, обуславливающих сдвиги в размещении производства, расселении населения, преобразовании среды обитания представляет собой необходимое условие научного обоснования управления развитием городов и урбанизационными процессами в целом.

Список источников

- Беляева О.И., Прямыкин В.А. Стратегический подход к развитию туризма в малых городах [Strategic approach to tourism development in small towns] // Региональная экономика. Юг России. 2022. Т. 10. № 1. С. 126–136. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2022.1.12>.
- Гужин Г., Чормонов Б. Город Пржевальск [The City of Przhevalsk]. Ф., 1971. 37 с.
- Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов [The Death and Life of Great American Cities] / ред. А.Курилин; пер. с англ. Л.Матылев; 3-е изд., испр. М.: Новое издательство, 2019. 457 с.
- Жаркынбаева Р. Особенности демографического развития Центрально-Азиатского региона в период независимости [Features of the demographic development of the Central Asian region during the period of independence] // Центральная Азия и Кавказ. 2011. № 4. С. 75–82.
- Иванов А.В. Средовая норма: триумф и энтропия в российском советском кыргызском Караколе [Environmental Norm: Triumph and Entropy in Russian Soviet Kyrgyz Karakol] // Вестник Евразии. 2004. № 2. С. 6–41.
- Кочербаева А. Особенности демографического развития Кыргызстана: проблемы, их социальные последствия и перспективы решения [Features of the Demographic Development of Kyrgyzstan: Problems, Their Social Consequences, and Prospects for Solution] // Народонаселение. 2016. № 1–1(71–1). С. 16–24.
- Материалы по географии Тянь-Шаня, собранные во время путешествия 1869 года членом-учредителем Средне-Азиатского общества бароном А.В.Каульбарс [Materials on the Geography of Tien Shan, Collected During the 1869 Journey of Founding Member of the Central Asian Society Baron A.V.Kaulbars]. Санкт-Петербург: тип. М.Стасюлевича, 1875. 286 с.
- Муканбетова Р.Б. Пути становления и развития города Каракола (1869–1917 гг.) [The paths of formation and development of the city of Karakol (1869–1917)] // Бюллетень науки и практики. 2023. № 5. С. 641–647. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/90>.
- Народное хозяйство Киргизской ССР в 1967 году: статистический сборник [National economy of the Kirghiz SSR in 1967: statistical digest]. Ф., 1968.
- Турдалиев М.Ж. Архитектура и градостроительство российских переселенцев середины XIX – начала XX вв. на территории Кыргызстана [Architecture and urban development of Russian settlers of the mid-19th – early 20th centuries on the territory of Kyrgyzstan]: дис. ... канд. архит. наук. Бишкек, 2013. 153 с. URL: <https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KGUSTA.TURDALIEV%20MARAT%20ZHANYBEKOVICH.2013.pdf>
- Турдиев Т.И. Социо-эколого-экономические последствия трудовой миграции населения Кыргызстана [Socio-ecological-economic consequences of labor migration of the Kyrgyzstan population] // Региональная экономика: теория и практика. 2018. № 11(458). С. 2166–2176. <https://doi.org/10.24891/re.16.11.2166>.

12. Элеманова Р.Т. Изучение исторической демографии Кыргызстана в XX – начале XXI в. Часть первая [Study of historical demography of Kyrgyzstan in the XX – early XXI centuries. Part 1] // Известия АлтГУ. 2021. № 2(118). С. 2–11. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2021\)2-11](https://doi.org/10.14258/izvasu(2021)2-11).
13. Энциклопедия Иссык-Куль [Encyclopedia of Issyk-Kul]. Бишкек, 1995. 655 с.

Информация об авторе

ДАКЕНОВА Насикат Аскатовна. Научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б.Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики. <http://orcid.org/0009-0004-4627-4696>. Адрес: 720010, Кыргызская Республика, г. Бишкек, Проспект Чуй, 265а. dakenova.nasikat@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25 сентября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 25 октября 2024 г. Принята к публикации: 30 ноября 2024 г. Опубликовано: 4 декабря 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Belyaeva O.I., Pryamichkin V.A. Strategic approach to tourism development in small towns. Regional'naya ekonomika. Yug Rossii [Regional Economy. South of Russia]. 2022. 10(1): 126–136 [In Russian]. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2022.1.12>.
2. Guzhin G., Chormonov B. The City of Przhhevsk. Frunse, 1971:37 [In Russian].
3. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities / ed. A. Kurilin; trans. from English L. Matylev.; 3rd ed., corrected. Moscow: Novoje Isdstel'stvo, 2019:457 [In Russian].
4. Zharkynbaeva R. Features of the demographic development of the Central Asian region during the period of independence. Central'naya Aziya i Kavkaz [Central Asia and the Caucasus]. 2011; 4:75–82 [In Russian].
5. Ivanov A.V. Environmental Norm: Triumph and Entropy in Russian Soviet Kyrgyz Karakol. Vestnik Evrazii [Vestnik Eurasia]. 2004; 2:6–41 [In Russian].
6. Kocherbaeva A. Features of the Demographic Development of Kyrgyzstan: Problems, Their Social Consequences, and Prospects for Solution. Narodonaselenie [Population]. 2016; 1–1(71–1):16–24 [In Russian].
7. Materials on the Geography of Tien Shan, Collected During the 1869 Journey of Founding Member of the Central Asian Society Baron A.V. Kaulbars. St. Petersburg: M. Stasyulevich typ., 1875:286 [In Russian].
8. Mukanbetova R.B. The paths of formation and development of the city of Karakol (1869–1917). Byulleten' nauki i praktiki [Bulletin of Science and Practice]. 2023; 5:641–647 [In Russian]. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/90>.
9. National economy of the Kirghiz SSR in 1967: statistical digest. Frunse, 1968 [In Russian].

10. Turdaliev M.Zh. Architecture and urban development of Russian settlers of the mid-19th – early 20th centuries on the territory of Kyrgyzstan: Theses. ... CandSc (Architecture). Bishkek, 2013:153 [In Russian]. Available from: <https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KGUSTA.TURDALIEV%20MARAT%20ZHANYBEKOVICH.2013.pdf/>
11. Turdiev T.I. Socio-ecological-economic consequences of labor migration of the Kyrgyzstan population. Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika [Regional Economy: Theory and Practice]. 2018; 11(458):2166–2176 [In Russian]. <https://doi.org/10.24891/re.16.11.2166>.
12. Elemanova R.T. Study of historical demography of Kyrgyzstan in the XX – early XXI centuries. Part 1. Izvestiya Altajskogo GU [Bulletin of Altai State University]. 2021. 2(118):2–11 [In Russian]. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2021\)2-11](https://doi.org/10.14258/izvasu(2021)2-11).
13. Encyclopedia of Issyk-Kul. Bishkek, 1995:655 [In Russian].

About the author

Nasikat A. DAKENOVA. Research fellow at the Institute of History, Archeology and Ethnology named after B.Dzhamgerchinov of National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic. <http://orcid.org/0009-0004-4627-4696>. Address: 265a, Chui Avenue, Bishkek, 720010, Kyrgyz Republic. dakenova.nasikat@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: September 25, 2024. Approved after review: October 25, 2024. Accepted for publication: November 30, 2024. Published: December 4, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

«Алатырская» антитеза «латинству»: о чуждой религиозной экспансии раскольников

Рашит Алимович Мухамедов^{1a}, Ирина Геннадьевна
Кильдюшкина^{2b}, Анастасия Юрьевна Яковлева^{3c}

¹ Ульяновский государственный педагогический университет имени
И.Н. Ульянова, Ульяновск, Россия

² Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при
Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Россия

³ Детская музыкальная школа № 7 имени А.С. Ключарёва, Казань, Россия

^a rasit56@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6181-3249>

^b irakil1967@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6902-5941>

^c 8nastya8@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2142-7113>

Аннотация. Статья содержит ряд мало изученных фактов из опыта отвратительной разновидности русского скопчества, подброшенного в Россию из Греции и Болгарии. Показаны тенденции распространения в XVII–XVIII вв. этой религиозной культуры по территории Симбирской и других губерний, лишенной сдерживающих рамок христианских заповедей, попирающей институты брака, семейных ценностей, морали и т.п. Сквозь призму генезиса, обстоятельств появления и причин распространения сектантства и хлыстовско-скопческого процесса в целом представлены фрагменты заседания Отделения этнографии Императорского Русского географического общества (РГО) (1865 г.), проведенного на примере «Алатырского корабля», или «милутиной» веры, как антитезы «латинству». Обоснована необходимость переосмысления общечеловеческих ценностей с учетом скопческой ритуалосферы Среднего Поволжья XVII в. и религиозных догм

прошлого для решения современных проблем духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, способствующих формированию стойкого социального иммунитета, переформатированию внутренних духовных сил общества, оставшихся вне поля зрения социума и научного сообщества России для процедур урегулирования будущих региональных конфликтов.

Ключевые слова: ритуальное оскпление, мистическое сектантство, русское скопчество, «милутиная» вера, «алатырский корабль»

Для цитирования: Мухамедов Р.А., Кильдюшкина И.Г., Яковлева А.Ю. «Алатырская» антитеза «латинству»: о чуждой религиозной экспансии раскольников // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 212–223, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-212-223](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-212-223)

Original Article

Historical Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-212-223](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-212-223)

“Alatyr” Antithesis to “Latinism”: on the Alien Religious Expansion of Schismatics

Rashit A. Mukhamedov^{1a}, Irina G. Kildyushkina^{2b}, Anastasia Yu.
Yakovleva^{3c}

¹ Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanova, Ulyanovsk, Russia

² Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia;

³ Children’s music school No. 7 named after A.S. Klyucharyova, Kazan, Russia

^a rasit56@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6181-3249>

^b irakil1967@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6902-5941>

^c 8nastya8@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2142-7113>

Abstract. The article contains a number of little-studied facts about the disgusting variety of Russian skopchestvo, which came to Russia from Greece and Bulgaria. It shows the spread of this religious culture in the 17th–18th centuries across the territory of Simbirsk and other provinces, deprived of the restraining framework of Christian commandments, trampling on the institutions of marriage, family values, morality, etc. The genesis, circumstances of the emergence and reasons for the spread of sectarianism and the Khlyst-skopchestvo process as a whole are shown, fragments of a meeting of the Ethnography Department of the Imperial Russian Geographical Society (1865) are presented, held on the example of the “Alatyr ship” or “Miliutina” faith as an antithesis to “Latinism”. The need to understand universal human values taking into account the skopchestvo ritual sphere of the Middle Volga region in the 17th century is substantiated. and religious dogmas of the past to solve modern problems of spiritual and moral education of the younger generation, the formation of strong social immunity, the formatting of the internal spiritual forces of society that have remained outside the field of vision of society and the scientific community of Russia for the settlement of future regional conflicts.

Keywords: ritual castration, mystical sectarianism, Russian Skoptchestvo, «milyutinaya» faith, «Ala-Tyr ship»

For citation: Mukhamedov R.A., Kildyushkina I.G., Yakovleva A.Yu. "Alatyr" Antithesis to "Latinism": on the Alien Religious Expansion of Schismatics. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 4(14): 212-223, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-212-223](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-212-223)

Введение

Поиски «образа будущего» часто ведутся в прошлом, при проведении тщательной ревизии преемственности наследия и углублении базы современной «оперативной памяти» в части понимания этого образа или уточнения «смысла» прошлого. За два с половиной столетия системных кризисных явлений в западноевропейских странах неолиберальный принцип безнравственной вседозволенности в отношении православных традиций обернулся парадоксальным результатом многовекового прогресса – отрицанием нового и замещением старого в отношении техники и экономики, навязыванием новых образцов продуктов и норм поведения, исходящих из безграничных желаний человека. Девальвация, замена нематериальной сферы конформизмом «управляемой демократии» привели к полному откату от христианских предписаний и переформатированию общечеловеческих идеалов [18, с. 182-184].

Реверсом выступила «рациональная мораль» массовой культуры Запада, объективированная на «новой природе человека», вразрез религиям, национальным и этическим идеалам цивилизаций XXI столетия, суевериям и языческим культам, гипертрофированно выпячивающимся из глубины веков. Попираются институты брака, отношений в семье, нормы поведения, возводятся в «абсолют» плюсы всеохватной толерантности, отказ от мужского и женского начал, мужественности и женственности как идеалов, а с ними разрушаются плоды многовековой культуры и исторической памяти поколений. Вопреки этому, как считает Эммануэль Тодд, западный обыватель «свято верит в прогрессивность своего современного общества» [14, с. 29]. Прелюдией к необратимому закату Запада является распад старых моральных устоев и религий, просвет в пессимистическом будущем которого Джон Грей связывает с незападным миром, миссией которого тогда в известной степени станет оградить себя от обломков западного кораблекрушения с их гуманистическими и универсалистскими претензиями [5, с. 347-349].

В этом контексте авторами проанализированы причины, нюансы появления и факторы масштабного распространения русской антихристовой печати, кастрационных метафор и мифологизации ритуального оскотления, старообрядчества и в целом хлыстовско-скопческого явления. «Алатырский корабль», или «милютинская» вера, в этом плане является для европейцев антитезой «латинству», привнесенной в Россию из Греции и Болгарии. Прививалась она к населению до 1734 г. и в 1745–1752 гг., многое транслируя из «небесных тайн» Э.Сведенборга [13] и других

учений, сцементируя самобытную форму взаимоотношений религии и политики. Проблемное поле сектаторов, называющих себя «Белыми голубями» по случаю плотицынского дела¹ с момента фиксирования их в конце 1760-х гг., серьезным образом повлияло на духовно-нравственную компоненту жизни общества, вопросы организационно-государственного управления и распределения властных полномочий, а также на расстановку политических сил и отношения верующих к политике.

Насколько менялись авторитет религии от эпохи к эпохе в политикуме, в отличие от уровня религиозности местного населения, методов и инструментов ее влияния под лучиной благородных мотивов, настолько же тесно политика и вера вторгались в пространство друг друга, предлагая свои варианты мироустройства и предназначения человека, конкретизируя представления об «идеальном государстве» и справедливой политике. Это и определило цель исследования: пересмотреть ранее сделанные выводы по духовно-нравственным коммуникационным практикам, мониторингу трансформаций скопческой ритуалосферы в Среднем Поволжье с конца XVII в. и политическим константам действия регионального актора; переоценить опыт решения открывшихся проблем с учетом навязывания России тенденций, «архимодных» в странах коллективного Запада под гегемонией США, что может стать перспективным направлением изучения политизации веры на примере конкретных религиозных догм прошлого для процедур урегулирования будущих региональных конфликтов.

1 Источниками для фундаментального исследования П.И.Мельникова-Печерского послужили: выписки из дел о квакерской ереси в Москве (1734, 1745–1752 гг.), 180 дел о хлыстах и скопцах в разных губерниях России в 1774–1861 гг.; корректурные листы «Исследования о хлыстовской ереси» и «Исследования о скопческой ереси» Н.И.Надеждина (СПб., 1845 г.); «Исследование о скопцах» В.И.Даля; рукописи «Сведения о разных раскольнических сектах и их заблуждениях», собранные в Соловецком монастыре, «Два донесения императору Александру Павловичу, поданные в феврале 1825 года крестьянином Костромской губернии Иваном Андреевичем», Архимандрита Досифея «О тайностях скопческой ереси», «Объяснение Ивана Кудимова», «Объяснение скопца штабс-капитана Созоновича», «Объяснение скопца Овчинникова», полковника князя Голицына «О скопцах, открытых в Москве в 1835 году», преосвященного Иакова, архиепископа нижегородского «О хлыстах в Саратовской губернии», священника Алексея Зайцева «Описание скопческой секты, ее обряды и проч.», «О скопцах Бобровского уезда», «О раскольниках и в особенности о скопцах» (записка графа Л.А.Перовского императору Николаю Павловичу, август 1844 г.), «О скопцах и скопческой ереси» (две записки императору Николаю Павловичу, 1845 г.), «О скопцах, открытых в Москве по доносу крестьянина Матусова», «Военно-судебное дело о скопцах при Кронштадтском порте», «О движении скопцов на Кавказе в 1842 году», «Маранские скопцы», «Хлысты Мышкинского и Углицкого уездов, открытые в 1851 году», «Рижские скопцы», «О прыгунках в Таврической губернии», «О московских хлыстах», «О богородице Устинье, последней в роде Даниила Филипповича», «Монтана в Самарской губернии», «Письма пророка Василия Радаева к священнику села Мотовилова, Арзамасского уезда, в 1850 году», «О секте фарисеев», «Арина Лазаревна, ее учение и последователи», «Сведения о богомолах в Тамбовской губернии», «Известия о хлыстах Тульской губернии», священника г. Калуги Ивана Сергеева «Изъяснение раскола, именуемого хлыстовщина или христовщина, представленное им святейшему синоду в 1809 году», «Страды, или Послание отца искупителя» (Кондратия Селиванова) (издана в 4 книжке «Чтений Московского Общества Истории и Древностей», 1864 г.), «Сто шестьдесят четыре песни хлыстов и скопцов», «Скопчество между лютеран С.-Петербургской губернии», «Две песни скопческие на чухонском языке».

Материалы и методы

Авторы использовали не противоречащие друг другу методологические принципы и методы исследований. Обмен результатами дал возможность выделить такие подходы и методы исторической науки, как: историко-сравнительный, исторической перспективы, системный, конструктивистский подходы; метод сценарного прогнозирования. Заслуживают внимания специфические сводно-аналитические работы (А.Г.Берман, Л.Ю.Браславский, Н.Г.Высоцкий, К.В.Кутепов, А.О.Липинский, П.И.Мельников-Печерский, А.А.Панченко, Л.Энгельштейн, А.М.Эткинд и др.), включая материалы с заседаний Отделения этнографии Императорского РГО и собранные офицерами Генерального штаба на территории Симбирской и других губерний, посвященные русскому сектантству в XVII–XX вв. и так называемому первому скопческому «процессу», имевшему место в начале 1770-х гг. [1–4; 6–7; 10–11; 16–17]. В них содержатся хлесткие импликации и сентенции религиозных издержек в социуме, грубые контаминации фигур славянских этиологических рассказов, наделенных аргументами и характеристиками проблемы, обозначенной авторами.

Предупреждения исследователей религии (Джей Ньюмен, Э.С.Филимонов, М.Б.Хомяков, К.Ш.Шулембаев и др.) о глубочайшем заблуждении людей насчет терпимости точки зрения другого верующего, или «конвертирования» из одной веры в другую, по большому счету, осложняют дилемму о целесообразности и возможности их равного сосуществования [11]. В связи с этим к исследованию были привлечены всевозможные, в том числе философские, трактаты, позволившие оценить предметное поле проблемы с разных точек зрения в контексте эпистемологической рефлексии и применительно к эмпирическим темам.

Богословскую и философскую интерпретации исключительности того или иного вероучения продуктивно доказали Н.Н.Буянов и А.А.Панченко, отметив, что фундаментализму и фанатизму как формам «внутренней» религиозной интолерантности в мировой истории противостоят «истинность» веры последователей других религий и толерантность их бытия в одном социально-политическом измерении [11; 15]. Индикаторами толерантности в религии становятся у них методологические предпосылки локальных очагов христовщины и скопчества в XVIII–XIX вв.: рассмотрение массовых ритуальных нарративных практик в концепции П.Бергера во взаимодействии с религиозными институтами (следственные документы; записки бывших сектантов, оставивших общины; фольклорные памятники и персональные документы сектантов в дискурсе «интервьюирующей элиты»; широкий фактографический материал по интересующей нас тематике) [11, с. 10, 51, 66–69, 75, 95, 111, 116, 139; 15, с. 153, 156–157].

Однако в светском государстве общество, свыкшись с религией как частной, индифферентной требой, автоматически подвергается обострению разногласий на религиозной почве. Выявляются сложности обеспечения религиозной толерантности / интолерантности, характерные и для современной России, и других стран

(Н.Н.Буянов, Дж.Грей, О.А.Лиценбергер, А.Г.Поляков, Э.Тодд, А.И.Яковлев и др.), вызванные отрицательным историческим опытом, концептуализацией модели религиозной политики государства на априорном тезисе о ее принципиальной несовместимости с марксистским мировоззрением [9, с. 3; 12, с. 138, 139; 14; 15, с. 156–158; 17–18], в конечном счете целеустремленном на отторжение чуждого, по природе раскольнического «латинства» и создание в скором будущем устойчивой модели социального иммунитета на основе внутренних духовных сил и вековых традиций поликонфессионального российского общества.

Результаты исследования

В середине XIX в. по приблизительным подсчетам официальных органов в России насчитывалось около 110 тыс. скопцов-сектантов, всегда преследуемых церковными и государственными властями. С момента появления в конце XVIII в. скопчество привлекало преимущественно крестьян. Еще в конце 1760-х гг. внутри христовщины вскоре зародилась секта. В апреле 1772 г. Орловское духовное правление организовало первое следственное дело в ответ на донос о трех однодворцах деревни Масловой, оскотивших себя. Из 60 задержанных сектантов уже около половины оказались таковыми. Скопческие наставники устраивали в специальных избах радения², поучая при этом: нельзя ругаться, пить, грешить, с женами спать, посещать скачки и игры, жениться, выходить замуж, а женившимся спать отдельно, и это выполнять всем, кто хочет спастись и быть скопцом [3, с. 3–4]. Оскопление гуманизировалось как очищение от плотской скверны, первый шаг к «воспарению» и спасению в будущей жизни небесной. Сердцем новой кровавой секты уродования людей, основанной Данилой Филипповым и спаянной с божьими людьми (хлыстами), являлся призыв к адептам стать вместилищем Святого Духа и осуществить кастрацию. Чтобы впредь не совершать плотского греха, нужно женатым жить с женой, как с сестрой [10, с. 307].

Так, к началу XIX в. инфицированные оскоплением нравственно-деморализованные местности охватили Владимирскую, Калужскую, Нижегородскую, Орловскую, Симбирскую, Тамбовскую и Тульскую губернии, города Москву, Петербург и Ригу. Одним из крупнейших «кораблей» скопцов управляли алатырские купцы Ми-

2 Как правило, поющие во время радения приходили в иступленное состояние, импровизировали. Например, начинали петь хором, протяжно, заунывно и, понемногу возвышая голоса, убыстряли текст песни, которая из *largo* и *pianissimo* мало-помалу переходила в *vivace allegro* и *fortissimo*, а под конец молящиеся задыхались, всхлипывали, гоготали и взвизгивали. Отдельные обряды, совершаемые последователями сект в ходе обыкновенных и чрезвычайных молебний, больших и малых праздников, в некоторых «кораблях» сопровождалась чередой отвратительных и ужасных церемоний «христовой любви» (общий разврат мужчин и женщин корабля после радения, когда не разбирается ни возраст, ни узы родства) и «причащения телу и крови» (отрезание груди у девушки и гнусное людоедство, заклание младенцев мужского пола, рожденных богородицей; питье и причащение горячей кровью мальчика «христосика», чье тело высушивают в порошок для последующей выпечки калачей, коими причащаются вместе с водой, и т.п.). (Мельников-Печерский П.И. Белые голуби. URL: http://az.lib.ru/m/melxnkowpecherskij_p/text_1868_bely_golubi.shtml).

лютинские. Родоначальник купеческого рода Михаила Якимов Вялов появился на свет около 1754 г. в деревне Милютиной (отсюда и псевдоним, «прилипший» к его имени) [4].

В 1775 г. под Моршанском были проведены новые оскпления, вскрывшие «фурункулы» многочисленных следственных (по сути, формальных) дел и карательных мер, поддержанных Екатериной II, которые, как показало время, не остановили масштабы расползания изуверского «спрута» по губерниям. Отсутствие узаконений против религиозных заблуждений, бездействие правительства, инициация мистического проекта Еленского (Селиванова) об учреждении «божественной канцелярии» и установлении в России скопческо-феократического правления (1804 г.), наряду со снисходительностью императора Александра Павловича, переложившего это на плечи поповщины, также не смогли уничтожить зла хлыстовско-скопческой нравственности и морали, даже процветавших в самих монастырях³. Высочайший наказ государя вести конспиративный надзор за вновь вскрытыми скопцами и предупреждать о новых оскплениях распахнул гавань крупному скрытному кораблю скопческой ереси в Симбирской губернии, Алатырском, Ардатовском и Курмышском уездах с центром в г. Алатыре, Малоархангельском уезде Орловской губернии (1806 г.), Рязанской губернии (1812 г.), превратив единомышленников в большую инвалидную команду⁴. Вслед за солдатами в полках и гарнизонах новым гнездом и притоном скопчества становится Восточная Сибирь, куда отправляли оскпляющихся ссыльных поселенцев и каторжных⁵.

Нужно сказать, что мистическое учение, перешедшее в толпу большею частью неграмотных, юродивых и блаженных людей, изуверов и суеверий, прослеживалось и позже. Их деятельность была озвучена господином А.П.Крыжиным в декабре 1865 г. на заседании Отделения этнографии Императорского РГО⁶, подробно изучившим нравы местных расколо-учителей и ересь-начальников из Симбирской губернии. Автор сопровождал свои сведения об иноверцах феодосийского и поморского прилива Сызранского и Алатырского уездов, проводниках морельщиков, бегунов, монтан, молокан, иконоборцев, духовборцев, богомоллов, хлыстов и скопчестве, коснувшемся губернии до образования общества «Алатырский корабль», параллелями данных из архивных дел.

³ Хлысты и скопцы, усердно исполняющие христианские обряды, всегда находили защиту высших лиц в православии.

⁴ Мельников-Печерский П.И. Белыеголуби. URL: http://az.lib.ru/m/melxnkowpecherskij_p/text_1868_bely_golubi.shtml.

⁵ В 1819 г. в Петербурге вышла в свет книга М.С.Пилецкого-Урбановича «О скопцах», по мнению ее автора, совершенно невинных людей, без указания на их тайное учение. В 1845 г. по распоряжению графа Л.А.Перовского, экс-министра внутренних дел, издано «Исследование о скопческой ереси» Н.И.Надеждина (переиздано В.И.Кельсиевым в Лондоне). До этого к печати готовилось «Исследование о скопцах» В.И.Даля (вошло в работу Н.И.Надеждина). Любопытные сведения о скопцах можно почерпнуть у Н.В.Варадинова («История Министерства внутренних дел», т. 8), В.И.Кельсиева (о «великорусских двоеверах» в «Отечественных записках» 1867 г.), В.С.Толстого и И.П.Липранди («Чтения Московского общества истории и древностей»).

⁶ «Опыт исследования скопческой секты Симбирской губернии» А.П.Крыжина издан в «Симбирских губернских ведомостях» 20 января 1866 г. № 7.

В частности, указанные толки и секты беспрепятственно проникали на эту территорию. Скопчество появилось там в конце XVII в. В 1796 г. крестьяне Яков Агапов, а в 1805 г. Семен Михайлов, прозванный Милютинским, из деревни Милютиной Алатырского уезда примкнули к этой секте⁷. Очевидец событий пишет, что Алатырский уезд Симбирской губернии в 1807–1808 гг. был многочисленным на скопцов, называемых кладеными Милютинской веры, имевшей скандальную репутацию в России. Выпуская шелковые пояса, С.Милютинский с легкостью заводил знакомства в пользу секты, в которую обращал крестьян его родственник, скопец, отставной унтер-офицер Кирилл Миронов, поселившийся в Алатыре в 1831 г. Так они побывали в Нижнем Новгороде, Самаре, Симбирске и Казани, расширив чирей скопчества к 1845 г. на 15 уездных сел, в Алатырь и Симбирск. А энергичность С.Милютинского чуть ли не превалировала над другими раскольническими «кораблями» в империи. Учение скопческой секты походило на заповеди Э.Сведенборга, Millenium и спиритизм [13]. Описывая обряды лжеучения (тексты Св. Писания в нем искажены), автор истолковывает некоторые из 12 песен русского народного творчества, составленных после 1820 г., воспевающих главу русского скопчества К.Селиванова, пишет о некой систематичности учения при своей искусственной и натянутой постройке, наличии хрупкой почвы каждого тезиса, бессмысленности сочетания разных сумасбродств обрядности⁸. Внутренний подтекст видимой нелепицы обрядов скопчества, по большому счету, был понятен только его последователям. Круги от их центра расходились на другие толки. Стержнем нравственного совершенства человека считались физическая чистота через оскпление, избавление от грехов, достижение царства блаженных.

П.И.Мельникова-Печерского изумляли неприкрытое аморальное поведение, необузданное главенство «кормщиков» хлыстовско-скопческих кораблей и безропотность верующих, несопоставимые с божественностью Далай-ламы, непогрешимостью Папы или сирийского лидера Ордена ассасинов во времена Крестовых походов⁹. Ритуал характерной телесной маркировки, антихристовой печати избранных праведников у поволжских старообрядцев, украшался розовыми очками неординарной социальной унификации мужчин и женщин, их возврату к «ангелам» или, по А.М.Эткинду, «ампутации пола» [17, с 148-149]. Излишне доказывать снисходительность Российской империи к этим сектаторам.

Выводы

Купирование болевых точек на теле духовно-нравственного состояния населения с помощью репрессивных мер правительства России по искоренению тенденций раскола в христианстве не приносило результатов. Фактически квинтэссенция и ос-

⁷ Засѣданіе Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 21-го декабря // Симбирские губернские ведомости. 1866. 20 янв.

⁸ Там же.

⁹ Мельников-Печерский П.И. Белыеголуби. URL: http://az.lib.ru/m/melxnkowpecherskij_p/text_1868_bely_golubi.shtml.

новные идеи лжеучений развивали посюстороннюю мету хлыстовской аскетики. У Н.Г.Высоцкого скопческая ересь в «корабле» характеризовалась нетривиальной сексофобией борьбы с плотской похотью (запрет радений, принародное раскаиание, принятие дополнительного ритуала) [3, с. 32, 37, 218].

Некий религиозно-психологический взрыв самооскопления активизировал массовое оскопление новых сектантов в общине. Священник Константин Кутепов видел гены движения в хлыстовской морали, несовместимости учения с их обрядовым воплощением. Факты следствия о московских хлыстах, первом официальном упоминании о скопцах отмечаются в 1745–1752 гг. (по версии батюшки, в 1772 г.) [6]. Важную роль в генезисе подражания распятию Л.Энгельштейн отводит телесным наказаниям XVIII в., массовым страхам и библейскому ожиданию эпидемии чумы, разразившейся в 1771–1772 гг. в Москве и Подмоскowie, так как кнут для крестьян екатерининской поры не являлся метафорой, а причиняемая самому себе кастрация означала столь же значимое мучение [16, с. 21-22]. Скопцы-реформаторы Евфим Куприянов и Федор Безутов связывали это с неутешительными религиозно-нравственными устоями общества. Многие скопцы таким образом надеялись получить спасение физическое, игнорируя душевное обрезание «сердечной злобы, гордости, непомерной зависти» и т.д. [6].

В результате сектанты разбрелись или же стали жить не по-скопчески. Фанаты общества позднее составили «святое избрание», что не удастся проверить. По нашему мнению, следуя развитию тенденций протонародной религиозной культуры XVII–XVIII вв., не будет излишним дополнительно изучить и раскол, и секты (в частности, богумилов, действовавших в числе прочих в 1850-х гг. в Симбирской губернии), и их распространение в России на протяжении столетий, со всеми функциями и ответвлениями от заповедей, а также метаморфозами интеллектуальных, культурных и духовно-нравственных доминант.

К сожалению, в настоящее время схожие губительные практики активно и гипертрофированно муссируются в западных СМИ, пролонгируются религиозными фанатиками и адептами в США и западноевропейских странах в форме трансгендерной и ЛГБТ-идентичности*¹⁰, выходящей за рамки бинарной гендерной системы и биологических особенностей человеческой природы. Это проявляется в гомосексуальной, лесбийской инверсии и прочих безобразиях в отношениях между женщиной и мужчиной, женой и мужем, попирая традиционные ценности институтов брака и семьи, требуя серьезных и решительных действий государства.

Список источников

1. Берман А.Г. Алатырская ересь: из истории скопчества в Среднем Поволжье [The Alatyr heresy: from the history of the Skoptsy in the Middle Volga region] // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / под ред. Ж.В.Корминой, А.А.Панченко, С.А.Штыркова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 304 с.

10 * Запрещены в Российской Федерации, 18+.

2. Браславский Л.Ю. Старообрядчество и христианское сектантство в Чувашии [Old Believers and Christian sectarianism in Chuvashia]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. 96 с.
3. Высоцкий Н.Г. Первый скопческий процесс: материалы, относящиеся к начальной истории скопческой секты [First Skoptsky process: Materials relating to the initial history of the scopol sect] / Зап. Московского археол. ин-та. Т. 37. М.: Печатня А.И.Снегиревой, 1915. 347 с.
4. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 143. Оп. 1. Д. 16. Л. 4.
5. Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности (Enlightenments Wake: Politics & Culture at the Close of the Modern Age) / Пер. с англ. Л.Е.Переяславцевой, Е.Рудницкой, М.С.Фетисова и др., под общей ред. Г.В.Каменской. М.: Праксис, 2003. 368 с.
6. Кутепов К.В. Секты хлыстов и скопцов [Sects of Khlysty and Skoptsy]. Казань: Тип. Император. ун-та, 1882. 582 с.
7. Липинский А.О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Simbirsk province]: в 2 т. СПб., 1868. Ч. 1. 566 с.; Ч. 2. 776 с.
8. Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI–XX вв.) [Evangelical Lutheran Church in Russian history (XVI–XX centuries)]. Минск: Принткорп, 2003. 544 с.
9. Лиценбергер О.А. Римско-католическая и евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.) [Roman Catholic and Evangelical Lutheran churches in Russia: a comparative analysis of relationships with the state and society (XVIII – early XX centuries)]: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Саратов, 2005. 53 с.
10. Мельников-Печерский П.И. Белые голуби [White pigeons]. Собр. соч.: в 6 т. М.: Правда, 1963. Т. 6. С. 253–376.
11. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект [Christhood and Skoptchestvo: folklore and traditional culture of Russian mystical sects]. М.: ОГИ, 2002. 544 с.
12. Поляков А.Г. Методологические аспекты исследования церковно-государственных отношений и внутрицерковных процессов в контексте модернизации государства в конце 1920-х гг. [Methodological aspects of the study of church-state relations and intra-church processes in the context of state modernization in the late 1920s] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Тамбов, 2011. № 4 (10). Ч. 2. С. 138–145.
13. Сведенборг Э. Небесные тайны, находящиеся в Св. Писании, или в Слове Господа, с диковинами, виденными в мире духов и в небе ангелов [Heavenly mysteries found in Holy Scripture, or in the Word of the Lord, with wonders seen in the world of spirits and in the sky of angels]. Амстердам, 1749–1756. 934 с.
14. Тодд Э. Куда мы идем? История развития человечества глазами антрополога [Where are We Going? The History of Human Development Through the Eyes of an Anthropologist]. М.: Эксмо, 2021. 512 с.
15. Толерантность и культура межнационального общения [Tolerance and Culture of interethnic communication]. Краснодар: Просвещение-Юг, 2009. 308 с.
16. Энгельштейн Л. Скопцы и Царство Небесное: Скопческий путь к искуплению [Skoptsy and the Kingdom of Heaven: Skoptsy's path to redemption] / авториз. пер. с англ. В.Михайлина, при участии Е.Филипповой, Е.Левинтовой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 336 с.
17. Эткинд А.М. Русские скопцы: опыт истории [Russian Skoptsy: historical experience] // Звезда. 1995. № 4. С. 131–163.
18. Яковлев А.И. Универсальность «проекта Просвещения» для Запада и Востока [The Universality of the «Enlightenment project» for the West and the East] // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 3(5). С. 171–195. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-171-195](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-171-195).

Информация об авторах

МУХАМЕДОВ Рашит Алимович. Доктор исторических наук. Профессор. Профессор кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н.Ульянова. <https://orcid.org/0000-0001-6181-3249>. Адрес: Российская Федерация, 432071, г. Ульяновск, пл. В.И.Ленина, 4/5. rasit56@mail.ru

КИЛЬДЮШКИНА Ирина Геннадьевна. Кандидат исторических наук. Доцент. Ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. (Доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Мордовского государственного университета имени Н.П.Огарёва). <https://orcid.org/0000-0001-6902-5941>. Адрес: Российская Федерация, 430005, г. Саранск, ул. Л.Толстого, 3 (Российская Федерация, 430005, Республика Мордовия, Саранск, ул. Большевикская, 68). irakil1967@mail.ru

ЯКОВЛЕВА Анастасия Юрьевна. Кандидат искусствоведения. Преподаватель отдела струнно-щипковых инструментов Детской музыкальной школы № 7 им. А.С.Ключарёва. <https://orcid.org/0000-0002-2142-7113>. Адрес: Российская Федерация, 420061, г. Казань, ул. Космонавтов, 11б. 8nastya8@list.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 июля 2024. Одобрена после рецензирования: 25 сентября 2024 г. Принята к публикации: 30 ноября 2024 г. Опубликована: 4 декабря 2024 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Berman A.G. The Alatyr heresy: from the history of the Skoptsky in the Middle Volga region. Dreams of the Virgin Mary. Studies in the Anthropology of Religion / ed. Zh.V.Kormina, A.A.Panchenko, S.A.Shtyrkova. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2006:304 [In Russian].
2. Braslavsky L.Yu. Old Believers and Christian sectarianism in Chuvashia. Cheboksary: Chuvash book publishing house, 1984:96 [In Russian].
3. Vysotsky N.G. First Skoptsky process: Materials relating to the initial history of the Skoptsky sect. Notes of the Moscow Archaeological Institute. Moscow: printing house A.I.Snegireva, 1915; 37:347 [In Russian].
4. State Historical Archive of the Chuvash Republic. F. 143. Op. 1. D. 16. L. 4 [In Russian].
5. Cray, John. Enlightenment Wake: Politics & Culture at the Close of the Modern Age. Moscow: Praxis, 2003:368 [In Russian].
6. Kutepov K.V. Sects of Khlysty and Skoptsy. Kazan: Printing house of the Imperial University, 1882:582 [In Russian].
7. Lipinsky A.O. Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Simbirsk province: In 2 vols. St. Petersburg, 1868; 1:566; 2:776 [In Russian].
8. Litsenberger O.A. Evangelical Lutheran Church in Russian history (XVI–XX centuries). Minsk: Printcorp, 2003:544 [In Russian].
9. Litsenberger O.A. Roman Catholic and Evangelical Lutheran churches in Russia: a comparative analysis of relationships with the state and society (XVIII – early XX centuries): abstract dis. ... Dr. Ist. sciences: 07.00.02. Saratov, 2005:53 [In Russian].
10. Melnikov-Pechersky P.I. White pigeons. Collected works in 6 volumes. Moscow: Truth, 1963; Vol. 6:253–376 [In Russian].

11. Panchenko A.A. Christhood and Skoptchestvo: folklore and traditional culture of Russian mystical sects. Moscow: OGI, 2002:544 [In Russian].
12. Polyakov A.G. Methodological aspects of the study of church-state relations and intra-church processes in the context of state modernization in the late 1920s. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]: at 2 parts. Tambov, 2011; 4(10):2:138–145 [In Russian].
13. Swedenborg, E. Heavenly mysteries found in Holy Scripture, or in the Word of the Lord, with wonders seen in the world of spirits and in the sky of angels. Amsterdam, 1749–1756:934 [In English].
14. Todd, E. Where are We Going? The History of Human Development Through the Eyes of an Anthropologist. Moscow: Eksmo, 2021:512 [In Russian].
15. Tolerance and Culture of interethnic communication. Krasnodar: Enlightenment-South, 2009:308 [In Russian].
16. Engelstein L. Skoptsy and the Kingdom of Heaven: Skoptsy's path to redemption / authorized translation from English by V. Mikhailin, with the participation of E.Filippova, E.Levintova. Moscow: New Literary Review, 2002:336 [In Russian].
17. Etkind A.M. Russian Skoptsy: historical experience. Zvezda [Star]. 1995; 4:131–163 [In Russian].
18. Yakovlev A.I. The Universality of the «Enlightenment project» for the West and the East. Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Scientific Dialogue]. 2022; 3(5):171–195 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-171-195](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-171-195).

About the authors

Rashit A. MUKHAMEDOV. DSc. (Hist.). Professor. Professor of the Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N.Ulyanova. <https://orcid.org/0000-0001-6181-3249>. Address: 4/5, Lenin Square, Ulyanovsk, 432071, Russian Federation. rasit56@mail.ru

Irina G. KILDYUSHKINA. CandSc. (Hist.). Docent. Leading Researcher at the Department of Regional Studies and Ethnology, Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Associate Professor of the Department of General History, Political Science and Regional Studies, Mordovian State University named after N.P.Ogareva). <https://orcid.org/0000-0001-6902-5941>. Address: 3, L.Tolstoy st., Saransk, 430005, Russian Federation (68, Bolshevik st., Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation). irakil1967@mail.ru

Anastasia Yu. YAKOVLEVA. PhD (Hist. of Arts). Teacher of the Department of Stringed Instruments, Children's Music School № 7 named after A.S.Klyucharyova. <https://orcid.org/0000-0002-2142-7113>. Address: 11b, Kosmonavtov st., Kazan, 420061, Russian Federation. 8nastya8@list.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: July 15, 2024. Approved after review: September 25, 2024. Accepted for publication: November 30, 2024. Published: December 4, 2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Научный рецензируемый журнал

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиа-деятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО (У) МИД России

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

Редактор-переводчик – д-р фил. н. Л.Е.Бушканец

Корректор – канд. фил. н. И.А.Емелин

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский.

МАКЕТ И ПРЕПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА

Издательский дом «Проект Медиа Групп» (Департамент медиапроектов)
г. Москва, Гагаринский пер., 5, стр. 1, эт. 2, оф. 2 Тел. +7 495 146 83 02. Подписано в печать 01.12.2024
Отпечатано

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»

Московская область, г. Подольск, Революционный проспект, 80/42 Тираж 2000 экз.

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

Peer-reviewed academic journal

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia).

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Scientific Work of the National Research Institute for the Communications Development (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Research Institute for the Communications Development, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIER MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

EXECUTIVE EDITOR

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, expert of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Editor-translator – DSc. (Filol.) Leah E. Bushkanets

Proofreader – CandSc (Filol.) Ilya A. Emelin

Languages for publishing articles in the journal: Russian, English.

LAYOUT AND PREPRESS

Publishing House «Project Media Group» (Department of media-projects)
5, 2d building, 1st floor, 2d office, Gagarinskiy pereulok, Moscow Tel. +7 495 146 83 02
Signed in the press on 01.12.2024

Printed in the LLC «Podol'skaya fabrika ofsetnoj pechati» 80/42, Revolyucionnyj prospect, Podolsk, Moscow oblast
Circulation 2000 copies

ISSN 2782-3067

9 772782 306007 >

> УДК: 327 ББК 66.4

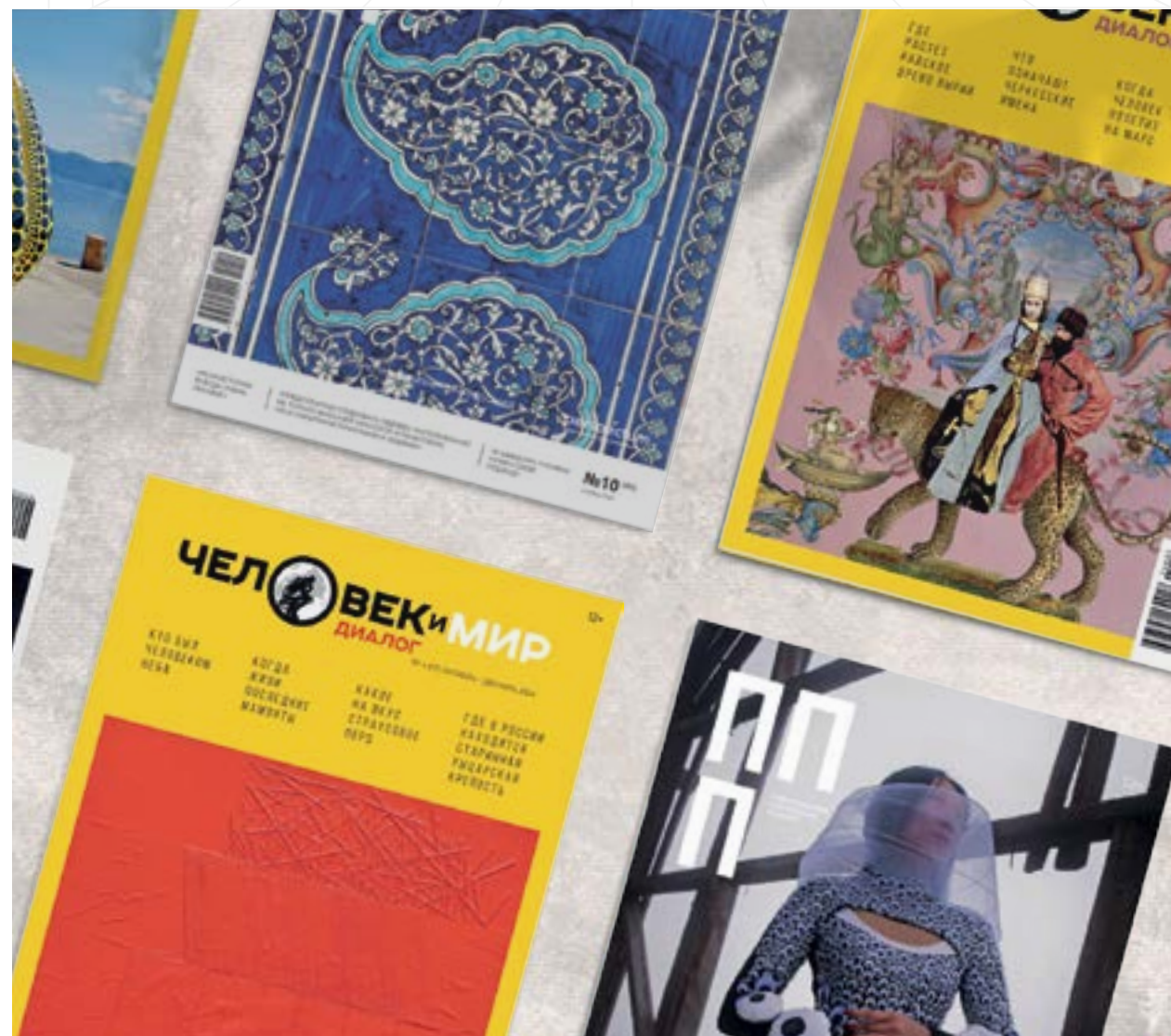
perspectum

ЧЕЛОВЕК и МИР
диалог

Порадуй себя или подари другу

Доставляем журналы лично в руки

«Амазонки русского авангарда» — так вслед за поэтом Б.Лифшицем сегодня называют художниц Н.Гончарову, А.Экстер, Л.Попову, О.Розанову, В.Степанову и Н.Удальцову, чье творчество стало знаковой и неотъемлемой частью искусства XX века и нашим вдохновением при создании дизайна этого номера.

Дизайн обложки создан по мотивам работ В.Степановой.

Варвара Степанова (9 (21) октября 1894, Ковно, Литва — 20 мая 1958, Москва, СССР) — советская художница-авангардистка, преподаватель, дизайнер, иллюстратор и поэтесса.

Муза, соратница и жена еще одного светоча советского конструктивизма — Александра Родченко — начинала в 1915–1917 гг. в студии Константина Юона.

С 1919 года — дизайнер книг, агитационных альбомов (в том числе Алексея Крученых), продукции ситценабивной фабрики. Оформляла декорации для постановок в Театре Мейерхольда и кино. Была художественным редактором в различных журналах («Кинофот», «ЛЕФ», «Современная архитектура» и др.). В 1919—1922 годах работала в Коллегии по делам изобразительных искусств Наркомпроса, сотрудничала с Институтом художественной культуры, преподавала в студии «ИЗО» Академии коммунистического воспитания им. Н.К.Крупской и ВХУТЕМАС. Самую яркую работу главной четы советских конструктивистов — отчасти восстановленное панно Дома Моссельпрома — можно и сегодня увидеть в Калашном переулке в Москве.

